

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Коллективная монография

Самара
2025

УДК 93(47)
ББК 63.3
О94

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. В.И. Данилов;
д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман,
д-р ист. наук, доц. О.Б. Леонтьева

Авторы:

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева, Л.М. Артамонова,
Е.П. Барина, Н.Н. Кабытова, М.М. Леонов, М.Н. Матвеев,
П.А. Мистрюгов, Ю.Н. Смирнов, О.В. Турганова, В.А. Тюрин

О94 **Очерки истории Самарского Поволжья** : коллективная монография /
П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева [и др.]; отв. ред.
П.С. Кабытов. – Самара : ООО «САМАРАМА», 2025. – 268 с.
ISBN 978-5-6052980-9-0

Коллективная монография продолжает цикл исследований самарских ученых, где предпринята реконструкция истории одного из значимых российских регионов – Самарского края со времени его вхождения в состав Московского государства вплоть до революционных событий начала XX в. и начального этапа формирования советской государственности. Основываясь на вводимых в научный оборот новых источниках, ее авторы предприняли попытку в контексте эволюции российской государственности рассмотреть отдельные направления развития Самарского края в период реализации Великих реформ во второй половине XIX – начале XX в. Прослеживается воздействие модернизационных процессов на экономическую и социокультурную сферу региона. Уделено внимание таким знаковым проблемам, как история Самарского КОМУЧа и чрезвычайных органов на территории Самарской губернии в первые годы советской власти.

Книга предназначена для историков, краеведов, студентов и школьников, а также для всех, кто интересуется историей родного края.

УДК 93(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-6052980-9-0

© Авторы, 2025
© Самарский университет, 2025
© Центр периодических изданий
Самарского университета,
оформление, 2025
© ООО «САМАРАМА», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
 Глава 1 Средняя Волга и Заволжье в процессе формирования российской государственности	 8
 Глава 2 «Поволжский фронтир» во второй половине XVI – начале XVIII в. и реализация военно- государственной политики по его освоению и защите	 23
 Глава 3 Географическое размещение населения Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	 55
 Глава 4 Губернская и городская администрации Самары	 72
4.1. Правительственные учреждения	72
4.2. Учреждения городского самоуправления	82
 Глава 5 Самарское общество и местное самоуправление	 93
5.1. Самарское дворянство	93
5.2. Самарское купечество	113
5.3. Самарское земство: во благо местных польз и нужд	142

Глава 6	
Культура Самарской губернии конца XIX – начала XX в.	172
Глава 7	
Самарская губерния под властью КОМУЧа	217
Глава 8	
Структуры Всероссийской чрезвычайной комиссии в Самарской губернии (1918-1920 гг.)	241
Заключение	265

Введение

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию предлагается новая коллективная монография «Очерки истории Самарского Поволжья». Книга подготовлена авторским коллективом, в который вошли историки Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева во главе с доктором исторических наук, профессором П.С. Кабытовым. Рассматриваемая в ней проблематика является продолжением изучения исторического прошлого Средневолжского региона и Самарского края, начало которому положил коллектив исследователей созданного в 1969 г. в нашем городе Самарского (Куйбышевского) государственного университета.

Совокупность подготовленных университетскими историками сборников статей, отдельных монографий, а затем и многотомных изданий в конце XX – первых десятилетиях XXI вв. была положительно оценена научным сообществом и до настоящего времени широко используется в научно-исследовательском и учебном процессе региональной общеобразовательной и высшей школы.

Казалось бы, избранную авторским коллективом проблематику изучения истории Самарского края к настоящему времени можно считать исчерпанной. Но продолжающиеся исследования последних лет свидетельствуют об интенсивной работе научного сообщества, существенном расширении источниковой базы и появлении новых обобщающих результатов по ряду актуальных для региональной истории тем.

Изданная коллективная монография состоит из совокупности научных очерков, посвященных длительной, продолжающейся более четырех столетий истории нашего края в составе Российской империи. Среди сложных, неоднозначно трактуемых научных проблем, затрагиваемых их авторами, традиционно просматривается присущее самарским историкам понимание особой созидающей роли государства в процессе колонизации и освоения простран-

ства «фронтيرا» и последующего, особо выделяемого ими периода «обретения родины». Под последним понятием подразумевается складывание на ранее практически неосвоенных постоянным населением землях «Поля» нового поликонфессионального и этнокультурного сообщества, основу которого заложили служилые и тяглые переселенцы – русские, татары, мордва, чуваш и иные представители средневожских народов. В этом отношении необходимо указать на постулат, выдвинутый академиком Л.В. Миловым о выдающейся роли государства и его институтов как традиционного создателя и гаранта «всеобщих условий производства» в истории формирования пограничных социумов, в том числе Поволжского.

Особое внимание авторы монографии уделили развитию Самарского региона во второй половине XIX – начале XX столетия, в том числе географическому размещению населения Самарской губернии; становлению местной губернской и городской администрации, самарскому земству, социальному облику дворянства и других групп населения. Повышенный интерес вызывает изучение времени правления КОМУЧа, а также структура Всероссийской чрезвычайной комиссии в Самарской губернии в 1918-1920 гг.

По мнению авторского коллектива, изучение исторического прошлого Самарского края может и в дальнейшем дать плодотворные результаты. Опыт многолетних исследований убеждает нас в том, что вполне возможным является открытие новых коллекций источников, как в центральных, так и в местных архивохранилищах; дальнейшее, более углубленное, изучение выявленных уникальных документов с помощью современного исследовательского инструментария. Надеемся, что коллективная монография «Очерки истории Самарского Поволжья» будет позитивно воспринята нашими читателями.

Авторский коллектив:

Введение. Средняя Волга и Заволжье в процессе формирования российской государственности – П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева;

«Поволжский фронтир» во второй половине XVI – начале XVIII в. и реализация военно-государственной политики по его освоению и защите – Э.Л. Дубман;

Географическое размещение населения Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. – П.С. Кабытов;

Губернская и городская администрация Самары – В.А. Тюрин;

Самарское общество и местное самоуправление – П.С. Кабытов, Е.П. Баринова, М.М. Леонов, О.Б. Леонтьева, М.Н. Матвеев, О.В. Турганова.

Культура Самарской губернии конца XIX – начала XX в. – Л.М. Артамонова, Ю.Н. Смирнов;

Самарская губерния под властью КОМУЧа – Н.Н. Кабытова;

Структуры Всероссийской чрезвычайной комиссии в Самарской губернии (1918-1920 гг.) – П.А. Мистрюгов.

Заключение – П.С. Кабытов.

*Выражаем искреннюю благодарность
директору социально-гуманитарного института
Самарского университета им. С.П. Королева,
доктору философских наук, профессору
Александру Юрьевичу Нестерову
за неоценимую поддержку и помощь
в издании нашей коллективной монографии.*

Глава 1

Средняя Волга и Заволжье в процессе формирования российской государственности

Российская государственность и цивилизация исторически складывалась как общность регионов с различным уровнем социально-экономического развития, уникальным историческим опытом и традициями, гетерогенным этноконфессиональным и социокультурным составом населения. В силу этого особую важность традиционно имела проблема поиска оптимальных моделей интеграции регионов страны, формирования чувства причастности их жителей к судьбе как «большой», так и «малой» Родины.

Решение этой задачи невозможно без обращения к историческому опыту. Современная наука пришла к осознанию необходимости построения многомерных моделей исторического развития, охватывающих обширные регионы на протяжении периодов «большой длительности» (до нескольких веков) и учитывающих взаимовлияние географических, социокультурных, социально-экономических, политических и этноконфессиональных факторов¹. Такое изучение направлено на выявление ресурсов стабильности и возможных «точек хрупкости» крупных геополитических образований.

Для российских государства и социума фактор освоения новых территорий являлся определяющим на протяжении едва ли не всего исторического прошлого. Этот тезис, впервые в обобщенной форме сформулированный С.М. Соловьевым², в чеканную, классическую форму перевел В.О. Ключевский, заявивший: «История России есть история страны, которая колонизируется». При этом, историк сформулировал важнейший вывод, суть которого состоит в том, что с каждым новым переселением, под влиянием «физиче-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. / пер. с франц. В 3 т. М.: Весь мир, 2006.

² Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти книгах. Кн. 2. М.: Мысль, 1988. С.631.

ских особенностей новозанятого края» и «новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах», изменялись «формы общежития», а народная жизнь получала «особое направление, особый склад и характер»³. Важнейшее методологическое значение для изучения рассматриваемой проблемы имеет также концепция фронта (пограничной, колонизируемой территории с подвижными границами и полиэтническим составом населения), предложенная еще в XIX в. американским исследователем Ф. Тернером⁴ и успешно используемая в настоящее время отечественными и зарубежными учеными при изучении колонизационных процессов в истории Российского государства в целом⁵, а также на Северном Кавказе⁶, в Сибири⁷, в Северном Казахстане, Приуралье и Южной Сибири⁸ и др. Актуальным направлением исследований стало изучение культурных трансферов между Россией и другими странами, или же в границах самой Российской империи⁹.

Научную значимость процессов расселения населения, государственного и хозяйственного освоения огромного пространства

³ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн.1. М.: Мысль, 1993. С.19-20.

⁴ Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2009.

⁵ Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М.Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С.94-145.

⁶ Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М.Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С.163-194.

⁷ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Дамешек Л.М., Ремнев А.В. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Побережников И.В. Канадский и российский фронтир: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 25-30.

⁸ Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. Bloomington–Indianapolis, Indiana University Press, 2002.

⁹ Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917) / Ред. М.Ауст, Р.Вульпиус, А.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010; Kusber J. Cultural Transfer as a Field for the Observation of Historical Cultural Studies. The Example of The Russian Empire // Quaestio Rossica. 2014. № 2. P.233-251.

Евразии, трансляции цивилизационных моделей и взаимодействия культур ни в коем случае нельзя преуменьшать. Процесс последовательного освоения огромного лесостепного и степного пространства от границ с Польшей до Урала, а также Сибири растянулся на несколько столетий, с середины XVI до начала XX в.: со времени существования традиционного аграрного общества до эпохи капиталистической модернизации. В осваиваемых, колонизирующихся регионах Российского государства складывался новый тип общества: модели, транслируемые из центра, вступали в сложное и гибкое взаимодействие с местными особенностями и традициями, с потребностями и интересами населения «окраин». В силу этого историческое становление цивилизационного пространства современной России необходимо исследовать, учитывая множественность акторов исторического процесса на каждой имперской окраине, исследуя их взаимодействие, выявляя мотивацию их поведения и реакций на обстоятельства и действия других акторов¹⁰.

Используя новые методологические подходы, самарские исследователи обратились к комплексному изучению особенностей развития южных и юго-восточных лесостепных пространств Средней Волги и Заволжья в составе Российского государства на протяжении периода «большой длительности» – с середины XVI до начала XX в.¹¹ В границах современного административно-территориального деления этот регион охватывает Самарскую и Ульяновскую области, а также пограничные с ними районы Саратовской, Пензенской, Оренбургской областей, Республики Татарстан, Респу-

¹⁰ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Изд. 2, испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

¹¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Кн. 1-6. М.; Наука, 2000; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т.: монография / [ред. кол.: П.С. Кабытов (отв. ред.) и др.]. 2-е изд, испр. и доп. Самара: ООО «Слово», 2020; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX вв.). Ч. 1. Очерки истории / под ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана, О.Б.Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация / под ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана, О.Б.Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014.

блики Башкортостан и Казахстана. Эти пространства, не имевшие вплоть до присоединения к Московскому государству сколько-нибудь устойчивых структур оседлого расселения, в эпохи позднего средневековья и нового времени стали зоной интенсивного колонизационного освоения представителями различных этносов: русских, украинцев, немцев; народов Среднего Поволжья – татар, чуваш, мордвы, башкир; кочевого населения юго-восточных степей¹². Своеобразие природно-климатических и почвенных зон предопределило особенности хозяйственной деятельности населения региона в условиях непрерывной колонизации: возможность трансформации «вмещающего ландшафта», перехода от преобладания кочевого скотоводства к экстенсивно развивающемуся земледелию¹³. Для переселенцев, приходивших в «дикое поле», расселявшихся на «порозжих землях», с течением времени этот регион становился «общей родиной»¹⁴. По сути своей «обретение родины» было сложным поэтапным процессом, в ходе которого переплетались несколько составляющих: взаимовлияние природно-географических условий региона и антропогенного фактора; складывание сословно-классовой структуры сельского и городского населения; становление социокультурного облика населения региона, формирование региональной идентичности и ряд других.

Процесс формирования и развития нового социума в колонизируемом регионе допустимо разделить на два особых исторических этапа. С середины XVI в. расселение по всей территории «вмещающего ландшафта» происходило в условиях постоянного преодоления воздействия внешних сил и, прежде всего, кочевых образований; интенсивного взаимодействия различных этнокон-

¹² «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация / под ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана, О.Б.Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014.

¹³ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX вв.). Ч. 1. Очерки истории / под ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана, О.Б.Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. С. 78-85.

¹⁴ Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Среднее Поволжье и проблемы национальных отношений // Регионоведение. 1993. № 2. С.84-86; Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

фессиональных групп в ходе совместной экономической и социокультурной деятельности. Вплоть до середины XIX в. средневожский регион может быть охарактеризован как один из *фронтиров* Российского государства. К середине XIX в. имперская политика на юго-востоке – в Заволжье утратила военные и внешнеполитические функции. Средневожский регион из фронта начал превращаться в своеобразную «*внутреннюю окраину*» России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи¹⁵.

Выступая в качестве фронта Российского государства, Среднее Поволжье и Заволжье являлись пограничьем и Европы, и Азии, плацдармом для продвижения в Сибирь, Казахстан и Центральную Азию. В течение длительного исторического периода южные и юго-восточные территории региона служили зоной кочевого и полукочевого скотоводства, тогда как расположенные севернее лесостепные черноземы привлекали сюда переселенцев-земледельцев. В качестве станового хребта региона выступала Волга и ее притоки, связывающие его пространство в единое целое.

Государственная политика в регионе после присоединения к России определялась его пограничным статусом: Среднее Поволжье становится интенсивно осваиваемой окраинной территорией, обращенной на юго-восток, к кочевому степному миру. Правительственная и вольная колонизация «украин» в XVI – XVII вв. постоянно взаимодействовали друг с другом¹⁶. Необходимо отметить чрезвычайную важность действий Московского государства в процессе формирования так называемых «всеобщих условий про-

¹⁵ Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред.

Э.Л.Дубмана, П.С.Кабытова. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2007. С.5-6; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / Под ред. В.Н.Данилова, П.С.Кабытова. Саратов: Наука, 2010. С.348-349; Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение родины». Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.): к постановке проблемы // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С. 9-17.

¹⁶ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. В пяти томах. Том 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М.: Наука, 1990. С.405.

изводства» прежде всего на окраинных пограничных территориях страны¹⁷.

Последние десятилетия XVI в. следует считать отправной точкой становления системы местных органов власти в Среднем Поволжье. Беспокойный характер региона, частые пограничные конфликты с кочевниками диктовали выбор способов управления, которые неизбежно приобретали военно-административный характер. Именно на территории бывшего Казанского ханства впервые в России было введено воеводское управление, создана и постоянно расширялась к югу и юго-востоку система административно-территориального деления, опирающаяся на сеть укрепленных опорных пунктов, новых «понизовых» городов-крепостей, находившихся в ведении приказа Казанского Дворца – центрального административно-территориального органа, наделенного обширными полномочиями¹⁸. Строительство засечных черт и «испомещение» под их защитой различных категорий служилого населения положило начало интенсивному заселению края, его сельскохозяйственной и промысловой колонизации, и позволило резко расширить во второй половине XVII – начале XVIII в. зону оседлого расселения.

Ареал расселения охватил практически все Правобережье Среднего Поволжья (до широты Сызрани и ниже по течению Волги) и земли Прикамья (под защитой Закамской черты). В ходе строительства системы засечных линий (Симбирской, Корсунской, Саранской и других) важнейшую роль в заселении примыкающих к ним территорий сыграло переведенное на них военизированное население: приборные люди (стрельцы, казаки и др.), дворяне и дети боярские, служилые мурзы, татары, чуваша и мордва. Их испомещение создавало условия для складывания крупного массива «служилого» землевладения, значительного количества сравнительно мелких помещичьих имений с крепостным населением. Вплоть до конца 1680-х гг. правительство, стремясь сохранить это многочисленное военизированное население от конкуренции

¹⁷ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С.361.

¹⁸ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. (управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казанского университета, 1982.

со стороны крупных привилегированных собственников, распространяло на уезды средневожского фронта нормы законодательства о «заказных городах». Только в последние десятилетия XVII в. начались массовые раздачи земли монастырям и представителям светской элиты¹⁹. Заметную категорию жителей региона составляли государственные и дворцовые крестьяне; правительство активно использовало их как источник людских ресурсов для пополнения различных категорий приборных людей, заселения и хозяйственного освоения более южных порубежных территорий²⁰.

Особенностью сельского тяглого населения региона, отличавшей его от жителей других «внутренних районов» Московского государства, являлась этноконфессиональная неоднородность. Различные в этническом и конфессиональном отношении группы сельских жителей – русских, татар, мордвы и чуваш – как правило, мирно соседствовали друг с другом²¹. Города и пригороды региона представляли собой военизированные поселения с преобладанием служилого населения. Только Симбирск и отчасти Саратов во второй половине XVII в. являлись крупными торгово-промышленными центрами с многочисленным посадским населением.

Способы и методы управления регионом существенно изменились в результате проведения петровских реформ. На территории Поволжья была введена губернская система управления (Казанская, Астраханская губернии); со второй трети XVIII в. началось интенсивное военно-государственное и экономическое освоение Левобережья. Но говорить об унификации управления краем по единому имперскому образцу было еще рано. В 1730-е – начале

¹⁹ Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России: монография. Ч.1. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. С.225-233.

²⁰ Дубман Э.Л. Служилые люди Южного Средневожья в конце XVI–XVII вв. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С.13-25; Малинкин Е.М. Военные силы Понизовья во второй половине 1640-х – начале 1660-х гг. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С.26-34.

²¹ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация / под ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана, О.Б.Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014.

1740-х гг. в Заволжье функции местного управления фактически выполняли временные экспедиции – комиссии (Закамская экспедиция Ф.В. Наумова, Оренбургская экспедиция, а затем – Оренбургская комиссия), осуществлявшие прежде всего задачи военизированного заселения региона.

Создание крупного вотчинного землевладения в лесостепной полосе Поволжья при Екатерине II имело своим следствием трансляцию на имперскую окраину социальных отношений, типичных для центра страны. Губернская реформа 1775 г. сформировала типичный набор органов губернского управления, заложила новые принципы формирования административных границ внутри Российской империи; в результате аппарат местного гражданского управления стал аналогичным существовавшему в большинстве регионов европейской России. В середине и второй половине XVIII в. в регионе появились новые административно-территориальные образования: Оренбургская, Симбирская, Саратовская губернии²².

Наиболее многочисленной сословной группой жителей Поволжья в XVIII в. были государственные крестьяне (по данным 1760-х гг., они составляли почти половину всего крестьянского населения региона). С середины XVIII в. начинается наступление дворян на крестьянские земли – дворянское землевладение в крае расширялось в результате пожалований, распродажи участков вдоль потерявших свое военное значение укреплённых линий, покупки земли у однодворцев, ясачных крестьян и других категорий местного населения, наконец, путем самовольных захватов, позднее легализованных в ходе Генерального межевания.

В Заволжье помещики обосновались позже, чем на Правобережье Волги – по мере ликвидации угрозы от кочевых набегов и укрепления власти. Земледельческое освоение Самарского Заволжья пошло быстрее после отмены в 1736 г. запрета на покупку и продажу башкирских земель: часть башкирских охотничьих угодий и кочевий была продана государственным крестьянам, но в основном эти земли скупались за бесценок помещиками. В свои

²² Смирнов Ю.Н. Крупная крепостная вотчина и освоение земель Среднего Поволжья в последней трети XVIII – первой половине XIX века (по материалам владений Орловых и Орловых-Давыдовых в районе Самарской Луки) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С.101-109.

новые владения помещики активно переводили крепостных из менее плодородных районов страны. Политика властей вела к формированию в Заволжье крупного помещичьего землевладения – и, соответственно, крепостного владельческого крестьянства, преимущественно русского²³.

Изменения структуры населения региона отразились и на городском социуме. В первой половине XIX в. прирост городского населения в Поволжье был выше, чем в среднем по стране. Однако урбанизация здесь осуществлялась за счет развития уже существовавших, а не вновь основанных городов. Значительный прирост населения наблюдался в волжских городах с удобными пристанями; численность их населения в несколько раз возрастала во время крупных ярмарок, а также летом – за счет притока бурлаков и сезонных рабочих. В городах региона сохранялся патриархальный образ жизни, преобладающее большинство городского населения в конце XVIII в. и даже в первой половине XIX в. составляли крестьяне. Состав жителей городов Поволжья был многонациональным, но преобладало здесь русское православное население. Представители автохтонных этносов концентрировались, как правило, в сельской местности. Различался социальный облик поволжских городов: у Симбирска сформировалась устойчивая репутация «дворянского гнезда», у Саратова – «купеческого» города²⁴. Именно в конце XVIII – первой трети XIX в. были заложены основы системы народного образования в регионе²⁵.

Мощное переселенческое движение и сельскохозяйственная колонизация подготовили основу для административного переустройства региона. К середине XIX в. имперская политика на левобережье Волги утрачивает военные функции; происходит окончательное включение этих земель в политическую и экономическую систему Российской империи (так, в середине XIX в. в

²³ Смирнов Ю.Н. Крупная крепостная вотчина.

²⁴ Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.). Учебное пособие / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. С.102-116.

²⁵ Артамонова Л.М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С.110-117.

регионе были образованы новые губернии: в 1850 г. – Самарская, а в 1865 г. – Уфимская губерния). Ликвидация в 1881 г. Оренбургского генерал-губернаторства показала, что зона имперского фронта переместилась гораздо южнее. Реализация в регионе реформ Александра II по общероссийскому сценарию доказала, что правительственные структуры к тому времени рассматривали Среднее Поволжье и Заволжье как внутренние территории империи, где власть могла рассчитывать найти надежную социальную опору.

Новый импульс колонизационным процессам был дан в пореформенный период: строительство железных дорог, интенсификация волжского пароходства способствовали увеличению численности и плотности населения, задавали вектор миграции. Во второй половине XIX – начале XX в. регион стал важным транзитным узлом, через который шло массовое переселение крестьян из центральных губерний России и Украины в Сибирь; часть переселенцев оседала в самом Поволжье – в южных степных уездах. Переселение шло и внутри Поволжского региона: сохранение крепостнических пережитков, перенаселенность вели к росту числа переселенцев из Казанской, Симбирской и Пензенской губерний на юго-восток региона.

На новых местах поселенцы воспроизводили традиционные для них формы общежития, самоуправления, ведения хозяйства, долгое время сохраняли свои особенности говора, быта, культуры; переносили на новые реалии привычные топонимы. Во второй половине XIX – начале XX в. Среднее Поволжье и Приуралье являло собой историко-культурную область, где активно взаимодействовали различные этноконфессиональные группы. Типичным явлением лесостепной полосы было наличие смешанных поселений – например, русских и татар, русских и мордвы и т.д. Напротив, в степных районах Поволжья и Приуралья развитие земледелия шло за счет сокращения землевладения и кочевого хозяйства башкир. Когда необходимость в иррегулярной военной охране приграничных территорий отпала, земли кочевых народов из военного ведомства были переданы в распоряжение Министерства государственных имуществ, которое стало активно передавать их переселенцам из центральных регионов страны. Это привело к изменению экологической и этнокультурной ситуации в регионе.

Социальный облик населения Среднего Поволжья в XIX – начале XX в. был типичным для российской провинции, но при этом обладал некоторой региональной спецификой. Дворянство средне-волжских губерний по общероссийским меркам сформировалось довольно поздно, в конце XVIII – первой половине XIX в.; лишь Симбирская губерния принадлежала к «дворянским» территориям империи с «древними благородными родами». Низкий удельный вес дворян в общем составе населения Поволжья еще более сократился в пореформенный период; причинами тому были убыль дворянского землевладения, постепенное формирование купеческой и крестьянской собственности на землю, перемещение потомственного дворянства в столицы и другие города страны. С 1877 по 1914 г. дворянство региона потеряло почти две трети своего земельного фонда. Пик распродажи «дворянских гнезд» в Самарской и Саратовской губерниях пришелся на 1906-1907 гг., когда многие поместья пришли в расстройство в результате крупнейших в России крестьянских волнений²⁶.

Характерной чертой аграрного развития Поволжья во второй половине XIX в. были экстенсивные методы земледелия. В степных уездах за два десятилетия рубежа веков размеры пашни удвоились. Под посевы шли распаханые залежи, луга и пастбища, на севере и северо-востоке – расчищенные леса. Благодаря этому за-волжские степи превратились в бескрайние хлебные житницы; к началу XX в. лишь в Уфимской и Оренбургской губерниях оставались нераспаханные ковыльные степи, хотя их размеры быстро сокращались. Главными посевщиками в крае были крестьяне, что было особенно заметно на фоне сокращения фондов дворянского землевладения. Удельный вес новаций в агрономии был невелик; улучшения в агротехнике и агрикультуре были заметны в частновладельческих экономиях, в крестьянских хозяйствах фермерского типа на степном юге Самарской губернии, фермерских уездах, сформировавшихся вокруг Уфы, Белебея, Sterлитамака, в хозяйстве немцев-колонистов в Поволжье и на Южном Урале. Железные дороги дали мощный импульс формированию пространства

²⁶ Кабытов П.С., Баринаева Е.П. Дворянство Поволжья второй половины XIX – начало XX вв.: историография проблемы // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С.47-52.

хлебного рынка Поволжья и интенсифицировали связи региона с другими частями империи. В пореформенный период Заволжье обрело статус «российской житницы», одного из основных центров товарного зернового производства, поставщиков хлеба на внутренний и внешний рынки²⁷. В то же время значительное увеличение пахотных угодий оборачивалось постепенным снижением урожайности и «выпаханностью» земель, усилением зависимости земледельца от климата, что, наряду с ростом численности сельского населения, постепенно вело аграрный сектор хозяйства края к кризису²⁸.

Ход столыпинской реформы в регионе наглядно свидетельствует о неоднородности социально-экономического облика поволжской и приуральской деревни. В многонациональной деревне лесостепного региона землеустроители натолкнулись на стойкое сопротивление сельской общины. Напротив, в степных уездах Заволжья быстрее шло формирование хозяйства фермерского типа, и идея перехода к индивидуальному землевладению встретила там гораздо более широкую поддержку крестьян, чем в других уездах и губерниях региона²⁹. Но все же в данном регионе, как и в стране в целом, реформа не смогла снять остроту крестьянского вопроса. В ходе революций начала XX в. наглядно проявилась социально-политическая дифференциация населения Поволжья; крестьяне выдвигали конфискационные требования и поддерживали демократические силы³⁰.

В пореформенный период города региона начали превращаться в новые динамично развивающиеся торгово-промышленные центры, важные транзитные пункты российской торговли. Основной категорией городского населения стали мещане, второй по численности категорией городского населения (в Симбирской

²⁷ Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004.

²⁸ Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности. С.182-217.

²⁹ Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии: сборник документов и материалов. Самара, 2012. С.89-125, 187-203.

³⁰ Кабытова Н.Н. Социально-политическая дифференциация населения Поволжья в 1917 г. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С.161-171.

губернии – первой) были осевшие в городах крестьяне. Рост доли дворян в городском населении, по всей видимости, был вызван «оскудением» дворян после реформы 1861 г. и переселением их в города. Несмотря на скромную численность купцов, их влияние на городскую жизнь было огромным, в силу владения ими значительной частью городской недвижимости и ведущей роли в городской экономике³¹.

Торгово-предпринимательская деятельность средневожского купечества была напрямую связана с природно-климатической и хозяйственной спецификой региона. Крупнейшие капиталы самарских купцов были нажиты на хлеботорговле, на кожевенных и салотопенных предприятиях. Во второй половине XIX в. основной сферой приложения купеческих капиталов стала хлеботорговля. Наконец, в конце XIX в. купечество оценило выгоду совмещения торговой деятельности с промышленным производством: предприниматели объединили в своих руках закупку зерна, его переработку на собственных мельницах, транспортировку и продажу, как в ближайших губерниях, так и за их пределами. Это способствовало выделению крупных торгово-промышленных фирм, получивших возможность выйти за пределы поволжских губерний и найти свое место на всероссийском рынке. Купечество стало «лицом» городского управления: в составе городских дум насчитывалось в среднем 60-70% представителей купечества, а городские головы в подавляющем большинстве случаев являлись купцами. Купечество оставило свой след в формировании городской среды Среднего Поволжья, что выразилось в строительстве храмов, доходных домов, торговых заведений, производственных предприятий³². Отражая расстановку социаль-

³¹ Тюрин В.А. Структура, численность, социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С.92-98; Тюрин В.А., Рогач Ю.А. Социокультурное пространство и практики повседневности в городах Среднего Поволжья конца XIX – начала XX вв. // Самарский земский сборник. Общественно-политический и научный журнал. 2013. № 1 (22). С.96-107.

³² Кабытов П.С., Баринаева Е.П. Торгово-предпринимательская деятельность средневожского купечества // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С.99-117.

ных сил, городские думы Среднего Поволжья до начала революции 1905-1907 гг. были политически индифферентны и сосредотачивались на хозяйственных проблемах³³.

Самым многочисленным городским сословием в пореформенный период стало мещанство, пополнявшееся выходцами из самых разных социальных групп (главным образом за счет крестьян, переселявшихся в города). Доходы основной массы мещан незначительно превышали прожиточный минимум. Реализация Городового положения 1870 г., с его принципом всесословности и высокими избирательными цензами, вызвала исход мещан из городского самоуправления и снижение их роли в городской жизни³⁴.

Окраинный статус региона все еще был заметен по многим показателям: прежде всего по темпам развития образования и культуры. Только в Казани, образовательном центре Поволжья, действовал университет, основанный еще при Александре I, ветеринарный институт, духовная академия; в Саратове первым высшим учебным заведением стал сельскохозяйственный институт, а университет в составе одного факультета (медицинского) был создан только в 1909 г. И это тоже было показателем провинциальности, того факта, что Поволжье очень слабо включалось в процесс социокультурного развития имперского «ядра».

К началу XX в. средневольтское пространство приобрело статус «места памяти» для российской культуры, одного из ключевых символов русской национальной идентичности. Волжские пейзажи И.И. Левитана или И.Е. Репина воспринимались как типично русские ландшафты; сравнения могучей и величавой реки с русским народным характером стали расхожим литературным приемом. «Внутренняя окраина» превращалась в особое историко-культурное пространство со своим узнаваемым, выразительным обликом³⁵.

³³ Леонов М.И. Власть и общество Средней Волги и Заволжья в годы Думской монархии // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С.139-150.

³⁴ Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013.

³⁵ Цыганова Я.М. Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С.74-82.

В отношении этого региона особенно верным представляется наблюдение Ключевского об «исторической службе русской реки», которая «воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение»³⁶.

Таким образом, важнейшей особенностью региона был процесс его массовой колонизации, начавшейся в середине XVII в. и продолжавшейся вплоть до начала XX в. Наличие здесь значительного фонда свободных земель и благоприятная рыночная конъюнктура порождали интенсивные миграционные процессы, которые, в свою очередь, оказывали прямое или косвенное влияние и на экономическую, и на социальную, и на общественно-политическую ситуацию. Складывание системы устойчивого расселения, формирование нового хозяйственного и культурного облика, взаимовлияние различных народов «леса и степи» в ходе «обретения родины» и формирования нового социума являлись основными сущностными характеристиками развития региона, превращения его из территории фронта во «внутреннюю окраину» Российской империи, в «общую родину» для его многоликого населения.

³⁶ Ключевский В.О. Русская история. Кн.1. С.55-56.

Глава 2

«Поволжский фронтир» во второй половине XVI – начале XVIII в. и реализация военно-государственной политики по его освоению и защите

Концепция «фронтира» и ее использование при изучении формирования территории Российского государства. В последнее время в исследованиях российских историков широко используется сравнительно недавно введенный в научный оборот отечественной науки концепт «фронтира»³⁷. Несомненно, что его применение для изучения процессов, происходивших на пограничных, окраинных территориях, где наблюдалось взаимодействие различных этносоциальных сообществ, столкновение их интересов, является необходимым и это было доказано в трудах многих зарубежных исследователей, начиная с Ф.Дж. Тернера³⁸. Для эпохи позднего средневековья Московского государства и начального этапа становления Российской империи с постоянной, присущей им широкомасштабной территориальной экспансией, использование такого подхода позволяет существенно расширить возможности, традиционно широко применяемой, колониационной теории; дает

³⁷ См., например: *Sen', Dmitriy Vladimirovich. Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue [Фронтирные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 66-80; Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.*

³⁸ Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009; Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio. 2003. № 1. С. 57-58; Баррет, Томас М. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология / Сост. Дэвид-Фокс, Майкл. Самара, 2000. С. 163–193.*

возможность понять, что же происходило с социумами, формирующимися в пространстве пограничья, одновременно осваиваемого различными этносами. Характерно, что Тернер в одном из своих писем также заявлял, что «Россия должна иметь свои фронтирные интерпретации истории»³⁹. Очевидно, что, несмотря на всю зачастую справедливую критику, разработанной на Западе теории фронта; наиболее адекватные из применяемых учеными, методов «фронтирных исследований», способствуют более углубленному изучению совокупности явлений, возникающих в процессе такой колонизации; позволяют расширить исследовательское пространство историка и способствуют анализу изменений, прежде всего, в ментальности и социальной психологии, складывающегося в новых условиях населения. Такие методы становятся в определенной степени «универсальным инструментарием» для изучения социумов, ранее формировавшихся в различных природно-климатических и геополитических условиях. Оказавшись в новом для них пространстве, эти этносы в силу различных обстоятельств вынуждены были сосуществовать, взаимодействовать, «изобретать» формы для взаимного «уживания» и постоянного сотрудничества, в так называемых ареалах «обретения родины», то есть на территориях, где до их расселения практически не было постоянного, этнически и социокультурно однородного, оседлого населения.

Особенности государственной колонизации лесостепного Правобережья во второй половине XVI – второй трети XVII в. Именно к таким, фактически заново осваиваемым регионам можно отнести условно выделяемый нами, так называемый, «Поволжский фронтир». Под последним подразумевается лесостепное пространство Среднего Поволжья, в пределах от южных границ, присоединенного к Москве в середине XVI в. Казанского ханства, и до перехода его в степную зону по широте, примерно, течения Б. Иргиза. Западные и восточные рубежи этого региона располагаются в рамках традиционно определяемых для отечественной нау-

³⁹ Цит. по: Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие: учебное пособие / Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В., Васильев Д.В., Якушенкова Ок.С., Якушенкова Ол.С., Кусмидинова М.Х., Топчиев М.С. Астрахань, 2014. С. 24.

ки географических границ Среднего Поволжья⁴⁰. Его общая характеристика как «Поволжского фронта», складывается исходя из совокупности итоговых, обобщающих исследований современных историков конца XX – начала XXI вв.

В них ученые особо выделяют протяженный лонгитудный этап «фронтирного развития», указанного колонизируемого пространства, временем от присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к Московскому государству в середине XVI в. и до середины – конца XVIII в.⁴¹ При этом его эволюция, как фронта на всем пространстве рассматриваемого региона, протекала неравномерно. Если на правом берегу (в Предволжье), эту стадию обычно завершают начальными десятилетиями XVIII в., то для Заволжья процесс формирования «фронта» значительно запаздывает и охватывает в основном XVIII столетие. Относительно полная характеристика развития всего указанного региона, как пространства «фронта», и последующей его эволюции, как «внутренней окраины» Российского государства, приведена в 2-х томах коллективной монографии и учебном пособии, подготовленных самарскими историками⁴².

Однако, ряд существенных аспектов данной темы еще нуждается в дополнительном изучении. Ее сложность заключается в том, что в интенсивной колонизации «Поволжского фронта» участвовало значительное количество акторов. Трудности более детального изучения места и роли каждого из них в этом процессе связаны, прежде всего, с фрагментарностью или с практическим отсутствием репрезентативной источниковой базы. Именно последним об-

⁴⁰ Советский Союз. Геогр. описание в 22 томах. Европейский Юго-Восток. М., 1968. С. 27-46.

⁴¹ Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России. Часть 1. Поволжский фронт в середине XVI – XVII в. Очерки истории. Самара, 2012; Южный и юго-восточный фронт России в XVI-XVIII века: очерки истории. Коллективная монография. Ростов-на-Дону, 2024. (см. разделы, подготовленные Э.Л. Дубманом. С. 93-158, 264-272, 275-311).

⁴² «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI-начало XX в.). Ч. 1-2. Очерки истории. Монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013-2014; Средняя Волга и Заволжье в процессе и развитии Российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI-начало XX в.): учеб. пособие / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.

стоятельством обусловлено одно из самых значимых препятствий на пути исследователей. Приказ Казанского Дворца, практически единолично управлявший всей этой территорией в рассматриваемый период, фактически полностью был уничтожен в пожаре начала XVIII в. Его делопроизводство и архив сохранились лишь фрагментарно и необходима большая кропотливая работа для их, хотя бы частичной, реконструкции.

Характерно и то, что рассматриваемый регион существенно отличался особенностями своего развития от других пограничных окраин Российского государства. Его пространство соединял в единое целое уникальный для средневековой страны судовой путь по Волге в богатые страны Востока. Помимо того, богатейшие ресурсы ихтиофауны рек, впадающих в Каспийское море и их притоков, буквально притягивали со всей России на свою акваторию рыбных промышленников и большое количество сезонных работников, занятых на промыслах и обслуживании судоходства. Примыкающие к Волге лесостепные пространства Правобережья, практически, оказались запустевшими из-за междоусобиц времени распада Золотой Орды и последующих постоянных нападений кочевых сообществ. Но их природные ресурсы – «бобровые гоны», «бортные ухаи», сенокосы и т.д. широко использовались в качестве сезонных, «наездом», промыслов. Ими занимались жившие оседло по соседству народы – мордва, чуваш, татары и т.д., с уже сложившейся этнокультурой, верованиями и т.д.⁴³ Земли Заволжья и Нижнего Поволжья являлись летними пастбищами и охотничьими угодьями крупных кочевых сообществ – ногаев, затем сменивших их в начале XVII в. калмыков, башкир и других этносов. Начиная с рубежа XV-XVI в., здесь постоянно начинает упоминаться складывающаяся казачья вольница, основным пространством деятельности которой, были речные акватории и их прибрежные зоны. Об этом, например, свидетельствует послание ногайского князя Иштерека Б. Годунову в 1604 г.: «Токо бы казаки на улусы приходили сухим путем, и он бы над казаками умел промыслиати.

⁴³ Гераклитов А.А. Алатырская мордва. По переписям 1624-1721 гг. // Гераклитов А.А. Избранное в 2 ч. Т. 1. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 349-462; Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг.: публ. текста; сост. Ю.Н. Мельников; вступ. статья, коммент. Ю.Н. Мельникова. Ульяновск, 2014.

А то де казаки приходят на них водяным путем, в розни многими людьми... а на воде над ними промыслу никоторого не умеет учинить... И быть им (ногаям. – Э.Д.) от казаков в великом разоренье. А уберечись от казаков никоим обычаем нельзя, потому что казаки многие. А приходят разными протоками и многими людьми, по двести и по триста и более человек»⁴⁴.

Для включения всего этого пространства в военно-административную и экономическую систему России, по образному выражению Л.В. Милова, роль государства, выступавшего в качестве создателя так называемых «всеобщих условий производства», была чрезвычайно значима⁴⁵.

Именно, завоевание Казанского и Астраханского ханств, «плавные рати», строительство городов-крепостей между Казанью и Астраханью, а также реформа сторожевой службы 1571 г., осуществленная князем М.И. Воротыньским, стали первыми шагами на этом пути. В последней, особую значимость для Предволжья имели действия крайних юго-восточных сторожей, которые из Казани, Свияжска, Алатыря и других, вновь основанных городов, объезжали по правому берегу всю среднюю и значительную часть нижней Волги, вплоть до «Караманского леса» у устья р. Терешки; где останавливались, немного не доходя до возведенного позднее Саратова⁴⁶. О реальной роли таких сторожей свидетельствуют, в частности, отношения с ногаями. Так, например, когда в 1580 г. бий Большой Ногайской Орды Урус обсуждал со своими мирзами набег на волжское Правобережье, те выступили против, заявив, что: «...нынче на Волге сторожи, и оне тебя за Волгу не пустят; хотя и за Волгу перейдеш, то московские люди будут наготове»⁴⁷.

Эта система сторожей опиралась на основанную на северо-западных границах «Поволжского фронта» совокупность городов-крепостей, острогов и засечных черт, защищавших быстро

⁴⁴ Цит по: Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII веке. Волгоград, 2005. С.131.

⁴⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561.

⁴⁶ Акты Московского государства (далее АМГ). Т. 1. СПб., 1890. № 4. С. 6.

⁴⁷ Цит. по: Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 302-303.

заселяемое правобережье Казанского края. Например, еще в 1846 г. И.Д. Беляев утверждал, что к завершению XVI столетия «существовала уже длинная цепь укрепленных городов по всей степной уkraine от Алатыря до Рыльска и Путивля»⁴⁸. Исследователи считают, что оборонительные сооружения Алаты(о – по В.И. Лебедеву)рской и Тетюшской засечных черт, протянувшихся между Волгой и Сурой, вполне эффективно прикрывали район сельского расселения, находившийся севернее под их защитой. Несколько позднее, южнее была возведена Ново-Тетюшская черта⁴⁹. Однако, все они защищали только отдельные, наиболее опасные от нападений кочевников участки (Пузская черта, Карлинская и т.д.). Следует согласиться с мнением большинства занимавшихся этой темой историков, что вряд ли можно назвать совокупность этих фортификационных сооружений единой непрерывной засечной чертой⁵⁰.

Важнейшим событием в истории «Поволжского фронта» стало сооружение 3-х засечных черт в середине XVII в.: двух на Правобережье (Симбирской, полностью закрывшей пространство между Волгой

⁴⁸ Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской уkraine Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С.46.

⁴⁹ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 22-33; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982. С.36; Кочетков В.Г. Город-крепость на Суре. Очерки истории Алатыря и уезда в XVI – XVII вв. Чебоксары, 2012. С. 18-24.

⁵⁰ Липинский А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб., 1868. Ч.1. С.11; Совокупность систематизированных сведений об остатках сооружений этих укреплений собрана в рукописи Г.М. Букова, одна из копий которой ныне хранится в архиве Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. См.: Буков Г.М. Археологическая карта Ульяновской области. Симферополь, 1977; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 14-17, 89-91; Пашина Е.В. Карлинская засечная линия в современной историографии // Вестник СамГУ. 2014. № 5 (116). С. 75-79; она же. Из истории Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской засечных черт (вторая половина XVI – середина XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. ст. Казань, 2014. Вып. 4. С. 146-175; Кадрова Т.Н., Вихляев В.И. Оборона юго-восточных границ Российского государства в XVI – XVII вв. (На примере Шацко-Алатырской засечной черты) // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2020. № 3 (55). С. 7-17; и др. работы.

и р. Барыш, и продолжившей ее до Суры – Карсунской) и одной в Заволжье – Закамской (от крепости Белый Яр при впадении Б. Черемшана в Волгу и до притока Камы р. Ик). Они в совокупности с построенными в конце 1630-х – 1640-х гг. Белгородской и прочими засечными чертами, фактически, перекрыли от нападений кочевников весь Юг и Юго-Восток европейской России. Среди указанных выше систем укреплений Приволжья и Заволжья, особое значение имела Симбирская засечная черта. Она со своими гарнизонами являлась «уездобразующей» и стала основой для складывания нового Симбирского уезда. Фактически, карсунские воеводы подчинялись симбирским властям, а сама одноименная черта со всеми гарнизонами входила в состав Симбирского уезда, несмотря на то, что имела особый автономный статус. То же самое, можно сказать о Белом Яре и Ерыклинке, острогах с примыкающими к ним валами и засеками. С них начиналась от Волги Закамская засечная черта, и они также в конечном итоге вошли в состав Симбирского уезда⁵¹. Следует особо отметить, что гарнизоны Симбирской и Карсунской оборонительных систем не только защищали население, прикрытое их крепостями и острогами, но и оказывали значительное влияние на начавшееся вскоре расселение «за валом». Здесь, из-за наступившей «тесноты» (нехватки пространства для расселения), к югу от указанных засечных черт, начинают складываться селения крупных дворцовых волостей, села и деревни местного дворянства, центральных и региональных монастырей, ясачных крестьян, а также слободы стрельцов, «городовых» казаков и солдат. В этом процессе военно-административного и хозяйственного освоения Правобережья огромную роль играли служилые приборные люди, прежде всего, стрельцы, казаки, затинщики и пушкарки – как русские, так и набираемые из различных народов Среднего Поволжья. Следует согласиться с высказыванием известного отечественного историка П.П. Смирнова, считавшего, что «...со второй четверти XVII столетия на восточной границе Московского государства, равно как и на южной, были созданы громадные резервуары, которые необходимо было быстро заполнить ратными людьми...»⁵².

⁵¹ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665-1667 гг.). Симбирск, 1896. С. 10-12, 144, 264.

⁵² Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Количество и движение населения. Киев, 1919. С. 164-165.

Начальные гарнизоны Карсунской и Симбирской засечных черт на Правобережье, основной составляющей которых являлись служилые люди по прибору, складываются в конце 1640-х – начале 1650-х гг. А уже десятилетием позднее, по сметам военных сил 1661-1663 гг. Симбирска, крепостей и острогов его черты, их численность составила 3353 чел. (113 дворян и детей боярских, 2796 казаков и стрельцов, 444 служилых татар, чувашей и мордвы). По Карсунской засечной черте общее число казаков, стрельцов, татар, чувашей и мордвы почти не изменилось со времени ее возведения, но также оставалось весьма значительным (2091 чел.)⁵³.

Я.Е. Водарский, изучавший тенденции развития приборного служилого населения (однодворцев) по интенсивно заселяемым окраинам европейской части страны на 1662-1665 гг., приходит к выводу, что именно Симбирский уезд (по подсчетам историка его гарнизоны насчитывали 4944 чел.) по этим показателям занимал ведущее место среди остальных пограничных уездов Юго-Востока и в целом всей страны⁵⁴. Для третьей четверти XVII в. можно сделать вывод, что именно служилые люди по прибору, как русские, так и представители коренных народов Среднего Поволжья, составляли со своими семьями основное население рассматриваемого региона.

Необходимо отметить, что в хозяйственном отношении подавляющее большинство этого служилого населения, расселенного по слободам, зачастую на значительном удалении от засечных черт, их городов, пригородов и острогов; получало от государства не «денежное и хлебное жалование», а прежде всего, пахотные земли и иные сельскохозяйственные угодья. Фактически, их наряду с переселенцами-крестьянами, можно считать основным земледельческим населением Симбирского уезда, интенсивно занимавшимся помимо своих военных обязанностей, сельским хозяйством.

⁵³ Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее ЧОИДР), 1911. Кн. 3. С. 50-52.

⁵⁴ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. С. 106-108.

Зачастую, составители писцовых книг и переписей населения считали их не только приборными служилыми людьми; военной силой, обеспечивающей безопасность данного региона, но и просто сельским населением. Одной из самых многочисленных категорий приборных людей являлись «городовые» казаки, несшие конную службу. Им государство, как более мобильным и, видимо, боеспособным частям, выделяло наиболее значительные участки земельных угодий. В поисках свободных земель казаки, зачастую, испрашивали у своего руководства разрешение селиться отдельными слободами в удаленных местах от крепостей и острогов, к которым они были приписаны. В сохранившихся источниках, их слободы нередко записывались с дополнительной приставкой «село» или «деревня». Например, у Ю.Н. Мельникова, подготовившего к изданию писцовую книгу Карсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг., наряду с названием слобода, как базового для конкретного поселения, постоянно встречается дополнительное его определение «село» или «деревня», например, «Село Таволжанская Слобода», «Деревня Маисская Слобода» и т.д.⁵⁵ Видимо, такое двойное обозначение селений отражало специфику положения и статус их жителей, в том числе не только казаков, но и расселенных после завершения Разинщины на территории уезда солдат.

Трудно переоценить деятельность руководства Симбирского уезда, направленную на заселение и организацию хозяйственной деятельности, как уже освоенных, так и новых, более «опасных» земель «за валом». В качестве примера можно привести уникальный проект комплексного экономического развития уезда с прилегающими к нему соседними регионами (в том числе и будущим Самарским), составленный в 1667 г. местным воеводой И.И. Дашковым. Характерно то, что с его содержанием ознакомился сам царь Алексей Михайлович, оставивший на страницах прочитанного текста, свои пометки. Для второй половины XVII в. такой глубокий анализ возможностей освоения природных ресур-

⁵⁵ Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг.: публ. текста; сост. Ю.Н. Мельников; вступ. статья, коммент. Ю.Н. Мельникова. Ульяновск, 2014. С. 5-7, 119-384, 438-445.

сов пограничного региона явление необычное. Важно и то, что многое из того, что предлагал воевода, государство попыталось и смогло реализовать⁵⁶ (например, была поселена Арбугинская дворцовая волость, защищенная своей особой системой укреплений⁵⁷). К сожалению, аналогичное описание самарского воеводы В.Я. Эверлакова выявить не удалось⁵⁸. Об эффективности действий Дашкова и других симбирских воевод свидетельствует то, что к началу XVIII в. границы их уезда на правобережье занимали все пространство (кроме Самарской Луки) междуречья Волги и Суры, охватывали небольшой участок Заволжья по Закамской черте и завершались на юге, примерно, по условной линии соединяющей Пензу и Саратов.

Отметим, что в целом, деятельность государства по сооружению засечных черт, размещению по ним обеспеченных земель и иными сельскохозяйственными угодьями гарнизонов, становлению землевладения местного дворянства и детей боярских, а также различных категорий крестьянского населения в центральном и северном пространстве Симбирского уезда достаточно полно рассмотрена Г.И. Перетятковичем, Э.Л. Дубманом и другими исследователями.

⁵⁶ Дубман Э.Л. Юго-Восток европейской России: специфика экономического развития в конце XVI-XVII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Москва, 21-22 ноября 2019 г. Вып. 6. Материалы к Международной научной конференции. Москва, 2019. С. 26-30.

⁵⁷ Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): учеб. пособие / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013. С. 47-48.

⁵⁸ Дубман Э.Л. Изучение природных ресурсов европейского Юго-Востока России во второй половине XVII в. // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Ч. I. Под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара, 2015. С. 227-229; Дела Тайного приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее РИБ). СПб., 1907. Т. 21. Стб. 604.

Закрепление за Русским государством волжской акватории. Строительство новых «городов-крепостей» и складывание Самарского уезда. Особо сложным и до конца не очевидным является изучение деятельности государства, направленной на окончательное закрепление за Московским государством Волги и примыкающего к ней прибрежного лесостепного пространства во второй половине XVI – начале XVIII в. К сожалению, для этого региона, составляющего в настоящее время значительную часть территории современной Самарской и примыкающих к ней соседних Ульяновской и Саратовской областей, процесс его освоения, в том числе и военно-государственного, рассмотрен лишь фрагментарно. Интересы и действия его многочисленных акторов нередко противоречили друг другу и создавали конфликтные ситуации.

Вопрос о появлении совокупности городов-крепостей на волжском пути между Казанью и Астраханью, возведение которых могло существенно повлиять на изменение геополитического фактора развития обширного региона, стал предметом обсуждения, практически, сразу же после закрепления Волги за Россией в первой половине – середине 1550-х гг. (см. переписку Ивана Грозного и князя (бия) Большой Ногайской Орды Исмала⁵⁹). Однако эти планы были реализованы только в самом конце XVI в. Ранее русское правительство было вынуждено ограничиваться «летованием» на Волге, так называемых «плавных ратей» или «служб» – отрядов служилых людей, охранявших «перелазы», волжское судоходство и т.д. Очевидно, составлялись их «погодные росписи», но, к сожалению, они почти не встречаются в архивохранилищах. Свидетельства о таких «летованиях» крайне редки. Лишь саратовский исследователь Г.Д. Бурдей, занимавшийся русско-турецкой войной 1569 г., сообщает о наличии специальной «Росписи Астраханской годовой службе и в плавной и в Нижнем Новгороде»⁶⁰. Но то, что

⁵⁹ Дубман Э.Л. Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. 2012. № 2/2 (93). С. 30-35; Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 248, 303-303 об.

⁶⁰ Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962. С. 34-36.

правительство всерьез пыталось с их помощью защитить волжский путь, не вызывает сомнений. Например, в 1580-х гг., описывая свое путешествие по Волге, участник английской экспедиции 1579-1581 гг. в Персию Х. Бэрроу отмечал, что смог насчитать 6 таких караулов, на участке протяженности около 400 верст волжского пути между Переволокой и Астраханью⁶¹. Рост их количества, вероятно, можно связать с чрезвычайными ситуациями, складывающимися на реке, прежде всего, с возможными крупными конфликтами и военными столкновениями. Так, например, случилось на средней Волге в 1552 г., когда русские войска штурмовали Казань⁶². Но и годом позднее, в 1553 г. как сообщает В.Н. Татищев, служилые люди также были размещены на «перевозех» через реку⁶³. Очевидно, эти караулы – «летования» были как-то защищены, но об устройстве подобных укреплений, сведений не сохранилось.

Только после завершения Ливонской войны в годы правления Федора Иоанновича и Б. Годунова появилась возможность приступить к активной защите и окончательному закреплению обретенного нового пограничья Юга и Юго-Востока Русского государства путем интенсивного строительства городов-крепостей. История этого активного строительства получила широкое отражение в летописях (Новый, Пискаревский и др. летописцы), актовых и делопроизводственных источниках того времени, сообщениях иностранцев. К настоящему времени исследователям удалось выявить ряд ранее не используемых архивных материалов, позволяющих в значительной степени, уточнить градостроительную политику этого периода вплоть до начала Смуты⁶⁴.

Особую значимость при рассмотрении данного вопроса для рассматриваемого региона приобретает статья П.П. Пекарского,

⁶¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Отв. ред. Н.Л. Рубинштейн; перев. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 265.

⁶² Дубман Э.Л. «На Волге жить – все ворами слыть»: волжское казачество во второй половине XVI – начале XVII вв. // Центр и периферия. 2012. №. 2. С. 10-11.

⁶³ Татищев В.Н. История Российская. В 7 т. М., Л., 1968. Т. 7. С. 438.

⁶⁴ Дубман Э.Л. Строительство городов на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI в. // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. темат. сб. науч. тр. под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2019. С.42-45.

автор которой, изучая столбцы ногайских дел, убедительно доказал, что в середине 1680-х гг. московское правительство работало проект глубокого охвата русскими «городами» летних кочевий ногаев в междуречье Волги, Камы и Белой. Основу его реализации составляла идея об основании «городов-крепостей» на «Увеке» (под современным Саратовом), в устье р. Самары, а также на притоке Камы – Белой и на впадающей в нее р. Уфе⁶⁵.

В несколько измененном виде данный проект был реализован во второй половине 1580-х гг. (1586 г. – Самара и Уфа, 1589 г. – Царицын и 1590 г. – Саратов). Не будем специально останавливаться на этой, достаточно хорошо рассмотренной историками теме, сошлемся только на недавно выявленные источники, характеризующие подходы в Москве к строительству новых городов-крепостей. Особый интерес представляет наказная память из приказа Казанского Дворца первому воеводе Самары Г.О. Засекину о составлении плана и сметы строительства «города» и определении числа стрельцов и казаков для его гарнизона. Заверенная судьей (главой) приказа дяком А. Щелкаловым, она, очевидно, являлась приложением к указу Федора Иоанновича о назначении Григория Засекина самарским воеводой и содержит указания к князю и факторы, особенно беспокоившие главу приказа:

«Да память воеводе князю Григорию Осифовичю Засекину.

Како же даст Бог на Сомаре город поставить, и ему сметить и росписать: Какие тут у города крепости, и вперед туто городу мочно ли быть. И кольких человек для осадного времени вперед в том городе мочно устроить стрельцов [в рукописи *строльцов*] и казаков, и как их мочно устроить. И около того места, мочно ли устроить пашню. И теми людьми мочно ли вперед сидети в городе безстрашно от нагайских татар, и сколь далече нагаи кочуют от Сомары, от того места, в котором ныне месте город станет. И вперед теми людьми мочно ли в городе сидеть.

И сметя и росписав те места и всякие крепости, и кольким людем в перед в том городе быти, и как их мочно устроить, о всем подлинно росписав в роспись, тотчас ко государю роспись при-

⁶⁵ Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. СПб., 1872. С. 3-8.

слати. И государь потому и указ учинить велит...»⁶⁶. К сожалению, роспись, которую Засекин должен был подготовить и выслать в Москву, выявить не удалось. Совсем недавно был обнаружен и опубликован Управлением по делам архивов Республики Башкортостан наказ 1586 г. послу И.Ф. Страхову, который должен был объяснить ногайским мурзам цели возведения практически одновременно Самары и Уфы⁶⁷.

Строительство Самары и других городов-крепостей на Волге в течение длительного периода (по крайней мере, до завершения Смуты, последствия которой в волжско – яицком регионе явственно ощущались вплоть до середины второго десятилетия XVII в.) оказало определенное влияние на дальнейшее хозяйственное освоение европейского Юго-Востока. Действия воевод и гарнизонов новых городов способствовали, прежде всего, защите волжского судоходства, промыслового рыболовства, а также развитию торговых и посольских отношений с народами Заволжья, Южного Приуралья и Средней Азии (то есть выполнению функций ранее возводившихся сезонных русских «летований» – сторожей-застав на реке). Они также позволили более надежно перекрыть броды – «перелазы» через Волгу от переправы крупных отрядов кочевников и соответственно предотвратить их нападения на уже сложившуюся на территории бывшего Казанского ханства (как и Нижегородского края) систему расселения. Для России в данное время это было единственно

⁶⁶ Государственный исторический музей, Отдел письменных источников (далее ОПИ ГИМ). Ф. 253. № 2. Документы из архива Самарской приказной избы. Л.3. Эти и другие источники выявил, скопировал, подготовил к публикации и передал подготовленные материалы в Самарский областной архив московский историк Б.И. Морозов. Отметим, что фрагмент сильно «поправленной» копии или почти идентичного такого же документа по Самаре сохранился у местных краеведов и был опубликован Е.Ф. Гурьяновым в книге «Древние веки Самары. Очерки истории градостроительства» (2-е изд, перераб. и доп. Куйбышев, 1986. С. 39-41). В его тексте указано, что после того как «роспис», то есть чертеж и смета, были составлены и «...ко государю ...присланы», обсуждены и поправлены, их передали в Алатырь князю Засекину: «...государь по тому указ велит учинить да память воеводе князю Григорию как город на Самаре поставить и укрепить». Скорее всего, в последнем документе говорилось об осмотре местности в устье р. Самары горододелщиками из Разрядного приказа.

⁶⁷ <https://ok.ru/profile/572588902739/statuses/157626408555859>.

возможным ответом на агрессивные действия кочевых сообществ в пограничье западного Приволжья и Закамья. Отзывы о новых городах – крепостях сохранились самые различные, но чаще всего, плывшие по Волге в это время люди, либо их не замечали, либо относились крайне уничижительно. Так монахи-кармелиты осенью 1606 г., спускавшиеся вместе с русским посольством по реке, в своих записках отметили, что увидели «... несколько жалких поселений, жителями которых являлись солдаты да приговоренные к ссылке»⁶⁸.

К сожалению, первые более информативные описания, а также начальный уникальный рисунок Самары сохранились только от 20-х – 30-х гг. XVII в. (купец Ф. Котов и секретарь голштинского посольства А. Олеарий). Подлинность краткой характеристики Котовым нашего города весьма спорна. Это обусловлено тем, что его первое выявленное сочинение с краткими сведениями о русских городах по Волге содержит только упоминание о Самаре без каких-либо подробностей об ее облике. Второй, обнаруженный позднее вариант сочинения Котова, где якобы приводится описание нашего города, с которым якобы работал Н.М. Петровский, найти до настоящего времени не удастся. Многие историки считают, что текст, обнаруженный Петровским, вообще не существовал, а фрагмент с краткой характеристикой Самары сочинил сам автор новой публикации⁶⁹.

Олеарий же, как он сам сообщал, наблюдал и зарисовал Самару рано утром, когда только начинало светать, с судна, плывшего вдоль правого удаленного от города берега. Очевидно, что его описание и рисунок могли содержать серьезные неточности⁷⁰. Краткие сведения о крепости и остроге сохранившиеся от более позднего периода XVII в. не дают какого-либо, хотя бы самого приблизительного представления о городе. Сопоставить его с Царицыном

⁶⁸ Магилина И.В. Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев. 1604-1612 гг. М., 2018. С. 117.

⁶⁹ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я. Котова // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук (далее – ИОРЯС). Т. XV. Кн. 4. 1910. С. 291-292.

⁷⁰ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 383.

и Саратовым, основанными тем же Г. Засекиным, практически невозможно. Эти два города были уничтожены в Смуту. Их восстановили, причем на новых местах и скорее всего в ином конструктивном виде, только во втором десятилетии XVII в.

Реально реконструировать облик начальной Самары с крепостью и дополняющими ее укреплениями, а также жилой застройкой позволяют только документы конца XVII – начала XVIII в. К ним относятся рисунок и описание Самары, сделанные весной 1703 г. проплывавшим вниз по Волге голландцем К. Брейном (в России его часто называют Бруином)⁷¹; отчеты о состоянии города в последнее десятилетие XVII – начале XVIII в. В этот период Самара трижды горела и ее после пожаров дважды восстанавливали. При этом, скорее всего, строители лишь частично меняли облик оборонительных сооружений XVII, а возможно и конца XVI в.

Для реконструкции укреплений Самары на рубеже XVII–XVIII вв. особое значение имеет, составленная по указу Петра I к 1704 г. «Ведомость приказа Казанского дворца... о состоянии крепостных укреплений и вооружений... городов Поволжья и Приуралья». Текст об укреплениях Самары в ней изложен очень кратко, но при этом содержит базовые сведения об их составе и протяженности. Накануне пожара августа 1690 г., нанесшего большой урон городской застройке, это был «Город рубленой, сосновой, крыт тесом, по нем было 8 башен, в том числе с проезжими вороты 4 башни. ... А мерою того всего городского места, где был рубленой город, 295 сажень» (около 637 м). Огонь уничтожил крепость с башнями и большую часть острога (также с башнями) вокруг посада. Но, к 1700 г. самарцы смогли полностью отстроить «... по тем же местам город и острог». Как и крепость, острог также был защищен 8 башнями, часть из которых (? – число неизвестно) имели «проезжие ворота».

Судя по «Ведомости...» второй пожар, случившийся также в августе, но уже 1700 г., укрепления крепости, видимо, не затронул. Зато, от огня серьезно пострадали частокол и башни острога, защищавшие посад и примыкавшие к нему слободы. Составители описания выде-

⁷¹ Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales. Amsterdam, 1718. Volume 1. P. 82-83; Бруин К. Путешествие через Московию. М., 1873. С.173.

лили две острожные системы. К ним относились «городовой острог, который, видимо, начинал складываться еще в конце XVI – начале XVII вв., и частокол с башнями «круг посаду от степи». Последний острог возводили, вероятно, в середине – второй половине XVII в., когда за счет слобод Самара расширялась к северу вдоль Волги. Его также вероятно защищали не менее 6-7 башен. Протяженность каждой из стен этих острогов составляла примерно около полутора тысяч метров.

Кроме того, подступы к Самаре защищали от «городового острога» примерно в 190 м к степи, «надолобы» от Самары реки, «от боярака к Волге реке до боярака ж 442 сажени» (около 955 м). По этим «надолобам» были поставлены 2 сосновые башни с проезжими воротами. Помимо указанных «надолоб» в версте (примерно 1,1 км) от них стояли еще в степи «старые надолобы». Они тянулись от р. Самары к Волге «версты на полторы» (немногим более 1,5 км) и по ним были построены 4 сосновые башни. К началу XVIII в. все эти надолобы и башни «в степи» «погнили и развалились».

Таким образом, к началу XVIII в. Самара имела оборонительную систему, состоящую из 5 различных групп укреплений (тарасная крепость, 2 острога с башнями и 2 группы надолоб, также с башнями)⁷².

Приведенная опись укреплений, совмещенная с рисунком и текстом К. Брейна, позволяют увидеть город, почти в одно и то же время, накануне пожара конца 1703 г. Именно он, фактически, уничтожил крепость и центр Самары, лишил ее системы укреплений.

И наконец, важным источником для реконструкции волжского города является ландкарта 1733 г., составленная инженерами Закамской экспедиции. Они подготовили чертеж уже нового «земляного города», но вместе с тем, указали воеводский дом, цейхгауз и местонахождения храмов, свидетельствующие о старой Самаре⁷³. Основываясь на всей совокупности этих материалов, новую реконструкцию крепости и прочих укреплений Самары взамен, ставшей

⁷² Дубман Э.Л. Самара по описи низовых городов 1701-1704 гг. // Самарский земский сборник. 2016. № 1 (26). С. 40-45; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 52. Л. 51-52.

⁷³ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087.

уже классической архитектора Е.Ф. Гурьянова, предложил современный исследователь В.Ю. Иевлев⁷⁴.

В окрестностях города в конце XVI – XVII вв. были устроены строения для размещения застав, на пути к яицким казакам через р. Самару размещались постоянные дворы и другие строения; но говорить о каком-то особо значимом обустройстве самарского Заволжья, где находился город (крепость) не представляется возможным. Основывать стрелецкие и казачьи слободы в Левобережье, вне оборонительных сооружений Самары, местные воеводы не решались; да и сами служилые люди «города» не желали подвергать себя и свои семьи угрозе нападений кочевников. Об этом, например, свидетельствует тот факт, что когда в конце XVII в. к городу в междуречье Самары и Сока приписали 120000 десятин пахотной земли и угодий, стрельцы и прочие служилые люди ее гарнизона категорически отказались селиться на этих землях и использовали их в основном для сенокосов⁷⁵.

Самара первой на Средней Волге становится центром уезда. Он возникает напротив города, на противоположном берегу реки, в восточной подгорной части Самарской Луки очевидно в 1620-х гг. На протяжении всего XVII в. воеводы Самары должны были защищать его сельские поселения. Об этом свидетельствует название одного из первых селений Луки – д. Новая Подкараульная (вариант Новая Караульная), располагавшаяся как и большинство других селений в первой половине – середине XVII в., на землях самарского домового патриаршего Спасо-Преображенского монастыря. «Карауль» с гарнизонами государевых служилых людей являлись типичным явлением Самарского уезда на протяжении большей части всего XVII в. Вероятно, первые селения Самарского уезда появились благодаря усилиям патриарха Филарета, который после возвращения из польского плена, фактически вместе со своим сыном царем Михаилом Федоровичем, управлял Русским государством. Он завел рыбные ловли под Самарой и организовал крупный

⁷⁴ Иевлев В.Ю. Топография крепости Самара : 1586-1706 // Гротовские чтения: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции / Министерство культуры Самарской области, Самарская областная универсальная научная библиотека, Поволжское отделение научного совета РАН по истории социальных реформ движений и революций. – Самара, 2016. С. 325-338.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10845. Л. 6-7.

учужный промысел в дельте Волги. Для обслуживания рыболовства и судоходства на протяженном волжском пути патриархом были созданы промысловые и перевалочные базы под Н. Новгородом и в Самаре при монастырях, ставших домовыми патриаршими.

К более позднему периоду относятся данные о «примитивных» укреплениях, построенных в селах «Рождественном», «Ильинском» (Подгоры) и прочих поселениях⁷⁶. Сохранились краткие описания 3-х острожков, построенных в 1673 г. воеводой А. Фанвисиным, с сезонными гарнизонами самарских стрельцов уже в западной части Луки, на границе с владениями звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря⁷⁷. Эта крупная монастырская вотчина, сложилась в 1660-х гг. на землях, полученных ранее, еще в начале 1630-х гг. в оброчное владение ярославским гостем Надеей Светешниковым и его наследниками. На протяжении практически всей истории своего существования она развивалась, фактически независимо от властей Самарского, Симбирского и Казанского уездов и имела достаточно мощный по тем временам укрепленный городок (на территории современного с. Усолье) с военным гарнизоном⁷⁸.

Таким образом, Самару, по крайней мере с 1620-х гг., можно считать уездным «городом» несмотря на то, что территория уезда занимала всего лишь локальное восточное долинное пространство под Жигулевскими горами (это название появилось только в XVIII в.) Самарской Луки. Очевидно, она со своей администрацией и военным гарнизоном типологически, вплоть до начала XVIII в., входила в группу «южных городов» – Саратова, Царицына и других. Судя по составу своих жителей, Самара до начала XVIII в. оставалась, прежде всего, военным поселением (крепостью). По переписи населения в 1702 г. доля служилых людей ее гарнизона и членов их семей составляла 85% (3276 чел. мужч. и женщ.) от числа всего «городского» населения⁷⁹.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10845. Л. 4.

⁷⁷ Там же. Л. 6-7.

⁷⁸ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 240-242.

⁷⁹ Дубман Э.Л. Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII – XVIII вв. // Проблемы российской и социальной истории : сб. науч. ст. / М-во образования и науки Рос. Федерации; Самар. гос. ун-т. Самара, 2011. С. 102-115.

Вокруг центра уезда не сложилась сколько-нибудь значительная система военизированных поселений – слобод стрельцов, казаков и других групп служилых людей, которые могли бы в качестве определенной военно-государственной структуры объединять все заселяемое пространство в единый пограничный уезд. Именно этим обстоятельством можно объяснить постепенное отставание Самары как значимого военно-административного и экономического центра на Волге от Симбирска, Саранска, Чебоксар и других городов с прилегающей к ним обширной, достаточно структурно сложной, административно-военной и хозяйственной округой.

Государственное освоение южной лесостепи волжского Правобережья в последние десятилетия XVII в. В 1670-х – начале 1680-х гг. ситуация в регионе, расположенном к югу от Симбирской и Карсунской засечных черт, начинает меняться. Прилегающие к этим оборонительным системам земли, «за валом», уже заселили, а продвигаться потоку служилых и тяглых переселенцев в пограничье лесостепного пространства Волго-Сурского междуречья к истокам Инзы, Барыша, Свияги и далее к Усе, Сызранке, Крымзе было слишком рискованно. Московские власти приходят к осознанию необходимости проведения очередного этапа освоения южной лесостепи и тем самым, осуществлению сложных в организационном плане и крайне затратных мероприятий по сооружению новых протяженных фортификационных сооружений. Традиционно их возведение начиналось на юго-западных рубежах страны и шло далее на восток по пограничью к Волге практически одновременно на разных его участках. В 1679-1680 гг. было завершено строительство Изюмской черты⁸⁰, начатой значительно ранее; и практически одновременно с ней в 1676-1680-х гг., восточнее были построены основные сооружения Пензенской системы укреплений⁸¹. По расчетам руководства страны, доведенную до Налуевской слободы (располагавшейся при развороте р. Суры в

⁸⁰ Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

⁸¹ Лебедев В.И. Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 67-71; Лебедева Л.В., Ставицкий В.В. Пензенская засечная черта: история создания и изучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 3. С. 11–16.

верхнем ее течении на северо-восток) Пензенскую засечную черту, в начале 1680-х гг. предполагалось продолжить до Волги еще одной системой укреплений – Сызранской. Но с ее созданием правительство и местные власти задержались, а в качестве своеобразной компенсации на правом берегу Волги в 1683 г. была выстроена лишь крепость Сызрань⁸².

Однако в столице не забыли о планах защиты волго-сурского междуречья и в 1685–1686 гг., началась активная подготовка к возведению очередной системы укреплений. Проект новой черты, созданный под руководством симбирского воеводы М.А. Головина, к сожалению, выявить не удалось. Сохранилась лишь его краткая характеристика в указе от 23 декабря 1685 г., где говорилось, что возводить оборонительные сооружения следует «... от Казачьих гор до Туруева городища и до реки Суры на семидесят верстах на трехстах на сороке на дву саженьях. И по той новой черте сделать четыре городка...»⁸³.

В пересчете на современную метрическую систему протяженность укреплений должна была составить около 152 км (при подсчете использована 1000-саженная верста, утвержденная в Уложении 1649 г.). Характерно, что ни Пенза, ни Сызрань не были указаны конечными пунктами этой оборонительной системы. Проектировщики начинали ее на Казачьих горах у Волги и далее вели до впадения в Суру р. Труев под Т(у)руевым городищем. В этих местах Сура, кардинально поменяла направление своего течения и сделала резкий поворот к востоку, расположившись своим истоком в наибольшей близости к Волге.

Несомненно, что прикрыть от нападений кочевников указанные в проекте полторы сотни километров только 4-мя «городками», было весьма затруднительно. Например, для обороны Симбирской черты, прикрывавшей около 100 км пространства между р. Барышом и Волгой, были возведены 1 «город» и 3 острога; а на Карсунской (между Барышом и Сурой) протяженностью около 110 км – выстро-

⁸² Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. №3(2), 2011. С. 326-332; РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 418-419.

⁸³ РГАДА. Ф.210. Московский стол. Столбцы. Д.674. Л.488.

или 2 «города» и 4 острога⁸⁴. Указанные подсчеты позволяют предположить, что проектировщики Сызранской черты явно пытались сократить расходы на ее строительство. Им следовало разместить в проекте черты не менее 6–8 городков и острогов. Чем объясняется такое странное поведение Головина и его сотрудников, неясно?

В соответствии с царским указом 23 февраля 1686 г. в ближайших к будущей черте уездах начала проводиться активная подготовка к весеннему строительству: мобилизация крестьян, сборы военных частей, заготовка инструмента и продовольствия⁸⁵. Но внезапно в апреле, буквально за несколько недель до объявленного начала строительства, указом из Москвы все подготовительные работы были свернуты, а работные и служилые люди распущены по домам⁸⁶. Причины отказа от возведения Сызранской засечной черты неизвестны. Но скорее всего, это было связано с заключением Вечного мира с Польшей, когда возникла необходимость сосредоточить все силы государства на южном направлении в противостоянии с Крымским ханством. Последовавшая за этим попытка защитить Волго-Сурское междуречье гарнизонами из Сызрани (1683 г.), Кашпира (построен в 1687 г.), а также приборными людьми, расселенными по рекам Сызранке, Крымзе и далее на запад к Суре, не привела к желаемому результату. Создать глубоко эшелонированную оборону в рассматриваемом пространстве, удалось лишь частично.

В источниках конца XVII в. сохранились описания службы приборных людей, мобилизованных для защиты пространства между Налуевской слободой и Волгой. Судя по ним, в «...той Сенгилевской слободе и службы де они всякия Великаго Государя городовыя и объездныя служат и на нашу Великаго Государя службу ходят по очередь и ряду, по дважды в году, и в новопостроенном городе Сызрани и на Кашпире со своею братиею станичными казаками с Тетюш и Карлинска и стоят ради сбереженья от неприятельских людей попеременно и в проезжая, подзорныя станицы по Симбирской и по Корсунской черте ездят безпрестанно...»⁸⁷.

⁸⁴ Крепости городов Поволжья и Приуралья в конце XVII – начале XVIII века / отв. ред. В.Д. Кочетков. Чебоксары, 2022. С. 36-39, 58-66; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 61-69.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488-492.

⁸⁶ Там же. Л. 418-419.

⁸⁷ Красовский В.Э. Столетие города Сенгилея (Краткий исторический очерк). Симбирск, 1902. С. 2-3.

Намного позднее, уже в середине XVIII в., «старожилы» Дмитриевска доносили в своей челобитной «по строению города, за немением в то время Царицынской линии, от набегов Кубанских имели неусыпные в службе труды и всеусердное по присяжной, своей должности старание»⁸⁸.

Ряд исследователей считает, что основывая в конце XVII в. в междуречье Волги и Дона городки-крепости Петровск, Павловск и Дмитриевск (ныне Камышин), правительство вынашивало планы создать новую засечную черту. Наиболее обоснованно эту версию выразил Г.И. Перетяткович⁸⁹. Необходимо также отметить, что указанные выше городки, возводились одновременно с работами на Волго-Донском канале. Вполне возможно, что руководство нового проекта, задуманного Петром Первым, стремилось более надежно обеспечить безопасность постоянного судоходства по каналу. Для этого необходимо было создать по всей его протяженности дополнительный укрепленный район. Основой для него могли стать указанные «городки» с военными гарнизонами и селениями для работных людей, занятых на проводке судов. О том же пишет историк Е.К. Максимов⁹⁰.

Действительно, по инициативе Петра I, сразу после завоевания Азова в 1697-1701 гг., началось возведение Волго-Донского канала. Общий надзор за строительством был возложен на главу приказа Казанского Дворца боярина князя Б.А. Голицына. На строительные работы каждый сезон должны были собирать от 20 до 35 тыс. крестьян, охраняемых несколькими тысячами служилых людей. Но, в своих записках английский инженер Дж. Перри, руководивший строительными работами на завершающей их стадии, сообщал, что на самом деле, на работы не являлась и половина этого количества мобилизованных, а в 1701 г. «не было прислано даже 10000 человек»⁹¹. Несомненно, что направление на строительные

⁸⁸ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 250.

⁸⁹ Там же. С. 246-247.

⁹⁰ Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 118.

⁹¹ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 22-23; Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрейшего преобразователя России. Т. I. М., 1838. С.279; Бернштейн-Коган С.В. Волга-Дон. Историко-географический очерк. М., 1954. С. 30-32.

работы столь значительного количества работных и служилых людей фактически способствовало прекращению набегов кочевников в пространстве между Волгой, Доном и Сурой⁹².

Видимо на режим «спокойствия» в пространстве междуречья Волги и Дона повлияло поражение Турции под Азовом, а также возведение Таганрога и ряда других объектов в Приазовье.

Создание Белгородско – Симбирской оборонительной системы и последующее дополнение ее Изюмской и Пензенской засечными чертами, расселение по ним гарнизонов служилых людей и последующее военизированное заселение южного и юго-восточного пограничья, в определенной степени обезопасили от нападений кочевых народов рассматриваемые рубежи (до Волги) европейской России. Качественное изменение ситуации в новом регионе становится очевидным, по крайней мере, с начала 1680-х гг., о чем свидетельствует отмена, так называемого, законодательства о «заказных городах». Последнее защищало в пограничных уездах землевладение местного мелкопоместного дворянства и служилых людей по прибору, позволяло сохранить последним свою боеспособность в столкновениях, прежде всего, с кочевниками. В результате, в плодородное пространство недавно закрепленных за Россией земель, начинают проникать крупные привилегированные светские и церковные землевладельцы. Ограничения, введенные на размеры их владений, достаточно быстро утрачивают свою силу и крупное вотчинное землевладение, как это наблюдалось на примере Симбирского и других соседних уездов, начинает быстро разрастаться за счет скупки и обменов земель с местным служилым населением. Право получать значительные земельные владения распространялось на крупнейшие монастыри центральной России и представителей светской правящей элиты⁹³.

⁹² Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. С. 3, 58-59; Клейтман А., Кияшко А. История строительства первого Волго-Донского канала Петра Великого // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С.805–820.

⁹³ Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // *Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья*. Йошкар-Ола, 1990. С. 19–25; его же. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 18-22.

Появление большой группы таких крупных вотчин центральных монастырей в Симбирском Поволжье не однажды рассматривалось исследователями. Характерно то, что в центральных селениях владений Чудова, Новоспасского, Новодевичьего, московского Вознесенского, Саввино Сторожевского и ряда других монастырей, как правило, строились хорошо укрепленные городки с военными гарнизонами. Монастырские старцы и приказчики хорошо понимали, что волжское пограничье не столь безопасно, каковым его хотело представить правительство страны⁹⁴. Вслед за привилегированными представителями церкви, сюда начинают проникать и светские феодалы.

И все же большинство исследователей считает, что конец XVII – начало XVIII вв. является определенным рубежом, переломным периодом для развития лесостепного Правобережья. Появляются начальные признаки завершения эпохи его военно-пограничного развития времени фронта. Еще одним подтверждением того, что к этому выводу приходит руководство страны, становится перемещение им крупных контингентов приборных военных людей (прежде всего «городового» казачества) из лесостепного Средне-волжья на юг, в Азов, Таганрог, Петровск и т.д.⁹⁵

Приведем суждения известных историков, специально высказавшихся по этому поводу. Говоря о Среднем Поволжье, они, прежде всего, подразумевали волжское Правобережье. Так известный специалист по исторической демографии В.М. Кабузан писал, что «...уже в XVIII в. Среднее Поволжье не являлось районом интенсивного заселения»⁹⁶. Р.Г. Кузеев, анализируя демографические процессы в Средневолжском регионе на протяжении второй по-

⁹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 6468. Л. 43; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 472. 1703 г. Л. 1-22об.; Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII в. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 70.

⁹⁵ Дубман Э.Д. Перевод служилых людей в Азов и другие города европейского Юго-Востока в конце XVII в. и изменения в структуре землевладения и социальном составе населения пограничных уездов Среднего Поволжья // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год: Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М., Уфа, 2016. С. 114-127.

⁹⁶ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 36.

ловины XVI – середины XIX вв., также приходит к выводу, что наиболее активное заселение Правобережья происходило в первой половине этого периода, то есть до начала XVIII в.⁹⁷ С этим положением согласны и авторы современных обобщающих исследований⁹⁸.

Военизированная государственная колонизация южной лесостепи Заволжья в начальные десятилетия XVIII в. К началу XVIII в. на Правобережье активная деятельность государства, направленная на дальнейшее освоение и обеспечение безопасности новых земель, смещается к югу, за пределы Средневожья, ниже к Царицыну и к Переволоке, между Волгой и Доном (фактически в Нижнее Поволжье). В лесостепном Заволжье, ниже укреплений Закамской засечной черты, на пространстве ограниченном междуречьем Б. Черемшана и Самары, процессу интенсивной деятельности государства, военного и хозяйственного освоения богатых природных ресурсов и плодородных земель в это время только предстояло развернуться. Именно здесь, в течение нескольких десятилетий нового столетия, были заложены основные предпосылки для реализации новых государственных задач.

Указанный период военно-государственного и хозяйственного освоения южной лесостепи Заволжья, можно считать уникальным для российской истории первой половины XVIII в. В осуществлении крупномасштабных проектов, отчетливо проявилась ведущая роль Петра Первого, несомненно, являвшегося главным инициатором и действующим лицом многих из них (разумеется, в период своего правления); а также ряда ближайших сподвижников царя. И позднее, в среде поколения наследников его дел («птенцов гнезда Петрова»), можно найти акторов большинства крупных начинаний в Заволжье, а затем и в Южном Приуралье.

⁹⁷ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С.152.

⁹⁸ Петров Ю.А. и др. Российское государство от истоков до XIX в.: территория и власть. М., 2012. С.174. Следует только отдельно рассматривать в рамках Средневожского региона основную часть Заволжья, массовое освоение которого начинается только со второй трети XVIII в.

Как и в случае с Правобережьем, в российском освоении лесостепного Заволжья можно выявить ряд сменяющих друг друга этапов, на протяжении которых последовательно решались задачи по обеспечению военной безопасности нового региона и его освоения. Эти этапы соединялись в единое целое благодаря военно-административной направляющей напряженной деятельности государства. Характерной особенностью Левобережья вплоть до второй половины 1730-х гг., являлось то, что здесь намного слабее выглядело вольное крестьянское и помещичье переселение. Раздача земель мелкопоместному дворянству и расселение им своих крестьян, в Заволжье почти не проявлялись. Об этом свидетельствует «опись деревням», проведенная в 1738 г. по поручению руководителя Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева. По подсчетам Ю.Н. Смирнова из 51 крестьянского селения выявленного между старой и Новой Закамскими линиями более половины (27) появилось за 35-60 лет до составления указанной «описи»⁹⁹. Данную ситуацию можно объяснить тем, что селиться в Заволжье было значительно опаснее, чем на Правобережье. Череда башкирских восстаний, постоянные нападения калмыков, каракалпаков и особенно киргиз-кайсаков (казахов), существенно затрудняли здесь земледельческое оседлое расселение. В качестве примера можно привести высказывание одного из самых настойчивых сторонников строительства Самарской линии и основания Оренбурга А.И. Тевкелева. Он в своем представлении, поданном весной 1734 г. А.И. Остерману, писал: «Еще ж воровские кайсаки перестанут подъезжать под российские города Самару, Сызрань и Черемшан на воровство, которые ездят и переезжают реку Яик...»¹⁰⁰. И 30-ю годами позднее, тот же Тевкелев, вспоминая дела давно минувших лет, писал: «...хотя тогда армейских не менее четыре полка на форпостах содержалось, ежегодно

⁹⁹ Мордва Самарского края: история и традиционная культура: коллективная монография / Т.И. Ведерникова, Н.М. Малкова, Э.Л. Дубман [и др.]. Самара, 2021. С. 68-70; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 83-89.

¹⁰⁰ Материалы по истории России : Сб. указов и др. документов, касающихся упр. и устройства Оренбург. края / По арх. документам Тург. обл. правл. сост. А.И. Добросмыслов. Т. 1-2. Оренбург, 1900. Т. 1. С. 100.

Казанского уезду из Закамских мест от пяти до десяти тысяч и более Российских подданных в плен брали...»¹⁰¹.

Первые два этапа включения рассматриваемого региона в единое российское пространство были в значительной степени заложены непосредственно инициативами и указами Петра Первого. На начальном из них в 1703-1704 гг. по его указам в среднем течении р. Сок был основан комплекс из 3-х «серных заводов» с пригородом Сергиевском и совокупностью поселений работных и служилых людей, а также крестьян, получивших земельные наделы. Эти промышленные предприятия, работавшие для нужд русской армии в Северной войне, судовым путем по р. Сок были включены в транспортную систему Волги. На правом, северном берегу Сока, очевидно тогда же были основаны форпосты, примитивные системы укреплений для летних сезонных гарнизонов. Видимо, это именно их наблюдали и указали на ранних ландкартах, сотрудники инженерной команды при проектировании и строительстве Новой Закамской линии. То есть, можно предположить, что данные оборонительные объекты сохранились вплоть до 1730-х гг.¹⁰²

От 1706 г. имеются сведения об основании пригорода Алексеевска, а также о возведении новой «земляной крепости», вместо старой, сгоревшей в Самаре. В этом году строил ее (или, возможно, завершал строительные работы) казанский «камисар» А.С. Сергеев: «Господин Александр Савич (Сергеев. – Э. Д.) на Самару поехал город строить»¹⁰³. Тем самым, «земляным замком» и прилегающими к нему «острогом», «надолобами», рогатками и иными оборонительными сооружениями удалось прикрыть сам город с его посадом и слободами. От высокого, правого берега р. Самары эти укрепления тянулись до самой Волги. Дальние же подступы к

¹⁰¹ Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах, 1762 год // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 13. Раздел III. Смесь. С. 17.

¹⁰² Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2005. С. 38. Рис. 7.

¹⁰³ Мустафина Д.А. «Умилосердись, государь мой...». (К вопросу о пространственных рамках башкирского восстания 1705-1711 гг. и превентивных мерах по недопущению его распространения) // Гасырлар авазы. 2013. № 3-4. С.28-29.

городу – в междуречье одноименной реки и Сока – защищали пригороды Сергиевск и Алексеевск.

Очевидно, уже в эти годы была также заложена система форпостов от р. Сок вплоть до Б. Черемшана и Закамской черты. Создание оборонительных сооружений, промышленных объектов, расселение достаточно значительных контингентов служилых людей, способствовали успешному противостоянию нападениям башкир в период их восстания 1704-1711 гг. Именно все эти последовательные усилия, осуществляемые под неустанным контролем Петра Первого, составили основу для начального военно-хозяйственного освоения Заволжья.

Следующий важный этап военно-государственного укрепления лесостепного Заволжья за Российской державой, был в значительной степени обусловлен резким ухудшением отношений с Османской империей. Военное присутствие нашей страны в Нижнем Поволжье, Приазовье и Малороссии, после неудачного завершения Прутского похода 1711 г., резко ослабло. Уже в начале 1712 г. появился ряд указов Петра Первого под общим названием «Разположения о Украине в будущую компанию», целью которых являлась стабилизация ситуации в южном и юго-восточном регионе. Для участия в Русско-турецкой войне 1710-1713 гг. туда был направлен казанский губернатор П.А. Апраксин, приведший с собой собранные им воинские соединения, «оставя только гварнизоны, без чего быть нельзя». К его войску было приписано еще 15 тыс. калмыков и 5 тыс. казаков с Дона¹⁰⁴.

Основу военной группировки, защищавшей южные окраины вплоть до начала 1715-х гг., составляли полки, сформированные из гарнизонов Казанской и Азовской губерний. В городах этих губерний, как указано выше, были оставлены лишь минимальные подразделения¹⁰⁵.

Показателем напряженной ситуации, надолго охватившей Юг России, в том числе и Южное Средневожье, постоянных нападений сателлитов Турции стал, так называемый, «Кубанский погром»

¹⁰⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 1. СПб, 1975. С. 19-20.

¹⁰⁵ Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718 – 1720 и первые годы существования. Волгоград, 2012. С. 13-17; Артамонов В.А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М, 2019.

1717 г., произведенный кочевниками и мятежным казачеством. Он разорил уже освоенное сельским населением пространство между Волгой и Сурой, вплоть до Пензы, Сызрани, Саранска и других городов.

Для того, чтобы обезопасить южную лесостепь Предволжья, Петр I указом от 1717 г. предписал хорошо знакомому ему бригадиру Г.С. Кропотову закрыть 4 драгунскими полками и казачьими отрядами пространство между Пензой и Саратовом¹⁰⁶. Именно там, проходила в те годы граница оседлого расселения в волго-сурском междуречье. Кропотову поручили возвести Царицынскую линию между Волгой и Доном, а также организовать защиту всего юга Среднего Поволжья от Пензы и Саранска на Правобережье, до укреплений «Черемшанских форпостов», в лесостепном Заволжье. Последние были устроены южнее Закамской засечной черты в междуречье Б. Черемшана и Самары. Фактически, он становится наместником всех этих территорий. В 1718–1720-х гг. Кропотов в основном занимался строительством Царицынской оборонительной системы. Но, при этом, задачу защиты порученного ему обширного региона (видимо, по особому указанию царя), он также считал чрезвычайно важной для себя и не однажды посещал вверенные ему территории. Во второй половине 1720 г. будучи уже генерал-майором, Г.С. Кропотов отправил в Сенат свой проект организации защиты юго-восточных рубежей от вторжений кочевников. Для обеспечения безопасности всего этого пространства, по его мнению, следовало создать 3 войсковые группы и разместить их под Керенском и Ломовым (Воронежская губерния), между Сызранью и Симбирском, а также за Волгой в междуречье Б. Черемшана и Самары. Последняя войсковая группа, а также базировавшиеся по форпостам в этом районе воинские подразделения, должны были прикрывать Заволжье от нападений кочевников¹⁰⁷. В итоге после обсуждения в столице, основная часть предложений Кропотова была принята¹⁰⁸. Помимо управления вверенными ему полками, генерал-майор также целенаправленно занимался пере-

¹⁰⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649 – 1825 гг. (далее ПСЗ). СПб., 1830. Т. 5. С. 518.

¹⁰⁷ Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718 – 1720 и первые годы существования. Волгоград, 2012. С. 86.

¹⁰⁸ Там же. С. 42-43.

говорами и установлением мирных отношений с башкирами. К сожалению, его активную деятельность в регионе прервало участие в Персидском походе. После возвращения из него, Г.С. Кропотков был вынужден по состоянию здоровья уйти в отставку, так и не завершив свои дела и замыслы в Южном Средневолжье и Заволжье.

На протяжении почти всего рассматриваемого второго периода, практически все пространство Юго-Востока (как и Юга) европейской России подчинялось руководству Малороссийской группировки войск¹⁰⁹. Ее командование, во главе с М.М. Голицыным должно было обеспечить последующее безопасное развитие этой территории. Ряд исследователей считает, что М.М. Голицын, И.Б. Вейсбах и возможно другие высшие офицеры, к началу правления Анны Иоанновны подготовили проект создания новых оборонительных линий и расселения по ним ландмилиции на Юге и Юго-Востоке европейской России, в частности и Новой Закамской линии¹¹⁰.

Его реализация должна была обезопасить огромный пограничный регион от нападений кочевых народов. Содержательной стороной третьего этапа стало возведение в 1730-х гг. в Малороссии Украинской линии, реконструкция в междуречье Дона и Волги Царицынской и далее, с переходом на Левобережье Волги, строительство Новой Закамской оборонительной системы¹¹¹.

Однако, практически, уже созданную в Заволжье Новую Закамскую линию, в начале 1736 г. по факту упразднили. Вместо нее в Заволжье и Южном Приуралье развернулось выполнение нового проекта, а именно, возведение Самарской линии с последующим строительством г. Оренбург. Этот проект был подготовлен обер-секретарем Сената И.К. Кириловым, для которого особую значимость имело, прежде всего, закрепление Российской импе-

¹⁰⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник РИО). СПб., 1893. Т. 84. С. 147; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за 18 век / составил П. Баранов. Т. 2. СПб., 1875. С. 19.

¹¹⁰ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730-1735 гг. СПб., 2001. С. 128.

¹¹¹ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2005. С. 17-20.

рии в Южном Приуралье и в соседнем пространстве. Таким образом, составители нового проекта, фактически, провозгласили отказ от того, чем на протяжении почти 5 лет занималась экспедиция, возводившая Новую Закамскую линию. Но вместе с тем, руководство Оренбургской экспедиции во главе с И.К. Кириловым после неудачного начала ее деятельности в Уфе, было переведено в Самару; а по одноименной реке были устроены Красносамарская и Борская крепости.

Для Самарского Заволжья выполнение этих 2-х проектов означало, что едва ли не с начала 1730-х гг. и далее на протяжении примерно десятилетия на его территории находились значительные воинские контингенты, велось крупномасштабное строительство, где аккумулировались каждый сезон многие тысячи крестьян и военные части.

Заволжье, практически, с этого времени делает первый шаг к переходу на новый этап развития, начинает утрачивать особенности фронтальной территории. Здесь уже в конце 1730-х гг. начинается активное заселение свободных земель, расселение калмыков, а с середины 1740-х гг. происходит интенсивное складывание земледельческого населения, формирование помещичьего землевладения¹¹². Можно полагать, что постепенно огромный заволжский регион начинает медленное постепенное движение к обретению нового статуса, а именно земледельческой окраины Европейской России, осваиваемой самыми различными в этноконфессиональном отношении категориями сельского населения.

¹¹² Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 167-178.

Глава 3

Географическое размещение населения Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Заявленная тема органично вписывается в научную проблематику, которая стала активно разрабатываться в связи с начавшейся перестройкой, приведшей нашу страну к геополитической катастрофе, краху великого государства СССР, на территории которого возникли суверенные государства. Эти процессы в значительной степени способствовали росту интереса к исторической демографии, к национальным историям и вопросам заселения территории Российской империи и хозяйственного освоения юга России, Поволжья, Урала, Сибири и других регионов нашей страны.

Историография проблемы обширна. Ее различные аспекты нашли отражение в научных трудах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других дореволюционных историков, экономистов и статистиков. Не прошли мимо этой проблемы и советские историки. Особо отметим фундаментальные труды А.Г. Рашина¹¹³, Я.Е. Водарского¹¹⁴, В.М. Кабузана¹¹⁵. Миграционные процессы получили освещение в трудах Б.В. Тихонова¹¹⁶, Л.Ф. Складорова¹¹⁷, П.Ф. Степынина¹¹⁸, В.Г. Тюкавкина¹¹⁹ и др. Этнодемографическая ситуация находилась также в центре внимания историков аграрников. Из новейших исследований особо выделим фундаментальное исследо-

¹¹³ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956.

¹¹⁴ Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. М., 1973.

¹¹⁵ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971.

¹¹⁶ Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978.

¹¹⁷ Складоров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской реформы. Л., 1962.

¹¹⁸ Степынин П.Ф. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

¹¹⁹ Тюкавкин В.Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы. Иркутск, 1958.

вание В.Г. Тюкавкина, в котором прослежены основные факторы, влиявшие на численность и размещение великорусского крестьянства накануне и в период проведения столыпинской аграрной реформы¹²⁰. Отметим также исследование самарских историков, в котором прослежены особенности формирования «своеобразного социума из различных в этническом и конфессиональном отношении групп переселенцев: русских, украинцев, немцев; автохтонного населения Среднего Поволжья – татар, чувашей, мордвы, башкир...»¹²¹.

Исключительно важным на наш взгляд является вывод самарских историков о том, что для всех без исключения переселенцев, прибывших в Поволжье, практически не существовало деления на автохтонное коренное и пришлое население¹²². И, конечно, были использованы исследования историков республик Поволжья¹²³ и публикации краеведов¹²⁴. Таков далеко не полный перечень исследований по данной проблеме.

Источниковую основу главы составили материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, списки населенных мест Самарской губернии, сборники статистических сведений Самарской губернии, которые были изданы Самарским губернским земством в 80-х – начале 90-х годов XIX века, земско-статистические справочники, памятные книжки Самарской губернии и другие документальные публикации. Указанный ком-

¹²⁰ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

¹²¹ Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. и др. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в). Ч.2. Заселение района и этнодемографическая ситуация. Самара, 2014. С.5.

¹²² Впервые этот тезис был сформулирован в начале 90-х годов XX в. см.: Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Среднее Поволжье: проблемы национальных отношений // Регионоведение. 1993 №2. С.86.

¹²³ Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. Н.Новгород: ИД «Медина», 2006; История Башкортостана во второй половине XIX- начала XX века. В 2-х томах. Уфа, 2006 и др.

¹²⁴ Завальный А.Н. Украинские этюды. Страницы истории Самаро-украинских отношений. Самара, 1996; Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае. Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994.

плекс источников позволяет проследить основные направления миграционных потоков, как в Самарскую губернию, так и за ее пределы, а также определить процесс формирования этнических территорий. Это позволит более полное показать географическое размещение разных национальных и конфессиональных групп населения в уездах Самарской губернии, с тем, чтобы очертить границы расселения тех или иных этнических групп переселенцев. С другой стороны, ставилась также задача выявить число населенных пунктов, в которые был представлен этнически смешанный состав населения.

Условно можно выделить несколько этапов в освоении и заселении территории Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Первый период, вторая половина XIX века, на время которого приходится заключительный этап в формировании на территории Самарской губернии немецких колоний. Завершается также процесс заселения Бугульминского, Ставропольского, северных частей Самарского, Бугурусланского и Бузулукского уездов, входивших в лесную и лесостепную зону Самарского края. В тоже время в степных районах Самарского, Бузулукского, Бугурусланского уездов, а также в Николаевском и Новоузенском уездах процесс заселения связан с формированием в Самарской губернии новой российской житницы, а потому поток мигрантов в эти регионы резко возрос. Туда же на сезонные заработки шел поток сельскохозяйственных рабочих, численность которых колеблется от 200 до 300 тысяч человек.

Во втором периоде – конец XIX в. – 1917 г. можно выделить два этапа: конец XIX в. – 1906 год, который характеризуется нарастанием кризисных явлений, переросших в первую русскую революцию. Второй этап – 1906–1914 гг. обусловлен реализацией столыпинской аграрной реформы, выходом из общины крестьян и созданием на надельных, казенных землях и владениях государственного Крестьянского банка хуторов и отрубов – личных владений землеустроенных крестьян.

Наконец во время третьего этапа этнодемографическая ситуация в Российской империи и Самарской губернии резко изменилась в связи с призывом в действующую армию около половины трудоспособных работников, что явилось одним из факторов, повлиявших на рост кризисных явлений в аграрном секторе Рос-

сийской империи. С другой стороны в губернию хлынул поток беженцев из западных губерний России, находящихся в зоне боевых действий. В ситуации русско-японской войны, революции 1905-1907 гг., столыпинской аграрной реформы и Первой мировой войны этнодемографическая ситуация принимала непредсказуемый характер, что в конечном счете и ввергло Российскую империю в революционный хаос.

Известно, что территория Самарской губернии включает в себя лесную, лесостепную и степную полосы, что, несомненно, обусловило темпы, как освоения, так и заселения региона. Безусловно, процесс заселения территории Самарской губернии приводил к изменению этнодемографической ситуации и создавал условия для развития земледелия, промыслового производства и торговли. Особо подчеркнем роль имперской политики, суть которой сводилась в XVII-XVIII вв. к обеспечению безопасных условий для жизни и хозяйственной деятельности помещиков-дворян, купцов, сельского и городского населения. Сооружение засечных линий в XVII-XVIII вв. ускорило процесс формирования помещичьих имений, владельцы которых перевозили крепостных из великорусских губерний. В заселении этих территорий активное участие приняло автохтонное население Поволжья – татары, чуваша, мордва, башкиры, которые переселялись из Казанской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской и Уфимской губерний. Можно констатировать, что к середине XIX века Бугульминский, Самарский (кроме южной степной территории уезда), Ставропольский уезды, а также лесные районы Бугурусланского и Бузулукского уездов были в значительной степени освоены. Завершающий этап освоения этих территорий приходится на 60-80-е гг. XIX в. Так, в Бугульминском уезде к началу XIX века насчитывалось 242 населенных пункта. К 1860 году появилось еще 80 новых селений, а с 1860 по 1882 г. было основано еще 14 населенных пунктов¹²⁵. Земские статистики подчеркивали, что в заселении территории Бугульминского уезда приняли участие русские крестьяне из Курской, Пензенской, Уфимской, Симбирской губерний. Автохтонное население до прихода русских переселенцев не занималось выращиванием

¹²⁵ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Бугульминский уезд. Т.5. Самара, 1882.

огородных культур – капусты, лука, картофеля, редьки, свеклы, брюквы, репы и др. Русские создали здесь колесный промысел (переселенцы из Пензенской губернии), гончарный (Казанская губ.), шерстобитный и валяльный (Костромская и Владимирская губ.) промыслы¹²⁶.

Приведем данные о географическом размещении населения Бугульминского уезда: русские жили в 137 селениях, татары – в 26, татары и тептеры – 29, башкиры и тептяри – 9, тептяри – 8, морд-ва – 29, чуваша – 14, русские и чуваша – 12, русские и мордва – 8, башкиры, вотяки, татары и тептяри – 4, мордва и татары – 3, вотяки и чуваша – 1, русские, татары и тептяри – 1, русские, мордва и молдаване – 1¹²⁷. Русское население было сконцентрировано в Богоявленской волости, а также в 13 селениях Борисоглебской волости. Итак, русское население жило в центральной и западной частях Бугульминского уезда. Татары были расселены в восточной и северо-восточной территории по левому берегу реки Ик в волостях Александровской, Алькеевской, Бавлинской, Салиховской, Тумутукской, Чеканской, Стерлитамакской и Кузайкинской. Их численность составила 68366 человек¹²⁸.

В Самарском уезде выделялись Владимирская, Воскресенская, Кандабулакская, Ново-Костычевская, Преполовенская, Софьинская, Спасская волости, в которых жили русские крестьяне. К ним примыкали Бобровская волость, в которой была одна деревня со смешанным русско-мордовским населением, Краснодонская волость, в которой только в одной деревне жила мордва. Следует также выделить Петропавловскую волость, в которой в 50 населенных пунктах жили русские, а в 10 – переселенцы из Эстонии.

Особо следует сказать об Александртальской и Константиновской волостях, которые входили в северо-восточную часть Самарского уезда. Эта территория ранее находилась в распоряжении калмыцкого войска. В 1858-1865 гг. имперское правительство реализовало вторую волну немецкой колонизации. Сюда прибыли немцы-менониты из Пруссии. Им были предоставлены земли в Александртальской волости, где были образованы колонии:

¹²⁶ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Бугульминский уезд. С.12.

¹²⁷ Там же. С.17.

¹²⁸ Там же.

Александрталь, Нейтофнунг (1862), Мариенталь (1863), Муравьев (1863), Орлов (1863), Мариенау (1866), Линденау (1866), Либенталь (1867), Шенау (1868). Эти колонии располагались вдоль дороги, которая соединяла село Кошки с Самарой.

В 1864-1871 гг. сюда же переселились немцы католики и лютеране из Силезии, Лодзи и Радом. Им были даны земли во вновь созданной Константиновской волости. К 1871 г. на землях новой волости возникли 13 новых колоний: Константинов, Петергоф, Бергталь, Кайзернаде, Гофенталь, Штрасбург, Николаев, Романов, Фюрстенштейн, Рейнсфельд, Розенталь, Ретунгенталь и Водимиров. Колонии располагались вдоль границы губернии на берегах речки Камышлейки. Таким образом, на севере Самарского уезда появились 24 немецких колонии, которые помимо земледелия занимались промысловой деятельностью.

В остальных волостях Самарского уезда кроме сел и деревень с русским населением был представлен этнически смешанный тип селений. Итак, картина смешанного расселения в Самарском уезде по данным «Списка населенных мест Самарской губернии за 1910 г.» выглядит следующим образом. Русские жили в 176 поселениях, немцы в 24, эстонцы в 10, украинцы в 9, мордва в 9, татары в 6. Кроме того, жили совместно русские и мордва в 8 селениях, русские и украинцы – в 6, русские, татары и чувашаи – в 2, чувашаи и мордва – в 1. Кроме того, отметим одно поселение, в котором жили белорусы.

Территория Ставропольского уезда входила в лесную полосу. Земские статистики при опросе крестьян установили, что в XVII в. «леса были непролазны»¹²⁹. В селениях уезда была представлена «пестрая смесь народностей»¹³⁰.

По данным «Списка населенных мест Самарской губернии за 1910 год» в Ставропольском уезде выделялись две волости, территорию которых заселяли русские крестьяне. Это Ерыклинская и Рождественская волости. В 7 из 8 поселений Рязановской волости также жили русские. Татары преобладали в Высоко-Колковской и Старо-Бесовской волости. В первой насчитывалось 5 деревень, во

¹²⁹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Ставропольский уезд. Т.2. М., 1884. С.5.

¹³⁰ Там же. С.6.

второй – 4. Итак, кроме указанных выше двух волостей русские жили в 53 населенных пунктах. На втором месте находились татары. Они были расселены в 22 деревнях, мордва в – 12, чувашаи – в 6. В 7 населенных пунктах жили русские и мордва. В 3 – русские и чувашаи, в 2 – татары и русские. Чувашаи, татары и русские – в 1. Кроме того, было 2 немецких поселения – поселок Немецкие выселки в Высоко-Колковской волости, а также в 42 хуторах Старо-Бесовской волости были расселены немцы и русские.

Земские статистики при обследовании сельского населения Ставропольского уезда установили, что с 1858-1883 г. число крестьянских дворов возросло на 88,6%, что было связано как с естественным приростом населения, так и возникновением в начале 60-х годов XIX века 10 новых деревень на казенных землях южной части уезда на правах подворного землевладения. В 1877-1882 гг. были основаны на арендованных казенных землях деревни Егоровка, Новая Подбельская, Новая Берова, Ивановка и Безымянный поселок¹³¹.

По данным земских статистиков в XVIII в. в Бугурусланском уезде было основано 114 селений. Это были переселенцы – татары и чувашаи из Казанской и Симбирской губерний. Мордва и чувашаи мигрировали из Пензенской и Симбирской губерний. Они селились около Закамской укрепленной линии. Пик заселения Бугурусланского уезда приходится на XIX век, когда возникло 263 селения¹³². Русское население размещалось в 218 селениях. 10 волостей образовывали единую этническую территорию русских: Богородская, Боровкинская, Завьяловская, Карабалеевская, Ново-Богородская, Пилюгинская, Сарбайская, Смольковская, Смытинская, Натальинская (кроме 9 русских селений на ее территории находилось 11 украинских поселков). В Ключевской волости помимо 6 русских поселений была деревня с русско-мордовским и чувашским населением. Чувашаи, мордва и русские не жили обособленно друг от друга. Если русские и мордва вступали в семейно-родственные связи, то чувашаи, хотя и жили рядом, никогда не рождались. Тата-

¹³¹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Ставропольский уезд. Т.2. М., 1884. С.18.

¹³² Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Бугурусланский уезд. Т.4. Самара, 1886. С.8.

ры, как правило, жили отдельно. Русские и мордва проживали в 21 селениях, русские и чуваша – в 8, русские, чуваша и мордва – в 6, мордва и чуваша – в 2.

Хозяйственное освоение и заселение территории Бузулукского уезда началось в XVIII веке. Она была заселена крайне редко. Русское население – крестьяне из Пензенской и Симбирской губерний сосредотачивалось в бассейне рек Кутулук, Боровка и Ток. Здесь возникли деревни Пустоваловка, Кумниково, Державино, Воронцовка, Чуфарово, Ключи, Госвицкое, Кротовка, Муханово, Страхово, Обухово, Чебриково, Куроедово¹³³.

Этническая территория мордвы и чувашей находилась между реками Ток и Бузулук. В верховьях рек Ток и Нижний Урал поселились башкиры, а на юго-востоке уезда – татары, переселившиеся из Казанской губернии. В северной части уезда русские населяли Домашку, Утевку, Новую Тепловку, Никаноровку, Гвардейцы и Ново-Тощое¹³⁴. В 1816-1834 гг. переселенцы основали на юге уезда в степной полосе 160 селений, в 1837-1848 гг. – 35, и в 50-х гг. XIX в. – 9. Переселенцы из Тамбовской губернии основали 116 селений, из Курской – 59, Пензенской – 58, Рязанской – 28, Воронежской – 29, Орловской – 20, Смоленской – 7. А всего в заселении Бузулукского уезда участвовали мигранты из 24 губерний Российской империи. Русские преобладали в Бузулукском уезде. Они заселили 231 поселение. 14 волостей представляли сплошную этническую русскую территорию. Это Курманаевская, Мало-Малышевская, Марковская, Михайловская, Павловская, Домашкинская, Утевская, Кузьминская, Твердиловская, Графская, Елшанская, Ефимовская, Заплавинская, Летниковская волости. Кроме того в Домашкинской волости наряду с русскими поселениями было представлено и одно украинское, а в Кузьминовской волости располагалось 4 русских поселения, 2 – русско-чувашских и одна немецкая колония.

Этническая территория немцев-колонистов располагалась в Юмырань-Табыньской волости, в которой насчитывалось 9 колоний. В этой же волости было 17 поселений башкир. 3 немецких

¹³³ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Бузулукский уезд. Т.3. Самара, 1884. С.10-11.

¹³⁴ Там же.

колонии находились в Воскресенской волости. Украинцы жили в 13 населенных пунктах, мордва – в 13, татары – 6, русские и мордва – 19, русские и чувашаи – 10, русские, чувашаи и украинцы – 9. Чувашаи жили в 3 поселениях, татары в одном. Среди сел со смешанным населением выделяется Пронькинская волость, только в одном поселении жили русские, в 2 – русские и чувашаи и в 16 – русские и мордва. В качестве еще одного примера можно привести Любимовскую волость, где в 3 селениях жили башкиры, в одном – татары и башкиры и в одном – татары. Следует также выделить Усманскую волость, в которой в Благодаровке и Перовке жили русские и мордва, в селе Таволжанка – русские и чувашаи, а в селе Усманка и деревне Баженовка – русские.

В Бузулукском уезде немцы-колонисты основали 3 колонии в Вознесенской волости: Колнтитл – 45 дворов, Юговка – 64, Клинок – 25, а также 18 колоний в Табынской волости, в том числе: Красиково – 27 дворов, Кутыря – 27, Подольск – 27, Луговск – 27, Плешаново – 22, Донская – 37, Долинск – 43, Богомазово – 31 двор¹³⁵.

Николаевский уезд входил в степную зону Самарской губернии. Активное освоение этих территорий началось в 30-х гг. XIX в., когда сюда хлынул поток переселенцев из Черниговской, Воронежской, Полтавской, Харьковской губерний. В заселении территорий участвовали также крестьяне из Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и Саратовской губерний. Переселенцы приходили и из центральных великорусских губерний: Орловской, Рязанской, Тульской, Калужской, Владимирской, Московской, Смоленской и Тамбовской. В первой половине XIX века здесь появилось 128 населенных пунктов, уже в 50-70-х гг. XIX в. поток переселенцев возрос в связи с формированием на юге Самарской губернии новой российской житницы и развитием фермерских хозяйств, ведущих торговое зерновое земледелие и поставлявших на внешний и внутренний рынок большие партии пшеницы твердых сортов (белотурка). Так в 1850-1875 гг. было основано 144 селения, а в 70-80-х гг. возникло еще 5 новых сел и деревень и 134 хутора на казенных и бывших помещичьих землях.

¹³⁵ Список населенных мест Самарской губернии. Самара, 1910.

Помимо русских и украинцев, которые доминировали в процессе заселения территории Николаевского уезда, следует подчеркнуть роль немцев-колонистов в освоении этого края. Этническая территория русских включала 231 селение в Григорьевской, Давыдовской, Ивашовской, Каменно-Бродской, Березово-Лукской, Березовской, Самаровской, Падовской, Ново-Тульской, Николаевской, Красноярской, Корнеевской, Криволучье-Ивановской, Ивановской, Липовской, Любичской, Мало-Быковской и Хворостянской волостях.

Укажем также, что в Большеглушицкой волости кроме 4 русских селений выявлено 7 поселков украинцев. Такая же ситуация была в Самовольно-Ивановской волости: 2 русских селения и 5 украинских поселков, а в Селезнихитской волости с населением 11 русских деревень и сел мирно уживались жители 4 украинских поселков. В Пестравской волости были русские селения, но в волостном центре Пестравка жили мордва и украинцы. В Каменно-Сарлинской волости было 7 русских поселков, одно татарское, 2 украинских поселения, 2 немецких хутора: Старый Цюрих и Новый Цюрих (немцы – лютеране). Нами выявлено, что в Нижне-Покровской волости в 11 поселениях жили украинцы, а в 8 деревнях Имеелевской и 10 – Кузабаевской жили башкиры. Белорусы были представлены в Смоленской волости, где они жили в поселке совместно с украинцами, здесь же находилось 22 русских хутора.

По данным самарского краеведа А.Н. Завального в Николаевском уезде насчитывалось 94 украинских поселения¹³⁶. Они, как правило, предпочитали соседство с православными русскими, мордвой и чувашами, но были и исключения, когда их соседями могли быть немцы или башкиры.

Этническая территория немцев-колонистов находилась в Екатеринштадской, Баратаевской, Панинской волостях. Эти колонии, так же как и аналогичные поселения немцев возникли в период первой волны немецкой колонизации, инициированной российской императрицей Екатериной II. Это были переселенцы из Вюртемберга, Бадена, Пфальца, Данцига, Пруссии, Баварии, Касселя, Гессен-Дармштадта, Саксонии, Люксембурга и Швей-

¹³⁶ Завальный А.Н. Украинские этюды. С.37.

парии. Всего в Николаевском уезде насчитывалось 26 колоний и более 20 хуторов. Особенность расселения немецких колоний состояла в том, что они в целях безопасности в буквальном смысле прижимались друг к другу. В каждой из них была сооружена колокольня, с которой можно было видеть почти все остальные колонии.

В другом степном уезде Новоузенском географическое размещение этносов на его территории имело следующие очертания. Здесь также как и в Николаевском уезде русские лидировали. Они расселялись в более 100 селах, деревнях и хуторах. В уезде отсутствовала за исключением двух волостей – Александрово-Гайской и Петро-Павловской русская этническая территория. Великорусы расселялись смешанно по всей территории уезда.

Второе место занимали ураинцы. По подсчетам А.Н. Завального число их селений достигало 83¹³⁷. На третьем месте были селения немцев-колонистов. Их колонии находились в волостях Нижне-Караманской (13 колоний), Нижне-Ерусланской (9), Торгунской (12 и 4 хутора), Ровненской (4), Тонко-Шуровской (8), Малышинской (10), Бизюкской (3), Верхне-Ерусланской (8 и 12 хуторов), Верхне-Караманской (6 и 21 хутор), Гусебахской (2), Красноярской (9)¹³⁸.

Надо отметить, что в Новоузенском уезде в 60-80-х гг. XVIII в. насчитывалось 31 немецкая колония, но в 40-50-х гг. XIX в. появились слухи о баснословных урожаях пшеницы в южных уездах Самарской губернии и сюда на берега рек Нахой, Большой Караман, Еруслан хлынул поток немцев-переселенцев с правобережья реки Волги и к концу 70-х гг. XIX в. здесь было основано свыше 50 колоний¹³⁹. А всего в 1910 г. в Новоузенском уезде насчитывалось 76 колоний и 37 хуторов. Особо отметим Покровскую слободу и Балаково, в состав населения которых, кроме русских и украинцев, водили немцы.

Кризисные явления в сельском хозяйстве, возникающие из-за климатических условий, засухи, а также неудовлетворительной хо-

¹³⁷ Завальный А.Н. Украинские этюды. С.37.

¹³⁸ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Новоузенский уезд. Самара, 1890. С.13.

¹³⁹ Там же. С.14.

зяйственной конъюнктуры, обусловили переселение немцев-колонистов в другие районы Российской империи, или за границу. Так в 1874-1879 гг. Николаевский уезд покинули 72 семьи, переселившиеся в США штат Арканзас, 3 семьи эмигрировали в Бразилию, одна в Африку, 7 на Северный Кавказ и 5 на Кубань¹⁴⁰. Из новоузенских колоний в начале 80-х гг. XIX в. переселялись в Америку в штат Арканзас, Небраску, Вашингтон, Калифорнию, в Бразилию, Буэнос-Айрес. Всего эмигрировало 356 семей. В Оренбургскую губернию и на Урал переселились 313 семей, на Кавказ – 157¹⁴¹.

В южной степной полосе сосредотачивались крупные поселения, в которых насчитывалось от 700 до 1000 домов. В лесной полосе к числу крупных населенных пунктов относились поселения с числом от 100 до 500 домов. Это были, как правило, волостные центры или торгово-промышленные села. Крупные селения в Николаевском уезде располагались вблизи реки Волги и по течению Большого Иргиза. Это Балаково, Баронск, Большая Глушица, Воздвиженка, Хворостянка, Липовка, Ивантеевка, Сулак, Таволжанка, Березовый Гай, Дергуновка. В этих селах в 80-х гг. XIX в. сосредотачивалось 75886 жителей¹⁴².

К числу крупных селений в Новоузенском уезде, в которых совместно жили русские и ураинцы, относились Покровская Слобода, Александров Гай, Орлов Гай, Новотроицкое, Дьяковка, Дергачи, Новорепное, Куриловка. Все они были основаны в конце XVIII в., а рост числа жителей в них шел как за счет естественного прироста, так и переселенцев из других губерний Российской империи¹⁴³. Они входили в число торгово-промышленных сел, а потому были привлекательны для переселенцев. При этих селениях возникали рынки найма сельскохозяйственных рабочих. К их числу в Новоузенском уезде помимо Покровской Слободы, Дергачей и Дьяков-

¹⁴⁰ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Николаевский уезд. Самара, 1890. С. 217.

¹⁴¹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Новоузенский уезд. С. 23.

¹⁴² Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Николаевский уезд. С. 23

¹⁴³ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Новоузенский уезд. С. 25.

ки следует отнести с. Ровное, Малый Узень, Муравли. В Николаевском уезде такие рынки существовали в Большой Черниговке, Милорадовке, Клинцовке, Семеновке, Малой Глушице, Мосты, Пестравке, Перелюб, Рахмановке, Яблоневого Врага, Хутор Таловый; а в Бузулукском уезде – Любимовке, Балейке; в Самарском – в с. Кошки. Каждый из таких рынков был местом притяжения от 10 до 15 тысяч человек, а всего контингент сельскохозяйственных рабочих в Самарской губернии колебался от 200 до 300 тысяч человек.

В Самарской губернии помимо селений получила развитие такая форма расселения как хутора. В Николаевском уезде большая часть их находилась в 6 восточных волостях Кузубаевской, Большеглушицкой, Смоленской, Грачево-Кустовской, Августовской, Любецкой. Хутора возникли в Хворостянской, Ивантеевской, Липовской и других волостях. Они создавались на купчей земле (16 хуторов), на арендованной казенной земле (19), на частновладельческой (24), на башкирской (41)¹⁴⁴. Среди владельцев хуторов земские статистики выявили фермеров, имеющих одновременно два хозяйства: одно велось на надельной земле, а другое на арендованной. Перед нами типичные фермеры, ведущие земледельческое производство, ориентированное на рынок.

Как и в сельской местности, так и в городах, складывался многонациональный состав населения. В губернских и уездных центрах доминировали русские. По данным «Списка населенных мест Самарской губернии за 1910 год» в Самаре удельный вес русских составлял 92%, татар – 2,5%, евреев – 1,5%, украинцев – 0,5%, поляков – 1,4%. В Ставрополе преобладало русское население, в Бугульме показатель русских достигал 94%, татар – 6%. В Бугуруслане количество русских достигло 90%, татар – 10%; в Бузулуке русских – 93,8%, татар – 5%, евреев – 1%, немцев – 0,25%, поляков – 0,2%. В Новоузенске русских было 96%, татар – 2%, немцев – 1%, евреев – 0,5%, поляков – 0,2%; в Николаевске русские составляли 84%, татары – 15%, евреи – 0,5%, немцы – 0,25%, поляки – 0,25%.

¹⁴⁴ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Николаевский уезд. С. 64.

Анализ этнодемографической ситуации в Самарской губернии во второй половине XIX века наглядно свидетельствует о включенности изучаемого региона в имперское пространство, в котором происходило этноконфессиональное взаимодействие представителей различных этносов, населявших Самарский край. Разделяя тезис П.Верта о том, что Российская империя представляла «место встречи трех культурных миров: православных славян, тюрко-мусульман и языческих финно-угорских племен»¹⁴⁵ добавим, что в этой «встрече» при освоении и заселении Самарской губернии приняли активное участие католики и лютеране – немцы и поляки, эсты, а также представители других конфессий.

Но прежде чем приступить к анализу этнодемографической ситуации в регионе приведем данные о численности населения Самарской губернии в 1858-1916 гг.

Таблица 1

**Динамика численности населения Самарской губернии,
тыс. чел.***

Губерния	Категория	1858 г.	1897 г.	на 01.01.1914 г.	на 01.01.1916 г.
Самарская	сельское	1468,0	2593,4	3558,6	3703,6
	городское	62,0	158,8	242,2	283,1
	всего	1530,0	2752,2	3800,8	3986,7

* Таблица составлена по данным: Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министра внутренних дел. Вып.2. СПб., 1863; Общий свод по империи результатов разработки Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1,2; Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915; Статистический ежегодник России. 1916. Пг., 1918.

Эти данные свидетельствуют о росте численности населения в Самарском крае. Так сельское население к 1897 г. возросло на 1125,4 тыс. чел., а к 1914 г. на 2090,6 тыс. чел., что связано как с естественным приростом населения, так и с возросшим потоком переселенцев в лесостепные и степные районы региона.

¹⁴⁵ Верт П. Православие, инославие, иновение: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С.95-96.

Демографическая ситуация стала меняться в начале XX века. Приведем данные о переселении в Самарскую губернию, которые дают представление о его динамике. Составители «Земско-статистического справочника по Самарской губернии за 1914 год» приводят данные о переселении в губернию и из ее пределов, извлеченные из сборников Центрального статистического комитета Российской империи.

Спады и подъемы в переселении зависели от правительственной переселенческой политики, которая изменилась в связи с реализацией столыпинской аграрной реформы и предоставлением ссуд переселенцам. Безусловно, на спад переселения оказывали влияние и такие факторы как хозяйственная конъюнктура, климатические катаклизмы – засухи, а вследствие этого такое социальное бедствие как голод. Так, наибольшее число переселенцев было в 1898 и 1899 гг. Всплеск переселенцев приходится на вторую половину первого десятилетия XX в. и на 1912 г., что было вызвано голодом 1911 г. Если говорить о количестве переселенцев в Самарскую губернию, то наибольшее число мигрантов приходится на 1910-1911 гг. По данным И.В. Чернышова в 1913 г. из губернии выселилось 12094, а в 1914 г. – 11982 человек¹⁴⁶.

Таблица 2

Динамика переселения из Самарской губернии и вселения в Самарскую губернию*

Годы	Душ. об.п.	Годы	Душ. об.п.	Годы	Душ. об.п.	Годы	Душ. об.п.	Из др. губ. вселилось в Самару		
								Год	Всего Д.об.п.	В т.ч. обратно
1896	3856	1901	905	1906	11143	1911	9091	1909	6363	1370
1897	974	1902	1323	1907	10037	1912	20945	1910	20376	4087
1898	13523	1903	1597	1908	?	1913	12094	1911	16023	3835
1899	11283	1904	603	1909	23332	1914	11982	1912	5347	874
1900	4368	1905	364	1910	10196	—				

*Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914. С.99.

¹⁴⁶ Чернышов И.В. Аграрный вопрос в России от реформы до революции. Курск, 1927. С.151.

Войны и революции также воздействовали на темпы переселения. Например, в период Первой мировой войны в Самарскую губернию хлынул поток беженцев. В условиях военного времени резко возросли контингенты тыловых гарнизонов, которые достигали в уездных центрах от 10 до 20 тысяч человек, а в Самаре гарнизон составлял 60 тысяч человек.

К числу новых явлений, которые обозначили иной вектор заселения территории Самарской губернии следует отнести создание на надельных землях, а также владениях казны и Крестьянского поземельного банка хуторов и отрубов, а также поселков товариществ, которые возникали в связи с реализацией столыпинской земельной реформы. Этот процесс вел к деформации сельских поселений и появлению новых хуторов, выселков и переселенческих поселков.

С июля 1907 г. по 1 января 1916 г. в Самарской губернии вышло 167 199 домохозяев или 48,2% от общего количества дворов. Они укрепили в личную собственность 2 075 863 дес. земли, что составило 30,9% общинной земли. Реформа имела успех в Новоузенском (84,4% дворов), Николаевском (32,1%), Бузулукском (13,8%), Бугурусланском (11,8%), Самарском (10,2%) уездах. Менее успешно реформа проходила в уездах Ставропольском (7,5%) и Бугульминском (4,7%)¹⁴⁷.

Самарское отделение Крестьянского поземельного банка с 1906 по 1916 г. продало крестьянам более 926 тыс. дес. земли. На бывших надельных землях и землях Крестьянского поземельного банка возникло 91 644 хуторов, в распоряжении которых находилось 2 011 515 дес. земли. Эти новые хозяйства землеустроенных крестьян вносили изменения в географическое размещение традиционных поселений. В то же время они придали новый импульс развитию земледельческого производства.

Итак, Самарская губерния во второй половине XIX – начале XX вв. продолжала оставаться зоной активного притока различных групп населения как из великорусских губерний, Украины и поволжских губерний. «Наиболее высокие показатели абсолютного прироста населения с 1850 по 1897 г. зафиксированы

¹⁴⁷ Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии. Сборник документов и материалов. Самара, 2012. С.8.

по таким этническим группам, как русские, немцы, украинцы и татары»¹⁴⁸.

В ходе заселения оформились этнические территории русских, украинцев, татар, башкир, немцев-колонистов, эстов. И в тоже время здесь возникло множество этнически смешанных селений. Миграционные процессы второй половины XIX – начала XX вв. ускорили процесс хозяйственного освоения региона. «Миграционные движения, этнокультурные процессы, имперская политика способствовали возникновению на территории Среднего Поволжья и Заволжья к рубежу XIX-XX вв. особой историко-культурной области, где наряду с этнической и конфессиональной, шло формирование региональной идентичности»¹⁴⁹. Обретая новую Родину переселенцы активно включались в различные сферы экономической и социокультурной жизни региона.

¹⁴⁸ Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVII – начало XX в.). Ч.2. С.246.

¹⁴⁹ Там же. С.251.

Глава 4

Губернская и городская администрации Самары

4.1. Правительственные учреждения

В середине XIX в. самарское Заволжье характеризовалось активной колонизацией и заселением, быстрым увеличением числа жителей, началом роста промышленности и инфраструктуры. Эти факторы предопределили высочайшее решение о создании новой, Самарской губернии. 6 декабря 1850 г. император Николай I подписал указ об образовании Самарской губернии из семи левобережных уездов Симбирской (Ставропольского и Самарского), Саратовской (Николаевского и Новоузенского) и Оренбургской губерний (Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского)¹⁵⁰.

Формируемая губернская администрация имела типичное для внутренних губерний внутреннее устройство, что указывало на общую завершенность процесса внутренней колонизации региона в данный период. С другой стороны, организация и деятельность новых органов правительственной власти осуществлялись с учетом реализации в губернии Великих реформ.

Главой местной администрации являлся губернатор, в официальных документах именуемый также «хозяин губернии» или «начальник губернии»¹⁵¹. В средневожских губерниях в 1860-1890-х гг. средний срок правления начальника губернии составлял 5-6 лет.

Структура и внутренняя организация системы местного административного управления, взаимоотношения центральной и местной власти, определялись общеимперской законодательной базой (мало менявшейся в XIX в.). Проведение губернской администрацией масштабных мероприятий детально предписывалось многочисленными циркулярами и перегружало губернаторов разнообразной отчет-

¹⁵⁰ История Самары (1586-1917 гг.): монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: «Самарский университет», 2015. С. 155.

¹⁵¹ Свод законов Российской империи. Т.2. Ч. 1. Общее Учреждение Губернское. СПб., 1857. Ст.270.

ностью. Несмотря на обремененность губернаторов должностными обязанностями, объем их власти позволял самостоятельно и успешно находить пути решения служебных задач¹⁵².

Властные полномочия губернатора были обширны, поэтому многое в жизни региона зависело от его человеческих качеств, убеждений и стиля работы. Огромный вклад в формирование администрации молодой губернии внес второй самарский губернатор Константин Карлович Грот, занимавший пост губернатора в 1853-1860 гг. К.К. Грот закончил формирование аппарата управления губернией, начатое первым самарским губернатором С.Г. Волховским, бескомпромиссно боролся со взятками в среде губернского и уездного чиновничества. Для искоренения традиционной коррупции он сумел повысить оклады местных чиновников, при этом приглашал на службу в губернский аппарат молодых, деятельных людей, в том числе выпускников Харьковского и Казанского университетов.

К.К. Грот заметил существенные недостатки в организации и проведении выборов органов городского самоуправления. В короткий срок он добился от городскими дум и ратуш установления порядка и однообразия в городской выборной системе. Более того, губернатор сумел организовать эффективное взаимодействие с органами самоуправления, что выразилось в появлении в Самаре публичной библиотеки, постоянного театра и других улучшений¹⁵³.

К.К. Грот также активно содействовал переселению в губернию немцев-меннонитов, осваивавших малонаселенные земли юга губернии. Деятельность Грота по достоинству оценена самарцами: в 1864 г. он первым получил звание почетного гражданина Самары, его именем были названы три стипендии в самарской учительской семинарии и стипендия в реальном училище имени Александра I¹⁵⁴.

¹⁵² Губернская администрация и городское самоуправление Среднего Поволжья в конце XIX века // Памятники российского права. В 35 т. Т. 17. Городская реформа второй половины XIX в.: учебно-научное пособие / Под. общ. ред. д.ю.н., проф. Р.Л. Хачатурова. Москва, Россия: Юрлитинформ, 2016. С. 208-255.

¹⁵³ Смирнов Ю.Н. Предложения К.К. Грота по совершенствованию управления в Самарской губернии: взаимодействие с выборными органами и местным самоуправлением // Гротовские чтения: материалы III Межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2013. С. 10-29.

¹⁵⁴ Самарский губернатор К.К. Грот. Самара, 2008.

Создание в ходе Великих реформ новых органов сословного самоуправления, наделенных широкими полномочиями, предполагало планомерное усиление надзора за ними со стороны губернатора. Особенно актуально это было в условиях общественного подъема 1860-х гг. Губернатор получил право ревизовать все гражданские учреждения губернии независимо от их ведомственной принадлежности, объявлять «обязательные постановления», запрещающие издание газет и журналов, проведение собраний и т.п., просматривать списки лиц, рекомендуемых в мировые судьи, списки присяжных заседателей. Для контроля над сословными крестьянскими учреждениями и органами земского и городского самоуправления под председательством самарского губернатора были созданы особые присутствия: губернское по крестьянским делам, губернское по городским делам, губернское по земским делам (позднее губернское по земским и городским делам), губернское о земских повинностях¹⁵⁵.

Полномочия губернаторов были дополнительно усилены во время политического кризиса 1879-1881 гг. Изданное в 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» давало губернатору чрезвычайные полномочия.

Основными подчиненными самарскому губернатору учреждениями являлись канцелярия губернатора и губернское правление. Кроме того, губернатор возглавлял до полутора десятков различных совещательных учреждений губернии: присутствий, комитетов, комиссий. Самостоятельно охватить весь круг вопросов губернатор не мог и передавал большую часть дел канцелярии, концентрируя внимание на наиболее сложных проблемах¹⁵⁶. Предметами ведения канцелярии губернатора и губернского правления было большинство вопросов местного управления.

Губернаторская канцелярия являлась главной опорой власти губернатора, которая осуществляла функцию организации деятельности губернатора. Канцелярия губернатора вела переписку

¹⁵⁵ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т.: монография. Т.2: Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века. Самара: ООО «Слово», 2020. С. 69.

¹⁵⁶ Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 270.

по делам, которым губернатор уделял наибольшее внимание (секретным, безотлагательным)¹⁵⁷. В штат канцелярии самарского губернатора на 1869 г. входили: правитель канцелярии, 2 старших и 2 младших помощника, регистратор, 2 чиновника особых поручений¹⁵⁸. Канцелярия обычно располагалась в здании резиденции губернатора. Важнейшее значение в канцелярии и в целом в системе губернского управления играл правитель канцелярии. По оценкам современников, именно правитель канцелярии был правой рукой губернатора, он осуществлял предварительную сортировку всей массы документации, поступавшей на имя губернатора, предлагал возможные способы решения служебных задач. Каждый рабочий день губернатора начинался с часового доклада правителя¹⁵⁹.

Канцелярия губернатора была самым привилегированным и престижными провинциальным учреждением. Типичным было внутреннее деление этого учреждения на 3-4 стола. Первый стол отвечал за все отчеты перед столицей, здесь готовились губернаторские отчеты императору, ведомости о количестве и виде преступлений по губернии и т.д. Этот стол решал дела, связанные с пребыванием иностранцев в России, выдачей заграничных паспортов, разрешений на жительство, документов для перемещения через границу империи. Второй стол канцелярии отвечал за текущее взаимодействие с центральным аппаратом МВД. Сюда поступал ежедневный «поток» циркуляров и распоряжений министерства, который затем распределялся по остальным административным инстанциям губернии. В него поступали и рассматривались ходатайства и прошения на высочайшее имя, на имя министра или самого губернатора. Второй стол контролировал учреждение и деятельность десятков различных «обществ», столь популярных в то время (охоты, велосипедное, сельскохозяйственное общество, библиотеки-читальни и т.д.). Здесь же решались все вопросы, связанные с дворянскими выборами, велась «книга телеграмм губернатора», собиралась так называемые «справочные цены». Третий стол

¹⁵⁷ Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т.2. Свод губернских учреждений. Ст.408-410.

¹⁵⁸ Памятная книжка Самарской губернии на 1869 г. Самара, 1868. С. 27.

¹⁵⁹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.3. Оп. 43. Д. 6. Л.31.

отвечал за дела политического и религиозного характера – гласное и негласное наблюдение, сведения о политической благонадежности, дела о раскольниках и старообрядцах, разрешения поступать на определенные должности и т.д. Четвертый стол выделился позже остальных; он контролировал и анализировал развитие сельского хозяйства губернии, собирал сведения о деятельности земств и городского самоуправления¹⁶⁰.

Самарское губернское правление, учрежденное в декабре 1850 г., было основным административным учреждением губернии. Самарское губернское правление состояло из канцелярии и общего присутствия. Канцелярия включала четыре отделения: первое отделение наблюдало за исполнением распоряжений губернатора и губернского правления, собирало сведения по административным, полицейским, финансовым вопросам, заведовало штатом чиновников, губернским архивом и газетным столом. Второе отделение занималось делами охраны порядка в губернии, третье – местным судопроизводством, четвертое – финансово-хозяйственными вопросами¹⁶¹.

Во второй половине XIX века серьезные изменения претерпели местные административные учреждения сферы социального обеспечения. Вместо губернских врачебных управ в составе губернских правлений были образованы врачебные отделения, как правило, состоявшие из губернского врачебного инспектора, его помощника, фармацевта-провизора, двух губернских ветеринаров, делопроизводителей. В губерниях действовали губернские попечительства о детских приютах, возглавляемые губернатором.

Финансовые реформы конца 1850-1860-х гг. включали в себя и преобразование местных финансовых учреждений. С 1850 г. основным финансовым учреждением губернии стала Самарская казенная палата, которая отвечала за прямые (окладные) налоги, руководила губернскими и уездными казначействами. Сбор косвенных налогов был поручен Самарскому губернскому акцизному управлению.

Самарская палата государственных имуществ управляла государственными крестьянами и обширным фондом казенных земель

¹⁶⁰ ЦГАСО. Ф.3. Оп.42. Д.15. Л.7-16.

¹⁶¹ Там же. Ф.1. Оп. 11. Д.97. Л.348; Ф.3. Оп.1. Д.332. Л.4.

региона. В составе этого учреждения хозяйственное, оброчно-межевое, контрольное и лесное отделения. Во всех уездах губернии, кроме Самарского и Ставропольского, дела государственных имуществ велись окружными начальниками.

Кроме того, начали действовать новые финансовые учреждения – Самарские присутствия по промысловому, квартирному, подоходному налогам, налогу с недвижимых имуществ. Функции финансового контроля были возложены на Самарскую контрольную палату. В 1885 г. в губерниях была введена должность податных инспекторов и образованы губернское и уездные податные присутствия. В этот же период были созданы губернские и уездные по питейным делам присутствия, контролирующие деятельность питейных заведений.

В 1851 г. в Самаре было открыто губернское рекрутское присутствие. Оно работало при Казенной палате и состояло из губернатора (председатель), председателя Казенной палаты и советника ее ревизского отделения, а также уездного предводителя дворянства, батальонного командира и инспектора врачебной управы¹⁶².

В 1854 г. в Самаре открылся губернский статистический комитет. В него входили руководители высших губернских органов управления. Первым его начинанием стало составление атласа Самарской губернии, к сожалению, неизданного. Лишь в 1860 г. губернский землемер Н.П. Шахларев составил «описание (дач) к карте Самарской губернии», отпечатанное губернской типографией.

При создании Самарской губернии в 1851 г. были сформированы и действовали до 1864 г. следующие учреждения судебной власти: губернская палата уголовного суда, палаты гражданского и совестного суда. Первыми делами гражданской палаты стали тяжбы самарской мещанки Маткиной и казаков Зориных о сенокосных угодьях, графа Орлова-Давыдова с поручицей Москвитиной о спорных рыбных ловлях, оформление документов на покупку земли купцом 2-й гильдии Шихобаловым и др.¹⁶³.

Во второй половине XIX в. росло общее количество губернских учреждений и численность их служащих. В 1869 г. общее число

¹⁶² ЦГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.143. Л.2.

¹⁶³ Там же. Ф.155. Оп.1. Д.411, 414, 791.

губернских учреждений в Самарской губернии составляло 29, в 1891 г. работало уже 34 учреждения¹⁶⁴.

Личный состав чиновничества Самарских губернских учреждений формировался по традиционным правилам. Предпочтение при приеме на службу оказывалось потомственным дворянам, имевшим недвижимую собственность, военным отставникам. Однако с конца 1860-х гг. в составе правительственных учреждений стала увеличиваться доля чиновников, получивших среднее или высшее образование. Служащие самарских губернских органов управления, занимавшие относительно высокие должности, особенно по ведомству министерства внутренних дел, финансов и государственных имуществ, получали высокое денежное содержание: губернаторы – до 6 тыс. руб. в год, управляющие губернскими органами – до 4,5 тыс. руб. в год. Губернаторы имели самые высокие чины в губернской администрации: действительного статского или тайного советника.

Важнейшим инструментом осуществления правительственной власти в регионе являлись учреждения губернской и уездной полиции. Штаты самарской полиции были утверждены указом Николая I в 1841 г. До 1851 г. самарская полицейская команда состояла из 77 человек, в том числе 3 унтер-офицеров, 34 полицейских служащих, 14 канцелярских работников, а также пожарной команды из 25 человек служащих и брандмейстера. Город был разделен на 2 полицейские части. Управление частями и кварталами находилось в заведовании частных приставов и квартальных надзирателей¹⁶⁵.

В 1851 г., при создании Самарской губернии, штаты полиции были увеличены до 192 человек, возросли и оклады полицейских. Главой полиции Самарской губернии являлся губернатор, которому напрямую подчинялся полицмейстер и уездные исправники (начальники полиции в городах и уездах соответственно). Губернатор имел право делать распоряжения по ведомству полиции и контролировал ее деятельность. Ревизией самарской городской полиции занимался вице-губернатор. Окончательно устройство

¹⁶⁴ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т.: монография. Т.2: Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века. С. 74.

¹⁶⁵ Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851-1917 гг. Самара, 2012. С.117.

полиции в регионе было закреплено «Временными правилами об устройстве полиции» 1862 г. и до 1899 г. не менялось¹⁶⁶. Город Самара стал делиться уже на три полицейские части, во главе с частными приставами. Каждая из частей делилась на два полицейских участка во главе с приставами. В участке числилось два помощника, прикомандированный офицер и письмоводитель.

В 1899 г., в связи с стремительным ростом городского населения, численность Самарской городской полиции была увеличена на 125 чел. Увеличение площади городской застройки, появление новых кварталов потребовало создания 4-ой полицейской части, которая начала работать с 1 июня 1899 г.¹⁶⁷ В 1909 г. в Самаре был сформирован отряд конно-полицейской стражи, которая могла быть использована и для подавления беспорядков в уездах.

Самарская уездная полиция представляла собой уездные полицейские управления во главе с уездным исправником, назначаемым губернатором из местных дворян, и помощником исправника. Основой единицей полицейского деления сельской местности являлись станы, в среднем уезды делились на 5–6 станов (примерно по 40 тысяч жителей). Каждым из станов руководил становой пристав, подчинявшийся уездному исправнику. Всего в начале XX века в Самарской губернии насчитывалось 34 становых пристава.

В связи с активизацией революционного движения в 1878 г. в подчинении станового пристава учреждалась должность полицейского урядника. Урядники становились ближайшими помощниками становых приставов, главными их исполнительными чиновниками, начальниками над выборными из крестьянской среды десятскими и сотскими. Уряднику должны были оказывать всяческое содействие волостные старшины и сельские старосты, но в крестьянское самоуправление урядник вмешиваться не мог¹⁶⁸. Введение должности урядника существенно укрепило полицейскую

¹⁶⁶ Временные правила от 25 декабря 1862 года об устройстве полиции // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. XXXVII. Отд. 2. № 39087.

¹⁶⁷ ЦГАСО. Ф. 159. Оп. 9. Д. 737. Л. 13.

¹⁶⁸ Тюрин В.А. Должность полицейского урядника в России конца XIX – начала XX веков (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2011. №1/1(82). С. 211–215.

власть в уездах, однако, распространенной проблемой являлось низкое качество кадров¹⁶⁹.

Структуры политического розыска и внутренней безопасности в Самарской губернии появились в январе 1851 г., когда в Самару из Санкт-Петербурга был прислан «летучий» жандармский отряд из 7 человек. Впоследствии этот отряд был реорганизован в Самарскую губернскую жандармскую команду. В 1867 г. жандармская команда стала Самарским губернским жандармским управлением (СГЖУ). В штат СГЖУ вошли: начальник, 5 помощников начальника (в распоряжении каждого из них от 5 до 10 унтер-офицеров), адъютант, секретарь и 2 писаря. При СГЖУ постоянно находилось 1-2 чиновника прокурорского надзора. В СГЖУ традиционно назначались помощники начальника ГЖУ для работы в уездах: Самарском, Бугурусланском, Бугульминском, Ставропольском, Бузулукском, Николаевском и Новоузенском¹⁷⁰.

В 1889 г. в системе административного управления самарского региона появилось значительное нововведение – была учреждена должность земского участкового начальника. Всего в России было сформировано 2200 земских участков (в среднем 4-5 на уезд), при этом в состав участков не входили города. В границах своего участка земский начальник обладал обширной административной и судебной властью¹⁷¹.

На территории Самарской губернии было образовано 79 земских участков¹⁷². Количество выделяемых участков находилось в прямой зависимости от размеров уезда и плотности проживающего в нем населения. Среднее число участков в самарских уездах составляло 10-12, значительно превышая среднероссийский показатель. Отбор кандидатур на должность земских начальников показал слабый интерес местного дворянства к этой должности. Во многом это объяснялось довольно высокими требованиями к кандидатам и слабым интересом к сельской административной

¹⁶⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1282. Оп.2. Д.15.

¹⁷⁰ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX начало XX века. М., 2000. С. 172.

¹⁷¹ Положение о земских участковых начальниках. Ст. 2-5 // Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. IX. Кн.3. С. 106-121.

¹⁷² ЦГАСО. Ф.3. Оп. 106. Д.39. Л.4, 9об.

деятельности в среде местного дворянства. Анализ формулярных списков земских участковых начальников Самарской губерний позволяет сформулировать следующие выводы: среднее время пребывания в должности составляло примерно 7-9 лет, среднее время руководства отдельным участком – 3-5 лет (достаточно часто практиковался перевод начальников на соседние участки)¹⁷³.

Практикой деятельности самарских земских участковых начальников был надзор и контроль над деятельностью крестьянских учреждений, всесторонняя опека не только крестьян, но и всего податного населения, жившего в сельской местности. Они мог подвергнуть крестьян телесному наказанию, аресту и штрафу, отстранить от должности членов крестьянских учреждений, отменить постановления сельского и волостного сходов. Самарские земские участковые начальники рассматривали приговоры волостных и сельских сходов¹⁷⁴. Волостные суды отныне назначались земским начальником из предлагаемых сельским обществом кандидатов. Земский начальник мог отменить постановление волостного суда и отстранить судью. Решения земского начальника считались окончательными¹⁷⁵. Создание института земских участковых начальников следует считать типичным воплощением политики государственного патернализма эпохи Александра III, распространенной на крестьянство.

Таким образом, сформированная в середине XIX в. Самарская губернская администрация получила типичное для европейской части России внутреннее устройство. При этом сохранились традиционные для имперского периода принципы управления – коллегиальное принятие решений в присутствиях: по крестьянскому делу, земским повинностям, городскому хозяйству, воинской повинности, имеющих межведомственный характер деятельности.

Личная власть и полномочия губернаторов, напротив, укреплялись и возрастали. Учреждения губернского управления за вторую половину XIX в. значительно увеличили численность, получив новые задачи в эпоху Великих реформ. При этом, местная правительственная власть уверенно контролировала и направляла развитие Самарской губернии.

¹⁷³ ЦГАСО. Ф.3. Оп. 106. Д. 32. Л. 1; Д.39.

¹⁷⁴ Там же. Д.39.

¹⁷⁵ Положение о земских участковых начальниках. Ст. 6, 31, 32 // Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. IX. Кн.3. С. 106-121.

4.2. Учреждения городского самоуправления

Стремительное развитие социально-экономической сферы Самарского края в середине XIX в. было ускорено реализацией в регионе Великих реформ 1860-70-х гг. Городской реформой 1870 г. была создана система выборного местного самоуправления, заложена новая правовая основа развития городской экономики, инфраструктуры, здравоохранения и народного образования.

Модернизация системы общественного управления в Самаре проходила поэтапно. В 1851 г., став губернским городом, Самара получила городское самоуправление основанное на «Жалованной грамоте городам» 1785 г. Эта «екатерининская» система самоуправления явно устарела и не соответствовала новым тенденциям развития региона. С отменой крепостного права быстро росло население городов, менялись социальные отношения, ускорились экономические процессы.

Реформа городского самоуправления не заставила себя долго ждать. Согласно «Городовому положению» 1870 г. новые городские учреждения становились всесословными. Распорядительные функции теперь возлагались не на все городское общество, а на его представительный орган – думу. Число членов городской думы (гласных) зависело от числа избирателей в городе. В губернской Самаре учреждалась городская дума из 72 гласных. Из своего состава дума избирала исполнительный орган общественного управления – городскую управу¹⁷⁶.

Избирательное право базировалось на имущественном цензе. Право участия в выборах независимо от сословия получали владельцы недвижимой собственности, облагаемой налогом в пользу города, а также лица, уплачивающие определенные торгово-промышленные сборы. Большим недостатком принятого Городового положения явилось то, что представители образованной части населения (городская интеллигенция, чиновники), как правило не владевшие недвижимостью, к городским выборам не допускались.

Создание новых органов городского самоуправления в Самаре в июле 1870 г. было поручено губернатору Г.С. Аксакову. Акса-

¹⁷⁶ История Самары (1586-1917 гг.): монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. С. 219.

ков предложил городской думе старого созыва составить новый список избирателей. Список включал 88 избирателей I разряда, 342 избирателя II разряда и 2686 избирателей III разряда, так как выборы должны были пройти по трем отдельным избирательным собраниям (куриям). Сами выборы гласных обновленной Самарской городской думы состоялись в январе 1871 г.¹⁷⁷ По воспоминаниям общественного деятеля П.В. Алабина, горожане «проявили редкостное невнимание к интересам города»¹⁷⁸. Низкий процент явки на выборы можно объяснить слабым уровнем образования и гражданской активности провинциального населения. В Самарскую городскую думу первого созыва вошли 72 человека, из них 57 чел. представляли купечество и только 9 человек – дворянство и чиновничество. Отметим, что преобладание купечества было изначальным замыслом разработчиков Городового положения 1870 г.

Первое заседание Самарской городской думы состоялось 3 февраля 1871 г. Губернатор Г.С. Аксаков выступил с приветственным словом и выразил уверенность, что «избрание в должности городского общественного управления падет на лиц, вполне отвечающих требуемым для этого условиям, по нравственному и беспристрастному собранию избирателей»¹⁷⁹.

Согласно Городовому положению 1870 г., каждое четырехлетие новый состав думы избирал городского голову. Городской голова возглавлял как думу, так и управу. Городскому голове принадлежал общий надзор за правильным течением дел в управе и подведомственных ей учреждениях (пожарных частях, отделении главного архитектора и т.п.).

Детальный анализ сословной принадлежности дает следующую статистику. В период 1851-1870 гг. должность городского головы Самары занимали 6 человек – все представляли купечество. В период действия Городового положения 1870 г. (1870-1892 гг.) – 8 городских голов, из них: купечество представляли 5 человек (62,5%), потомственное дворянство – 1 человек

¹⁷⁷ Самарские губернские ведомости. 1871. 25 января.

¹⁷⁸ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 619.

¹⁷⁹ Журналы заседаний Самарской городской думы за 1871 год. Самара, 1872. №1. С. 2.

(12,5%) – П.В. Алабин, еще 2 человека (25%) – чиновники, не имевшие дворянского звания – Н.И. Эссен, И.Н. Малыковский¹⁸⁰.

В период действия Городового Положения 1892 г. (1892-1917 гг.) должность городского головы занимали 9 человек, из них: купечество представляли 4 человека (44%), потомственное дворянство – 3 человека (33%) – юрист П.А. Арапов, юрист А.Н. Хардин, врач С.Н. Постников, еще 2 человека (22%) – учителя, общественные деятели, не имевшие дворянского звания – Н.С. Арычкин, В.П. Ушаков.

Данные по всему имперскому периоду работы Самарской городской думы следующие: в период 1780-1917 гг. в Самаре избирались 26 городских голов. Из них: потомственные дворяне – 4 (15,4%), купечество – 15 (57,7%), мещанство – 1 (3,9%), крестьянство – 3 (11,5%), нет сведений – 3 (11,5%).

Данные по уровню образования городских голов за период 1780-1917 гг.: высшее – 5 (19,2%), среднее – 3 (11,6%), низшее или домашнее – 18 (69,2%)¹⁸¹.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о полном преобладании купечества (преимущественно первой гильдии) среди городских голов конца XIX в. В позднеимперский период (1892-1917 гг.) доля городских голов из купечества падает до 44%, значительную конкуренцию начинают составлять (в равных долях) потомственные дворяне с высоким уровнем образования и лица, вообще не имеющие дворянского звания – общественные деятели, юристы, учителя. Это говорит о существенном прогрессе в сфере образования и культуры Самарского края и о начале стирания сословных границ. Многих городских голов из купечества в этот период следует отнести к просвещенному и деятельному слою населения. Примечательно, что лишь только один городской голова начала XIX в. (П.В. Выдрин) принадлежал к городскому сословию мещан. Иными словами, модернизация городского самоуправления 1870 и 1892 гг. способствовала привлечению к управлению городами торгово-промышленной буржуазии и образованных слоев населения.

Самарская городская управа являлась исполнительным органом, выполняя постановления городской думы. На городскую управу

¹⁸⁰ Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999. С. 72-109.

¹⁸¹ Там же. С. 234.

возлагались административно-хозяйственные функции в городе. Самарская городская управа, учрежденная на основе Городового положения 1870 г., занималась широким кругом вопросов в сфере городского хозяйства и благоустройства, финансов, народного образования, культуры, медицины, инфраструктурного развития, контролировала торговлю и санитарное состояние города. Кроме того, управа собирала нужные для думы сведения и исполняла ее определения, обязана была вести тщательный инвентарный учет всего городского имущества, составляла проекты городских смет, взимала и расходовала городские сборы, с разрешения думы определяла правила и сроки отчетности. Управа представляла думе отчеты о своей деятельности, о денежных оборотах по городским суммам, о состоянии подведомственных ей частей, заведений и имуществ. Важным направлением деятельности выступало хозяйственное обеспечение правительственных учреждений. Структура Самарской городской управы на 1873 г. включала три отделения: техническое, денежное и хозяйственное¹⁸².

Вся деятельность думы подлежала надзору и опеке со стороны губернского по городским делам присутствия и Министерства внутренних дел. Закон предоставлял губернатору приостановить любое постановление думы или управы, если он находил их противозаконными. После этого, ситуация подлежала коллегиальному разбору в губернском по городским делам присутствии. Решение этого органа можно было обжаловать в Сенате.

В целом городская реформа 1870 г. способствовала активному развитию экономической и социокультурной сфер Самары. Наиболее заметна была деятельность новых учреждений городского самоуправления в инфраструктурном развитии города и его благоустройстве. В конце XIX в. Самаре началось планомерное мощение улиц, ремонт тротуаров, в 1876 г. в Самаре появилось керосиновое уличное освещение, в 1886 г. был открыт водопровод (протяженностью на момент постройки – 27,5 км.), строившийся, в том числе, как эффективное средство борьбы с пожарами. В начале 1890-х гг. городскими властями проводились масштабные работы по строительству бухты на реке Самара для стоянки и зимовки судов, в 1895 г. была построена конно-железная дорога. Городская

¹⁸² ЦГАСО. Ф.153. Оп.9. Д. 374. Л.9.

электростанция в Самаре была запущена в 1900 г., городской трамвай – в 1915 г.¹⁸³

Не менее активной была деятельность городских учреждений в сфере народного образования и медицины. Главными достижениями городской думы было создание мужской и женских гимназий, Самарского реального училища, Самарского городского училища, Городского приемного покоя¹⁸⁴.

Особо отметим вклад городского самоуправления в сферу духовной жизни и культуры Самары. Городские власти выкупили и обустроили Струковский сад, Пушкинский сквер, иные места культурного досуга. В 1888 г. было построено великолепное здание Городского театра, в 1903 г. – Народный Дом им. А.С. Пушкина. Пополнялись фонды Публичной библиотеки, при ней был открыт музей и зал памяти императора Александра II. Городское самоуправление оказывало помощь в строительстве учреждений общественного призрения, храмов. Существенный вклад городские власти внесли в возведение крупнейшего в Поволжье Кафедрального собора¹⁸⁵.

Городское самоуправление Самары активно реализовывало патриотические инициативы и формировало «места памяти». В 1889 г. на Алексеевской площади был открыт бронзовый памятник императору Александру II, поставленный на величественном гранитном основании. Памятник авторства В. Шервуда, был возведен думой на народные пожертвования. В 1875-1876 гг. все российское общество было охвачено волной общественной поддержки народов Сербии, Черногории, Болгарии, начавших антитурецкое освободительное движение. Гласные Самарской городской думы решили изготовить знамя для вручения сражающимся болгарам. Активно участвовали в этом гласный городской думы П.В. Алабин (автор идеи), городской голова Е.Т. Кожевников и самарский губернатор П.А. Бильбасов. В мае 1877 г. Самарское знамя было привезено в Болгарию Е.Т. Кожевниковым и

¹⁸³ Кабытов П.С., Шлеенкова Е.И. Эволюция городского пространства Самары: от крепости на Волге до столицы губернии: монография. Самара: ООО «Слово», 2024. С. 179-195.

¹⁸⁴ Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье на рубеже XIX-XX вв. Самара, 2007. С. 142-162.

¹⁸⁵ История Самары (1586-1917 гг.): монография. С. 277-285.

П.В. Алабиным и торжественно вручено 3-й дружине болгарского ополчения¹⁸⁶.

В 1886 г. самарские власти организовали широкое празднование 300-летия города. Помимо торжественных мероприятий, городским головой П.В. Алабиным был составлен подробный исторический очерк 300-летней истории Самарского края¹⁸⁷.

Городские учреждения, созданные на основе Городового положения 1870 г. получили возможность эффективно контролировать и направлять развитие города. Самарская городская дума получила право издавать обязательные постановления для жителей города. Эти предписания внесли необходимую регламентацию в вопросы городской жизни и сыграли большую роль в развитии Самары конца XIX – начала XX вв.

Несколько десятков изданных обязательных постановлений следует объединить в следующие группы. Важнейшей группой являются обязательные постановления о правилах торговли, они регламентировали торговлю отдельными товарами, предписывали места торговли. Несомненную пользу городским нравам оказали обязательные постановления о запрете продажи спиртных напитков в праздничные и выходные дни и о запрете азартных игр в трактирах.

Не менее важны были обязательные постановления по санитарному состоянию города: о содержании помойных ям и отхожих мест, хранении скоропортящихся продуктов, о мерах против эпидемий, о санитарном порядке на улицах города (например, о запрещении выпуска свиней на улицы). Большое число обязательных постановлений предписывало противопожарные меры. Городской думой определялись правила содержания чердаков и сараев, состояния крыш, правила хранения быстровоспламеняющихся товаров (лес, хлопок, нефтяные продукты).

Обязательные постановления думы о вопросах благоустройства города обстоятельны и подробны, включают перечень многочисленных обязанностей домохозяев по содержанию и ремонту мостовых, отхожих мест, устройству сточных канав, нумерации домов и т.д. При этом существенным ограничением явилось отсут-

¹⁸⁶ История Самары (1586-1917 гг.). С. 259-262.

¹⁸⁷ Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887.

ствие у городских властей действенных способов добиться строгого исполнения этих предписаний¹⁸⁸.

Общую картину характера и объема хозяйственной деятельности городского самоуправления отражает характеристика городского бюджета. Несмотря на экономическую самостоятельность, городские власти не были полностью свободны в расходовании своих денежных средств. Часть бюджета составляли так называемые «обязательные расходы», т.е. городское самоуправление было обязано финансировать следующие правительственные расходы: содержание полиции, воинский постоя, размещение тюрем. При этом городские расходы на медицину, образование, социальное обеспечения официально именовались «необязательными» и зависели от мнения большинства гласных думы.

Главным источником дохода города являлись поступления с городских имуществ, оброчных статей и различные виды сборов (с владельцев недвижимого имущества, промышленников и т.п.). В 1873 г. в совокупности они составляли 125 106 руб., или 64% всех доходов Самары. Кроме этого, значительные суммы поступали в городскую казну в качестве пособия от земства по отбыванию городом квартирной воинской повинности, процентов с оборота общественных сумм, помещенных в Общественный банк, и другие статьи, объединенные в бюджете в разделе «чрезвычайные доходы». В том же 1873 г. эта статья доходов составляла 54 880 руб., то есть примерно четверть доходов города.

Кроме указанных источников городских финансов, в росписях доходов и расходов губернского города Самары выделяются доходы от косвенных налогов (с владельцев лошадей, собак и т.п., за содержание «приблудной скотины» в городских загонах, взыскания по искам и т.п.), их сумма составляла 10 478 руб.; а также мелочные и случайные доходы (пени за несвоевременную уплату сборов, штрафы за «неисправление» служебных обязанностей, нарушение правил торговли на площадях и улицах) — около 3 тыс. руб.¹⁸⁹

Самарская городская дума активно пользовалась таким источником доходов, как продажа городских движимых имуществ и продукции, получаемой с городских земель. Так, в 1872 г. городом

¹⁸⁸ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 180. Л. 183.

¹⁸⁹ Журналы заседаний Самарской городской думы. Самара, 1873.

было продано 2 300 пудов сена с общественной сенокосной пашни на сумму 493 руб. В 1881 г. с продажи различного городского движимого имущества предполагалось выручить 1 000 руб.

Доходы города соответствовали бурному росту российской экономики в конце XIX в. В 1870 г. они составляли 166 500 руб., в 1873 г. – уже 193 000 руб., в 1889 г. – более 478 500, в 1900 г. – 783 000 руб. Иными словами доходы Самары за 30 лет выросли в 4,7 раза¹⁹⁰.

Видное место в городском бюджете занимали налоги и подати. Город взимал следующие прямые налоги: с оценки недвижимых обывательских имуществ; с документов на право торговли и промыслов; с патентов на питейную торговлю; с трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавок; с извозного промысла. Наиболее значительный доход давал городу оценочный сбор с недвижимых имуществ, который в 1873 г. составлял 37% всех налогов и 7,6% бюджетных поступлений.

Вторым по значимости для городского бюджета Самары был налог с трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавочек. В отличие от других налогов, он поступал исключительно в пользу города, имея тенденцию как к абсолютному росту, так и к увеличению удельного веса в доходах города. Так, в 1873 г. в городскую казну поступило 11 414 руб. по этой статье, а в 1881 г. – уже 51 550 руб., что в 4,5 раза больше, чем предполагалось сметой. Удельный вес этой статьи в городских доходах вырос с 6% до примерно 20%¹⁹¹.

Несмотря на общий рост городских налогов, их удельный вес в бюджете Самары в период действия Городового положения 1870 г. снижается. При этом резко возрастают доходы города от эксплуатации принадлежащей ему земли. В 1881 г. они превышают 90 тыс. руб., или 45% всех доходов.

Основным способом извлечения дохода с городской земли являлась сдача в аренду городской доходной земли частным лицам, под посев овощей, хлеба, устройство складов, постройку заводов, кузниц, амбаров и мельниц.

¹⁹⁰ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1415. Л.1.

¹⁹¹ Там же. Д. 1283. Л.2.

Другой группой городских имуществ, приносящих существенный доход в местный бюджет, были различные промыслы, участки, сдаваемые под пристани, рыбные садки, портомойные плоты и проруби, городские весы и меры, мосты и перевозки через реки Волга и Самара. В 1873 г. доход по этой статье превысил 30 тыс. руб.

Значительные суммы поступали в городской бюджет от сдаваемых городом в аренду торговых мест. Это были сборы за торговлю на городских площадях и улицах с подвижных лотков, деревянных лавок, за места в принадлежащих городу торговых рядах, съестном ряду, за места под ярмарки и т.п. Среднегодовой доход от главных торговых центров – Троицкой, Воскресенской, Покровской площадей составлял в 1880 г. 35 065 руб.

Таким образом, развитие Самары в конце XIX в. и возрастание ее роли в экономической жизни региона сопровождалось существенным ростом городских доходов. Этот процесс происходил неоднородно и противоречиво. Снизилась доля доходов с оценочных сборов с недвижимых имуществ, но значительно возросли доходы от налогов с трактирных заведений и постоянных дворов, с извозного промысла. Наметилась тенденция снижения доли доходов с взимаемых налогов за счет увеличения доходов с городских земель и предприятий¹⁹².

Изменение политического курса с воцарением императора Александра III, необходимость устранения недостатков городской реформы 1870 г. привели к городской реформе 1892 г. По Городовому положению 1892 г. было усилено подчинение общественных учреждений административному аппарату, существенно изменена система выборов. При этом весь комплекс вопросов, которыми городские думы занимались ранее, был за ними сохранен, как и структура органов городского самоуправления.

Механизм избрания городской думы, предписанный Городовым положением 1892 г., претерпел значительные изменения. Был установлен высокий имущественный ценз, который допускал к городским выборам наиболее состоятельную часть городского населения. Имущественный ценз рассчитывался исходя из стоимости имеющейся недвижимости и составлял для губернских городов не менее 1 000 руб.

¹⁹² История Самары (1586-1917 гг.): монография. С. 242-244.

Городовое положение 1870 г. предоставляло избирательное право ничтожной части городского населения (4-6%). Избирательный ценз, предложенный городской реформой 1892 г., еще более понизил число городских избирателей. Средний процент избирателей сократился до 1% горожан. Этим правительство добивалось главной цели – провести в городские думы инициативных и образованных гласных, но лояльных существующему режиму¹⁹³.

Социальный состав городских дум при реализации реформы в 1892 г. изменился незначительно. В среднем по губернским городам России купечество и почетные граждане заняли в городских думах долю в 55,8%, дворянство, разночинное чиновничество, интеллигенция – 34% гласных, мещанство, ремесленники, крестьяне – 9,8%. На выборах Самарской городской думы в 1892 г. от купечества было избрано 60% гласных, от дворянства и чиновничества – 22,6% гласных. В целом, социальный состав Самарской городской думы соответствовал общероссийским тенденциям¹⁹⁴.

Организация городского общественного управления на основе Городового положения 1892 г. оказала благоприятное влияние на экономическое положение Самары. За десятилетие с 1892 по 1901 гг. доходы города выросли почти на 30%. К 1901 г. бюджет Самары достиг 1,5 млн. рублей.

Значительное увеличение доходов города сопровождалось ростом расходов бюджета. По данным на 1901 г. около 16% расходов городского бюджета составляло содержание полиции, войск, правительственных учреждений. Стоимость содержания общественного управления выросла на 30%. В среднем в 2,6 раза больше средств стало выделяться на городское благоустройство (до 13% бюджета). Значительно возросли расходы на развитие городской инфраструктуры – водопровод, электрическая сеть, конка, трамвай. Примерно в 2 раза увеличились расходы на санитарную безопасность, больничное дело и народное образование¹⁹⁵.

¹⁹³ Структура, численность, социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. №8/2 (109). С. 92-98.

¹⁹⁴ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 64. Л. 12.

¹⁹⁵ Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье на рубеже XIX-XX вв. С. 70.

Модернизация городского самоуправления в Самарской губернии второй половины XIX в. была встречена обществом благоприятно. Местное население, получило реальную возможность самостоятельно, при минимальном контроле губернской администрации, решать вопросы местной жизни. В 1890 г. самарский губернатор А.Д. Свербеев отметил: «...деятельность местных правительственных..., а также земских, городских и общественных учреждений не выходила из пределов, указанных законом»¹⁹⁶. Это фраза из отчета императору указывает на достигнутый консенсус во взаимодействии городского самоуправления и коронной администрации.

Значительная самостоятельность и четкая регламентация полномочий городского самоуправления внесли огромный вклад в экономическое развитие Самарского края. Города региона активно росли и благоустраивались, доходы города Самары с 1870 по 1900 г. выросли практически в 5 раз. Самарское городское самоуправление реализовывало эффективные санитарные и противопожарные меры. Значительно увеличилось число городских образовательных и медицинских учреждений. Культурно-патриотические инициативы городских властей подарили Самаре «места памяти» – памятник Александру II, Кафедральный собор Христа Спасителя, Струковский сад, Пушкинский сквер и другие объекты культуры. Инициативой общегосударственного значения явилось изготовление и вручение «Самарского знамени» болгарским дружинникам в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

¹⁹⁶ Научная библиотека Российского государственного исторического архива. Всеподданейший отчет Самарского губернатора за 1890 г. С. 3.

Глава 5

Самарское общество и местное самоуправление

5.1. Самарское дворянство

В исторических исследованиях достаточно полно освещены вопросы функционирования земельного рынка, землевладения, землепользования, социально-экономического строя помещичьих хозяйств¹⁹⁷, реконструированы социально-демографический облик и общественно-политическая позиция самарского дворянства¹⁹⁸.

Незавершенность колонизации края, особенности территориального и этнодемографического расселения наложили отпечаток на состав и демографические характеристики населения Самарского края. Первыми владельцами луговых берегов и пойм Волги были монастыри и мелкие служилые землевладельцы нагорной стороны. Владения помещиков располагались в основном на правом берегу Волги, а на левом, как правило, находились их покосы и огороды. Но дворянам угрожала постоянная опасность, так как их владения подвергались частым набегам со стороны башкир и калмыков. В начале XVIII в. российское правительство предоставля-

¹⁹⁷ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900-1917). Саратов, 1982; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994; Тагирова Н.Ф. Хлебный рынок Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. М., 2000; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / Под ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов, 2010; Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.) / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.

¹⁹⁸ Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008; Александрова С.А., Ведерникова Т.И. Сельские дворянские усадьбы Самарского Заволжья в XIX–XX вв. Самара, 2015; Алексушина Т.Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013.

ло земли в вотчины служилым людям, объявляя их «коронными». С середины XVIII в. помещичья колонизация охватила не только приволжские регионы, но и продвинулась вдоль рек в степные районы. В южной части Самарского уезда возникли крупные имения московского дворянина Дмитриева и боярина Головина, которые получили в дар от Петра I свыше миллиона десятин земли. Часть этого владения затем перешла к семье Самариных¹⁹⁹. Огромные территории были пожалованы Екатериной II братьям Орловым. В 1844 г. на север Самарского уезда были переселены дворяне-однодворцы из Рязанской и Тульской губерний²⁰⁰. По данным П.А. Преображенского около 26% населения Бугульминского уезда, 69% Бугурусланского и 71% Николаевского сформировалось в течение первой половины XIX столетия²⁰¹.

Дворянство Самарской губернии было немногочисленным, составляло лишь 0,3% от всего населения губернии, причем этот показатель был ниже общероссийского. Потомственное дворянство в 1858 г. составляло 1598 человек (694 мужчин и 904 женщин); личного дворянства и чиновников насчитывалось 2319 человек (из них 1681 мужчина и 638 женщин)²⁰². По сведениям П.В. Алабина, в 1860 г. самарских дворян помещиков, владевших крепостными, было всего 825 человек, они «проживали в 802 деревнях, населенных 115772 крестьянами мужского пола»²⁰³. Лишь 8 помещиков было в Николаевском и Новоузенском уездах²⁰⁴.

¹⁹⁹ Иванова Л.В. Воспоминания и семейная переписка как источник по истории усадьбы (На примере рода самарских дворян Самариных (XVIII – XX вв.)) // Людмила Васильевна Иванова-краевед, москвовед, усадьбовед / Сост. В.Ф.Козлов. М., 2012. С.244-249.

²⁰⁰ Серебренитский К. Дворяне-однодворцы (о поселениях дворян-однодворцев в Самарской губернии) // Самара и губерния. 2000. № 4. С. 70.

²⁰¹ Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. С. 55.

²⁰² Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 267.

²⁰³ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 552.

²⁰⁴ Селиверстова Н.М. Провинциальное дворянство и эпоха великих реформ. (На примере Самарской губернии) // Краеведческие записки. Самара, 1995. Вып. XII. С. 102.

Орловы-Давыдовы, Воронцовы-Дашковы в своих латифундиях имели свыше тысячи крепостных крестьян. Орловы-Давыдовы в 1854 г. в вотчине, располагавшейся на территории Самарской Луки, имели более 195 тыс. десятин земли и около 23 тыс. крепостных крестьян²⁰⁵. Граф Иван Ларионович Воронцов-Дашков владел самым крупным имением в Николаевском уезде (около 22 тыс. десятин земли, 1316 душ крепостных крестьян мужского пола)²⁰⁶. Как правило, владельцы редко навещали свои владения, осуществляя лишь контроль за ними через управляющего имением. Среди самарских помещиков латифундистами можно считать штабс-капитан А.А. Путилова, губернского предводителя дворянства в 1852-1860 гг. А.Н. Чемодурова и др.

Средний состав имений второго разряда (от 500 до 1000 крепостных крестьян мужского пола) был выше всех в Самарском уезде и составлял 824 крепостных (мужского пола), а ниже всех в Бугульминском – 623 души мужского пола²⁰⁷. Таких поместий в губернии числилось 209, что составляло 22,6% от общего количества владений помещиков. Больше всего в Самарской губернии было мелкопоместных дворян – 672 поместья. В их собственности были небольшие имения, в которых насчитывалось до 100 крепостных крестьян²⁰⁸. Уже накануне отмены крепостного права в Самарской губернии начался процесс постоянного сокращения числа дворянских имений, так как большая часть помещиков была неспособна приспособиться к экономическим изменениям.

«Великие реформы» XIX в. ускорили модернизационные процессы, что обусловило изменение социальных ролей и менталитета «благородного сословия». Существенной трансформации подвергались традиционные ценности и поведенческие практики

²⁰⁵ Смирнов Ю.Н. Владения Орловых на Самарской Луке и в окрестностях: территория и наследники в последней трети XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. №2. С.214.

²⁰⁶ Шевнина О. Е. Облик провинциального дворянства в конце 1850-х – 1870-е гг. (На материалах губерний Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. С.54.

²⁰⁷ Самарские губернские ведомости. 1858. 14 июня. С. 22.

²⁰⁸ Савельев П.И. Помещичье хозяйство Самарской губернии накануне отмены крепостного права // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 111.

дворян. По данным А.А. Чемодурова накануне образования Самарской губернии численность дворянских родов составляла 328 фамилий, на 1900 год – 511. «Действительное» или жалованное дворянство, вписанное в первую часть родословной книги, было представлено 18 родами. Наиболее многочисленную часть сословия составляли представители тех родов, которые получили сословные привилегии за военную (233 рода) и гражданскую (128 родов) службу. Князь С.Д. Урусов был вписан в четвертую часть родословной книги – «иностранные дворянские роды». Титулованное дворянство насчитывало восемь родов, благородные роды были представлены 123 фамилиями²⁰⁹. 33 фамилии относились к мелкопоместным дворянам. К 1917 году численность дворянских родов Самарской губернии насчитывала 460 фамилий²¹⁰. Отметим, что по различным причинам, часть самарских дворян, проживающих в губернии, не была внесена в губернскую родословную книгу. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. к потомственным дворянам Самарской губернии причисляло себя 5391 человек²¹¹.

Деятельность корпоративных организаций дворянства в Самарской губернии особой активностью не отличалась, что было связано с экономической и политической разобщенностью сословия, отсутствием активной общественной позиции. Губернский и уездные предводители дворянства играли большую роль в местной жизни. Функционал предводителя дворянства был достаточно обширен, а значительную часть времени предводителю приходилось исполнять возложенные на него государством, а не сословием обширные административные функции. Помимо чисто дворянских дел (родословных, опекунских) и периодических собраний уездных предводителей вместе с депутатами дворянства, губернский предводитель дворянства принимал по закону участие во всех губернских коллегиальных учреждениях. Капиталы дворянского об-

²⁰⁹ Чемодуров А.Н. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства за пятидесятилетний период существования Самарской губернии 1851-1901. М., 1901.

²¹⁰ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 430. Оп. 1. Д. 1909–1912.

²¹¹ Общий свод по империи результатов разработки данных переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1. С.164.

щества расходовались на нужды сословия, такие как содержание канцелярий предводителей, депутатских собраний, дворянских опеков, выплату жалований, пенсий, пособий канцелярским чиновникам и т.д. За время существования Самарской корпоративной организации ее возглавляли 14 губернских предводителей.

Первое губернское собрание в Самарской губернии состоялось 18 мая 1851 г. Председателем собрания был Самарский уездный предводитель А.А. Путилов, который до проведения выборов исполнял обязанности Самарского губернского предводителя дворянства. На собрании состоялись выборы должностных лиц, а также было принято решение об отправке делегации к императору с «выражением верноподданнической благодарности по поводу открытия новой губернии и самостоятельного дворянского общества»²¹². 20 января 1852 г. состоялось губернское дворянское собрание, на котором губернским предводителем дворянства был избран С.Н. Шелашников.

25 сентября 1858 г. был создан губернский комитет по крестьянскому делу. Самарский губернский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян состоял из 16 человек. Им стал руководить самарский губернский предводитель дворянства А.Н. Чемодуров. В состав комитета также были включены два члена от правительства: Ю.Ф. Самарин и Н.Л. Муханов²¹³. По своим взглядам на будущую реформу члены комитета разделились на две группы: либерально настроенную, во главе с Ю.Ф. Самариным и консервативную И.П. Рычкова. Кружок либералов «Спасово согласие» объединил ту часть среднепоместных дворян, которая связывала свое будущее с перестройкой хозяйства на новые экономические «рельсы». Большинство из них уже применяли вольнонаемный труд. В этот кружок входили братья Лазаревы и ставропольский предводитель Л.Б. Тургенев. Ю.Ф. Самарин считал необходимым выполнить два условия для более успешного перехода к новой общественной организации российского общества. Во-первых, крестьяне в обязательно порядке должны быть наделены пахотной

²¹² ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.

²¹³ Посталюк Ю.С. Позиция дворянства Самарской губернии в период подготовки реформы помещичьей деревни // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6-1. С. 68.

землей, а во-вторых, правительство обязано сохранить общинную организацию. Даже столь умеренная позиция Ю.Ф. Самарина вызвала непонимание и резкий протест со стороны «большинства» членов губернского комитета, в составе которого было четырнадцать человек. Председатель комитета, губернский предводитель дворянства А.Н. Чемодуров занимал центристскую позицию, но все же поддерживал самарского губернатора К. Грота – сторонника крестьянской реформы.

Бугурусланский предводитель дворянства, отставной штаб-ротмистр И.П. Рычков негативно относился к предстоящей реформе. Именно его остро критиковал Ю.Ф. Самарин. В губернском комитете сложилась сложная и противоречивая ситуация, о чем свидетельствует письмо Ю.Ф. Самарина к А.И. Кошелеву: «Мы держимся только примерным хладнокровием, ангельским долготерпением и безукоризненностью обращения»²¹⁴. Видным представителем крыла консерваторов являлся Борис Петрович Обухов, один из инициаторов строительства и председатель Самаро-Оренбургской железной дороги. Представители высшего сословия, которые обладали крупнейшими поместьями на территории губернии, например, граф В.П. Орлов-Давыдов, считали, что данные изменения напрямую ведут к подрыву не только материального благосостояния дворянства, но и его политического значения²¹⁵. Часть среднепоместных дворян, которые вели свое хозяйство на основе использования барщинного труда, особенно в условиях многоземелья Самарской губернии, также опасалось освобождения крестьян.

В результате работы самарского губернского комитета по крестьянскому делу было выработано два проекта реформы: крепостнического «большинства» и либерального «меньшинства». Они мало чем отличались друг от друга, несмотря на ожесточенную полемику при их обсуждении. Весьма широким был спектр практических предложений по проведению крестьянской реформы, который получил отражение в индивидуальных проектах и журналах заседаний губернских комитетов.

²¹⁴ Самарин Ю.Ф. Крестьянское дело с июня 1859 по апрель 1861 гг. // Сочинения. М., 1911. Т. 4. С. 431.

²¹⁵ Селиверстова Н.М. Российское дворянство накануне и в период реформ 60-70-х годов XIX в. Состав, положение, деятельность. М.: Университетская книга, 2019. С.128.

Отмена крепостного права и последующие реформы определили принципиально другие практики экономической деятельности дворян. Помещичье хозяйство вступило в длительный переходный период. Дворянам предстояло решать вопросы о финансировании своих хозяйств, внедрении инноваций, использовании вольнонаемного труда. Эффективную хозяйственную деятельность в своих имениях смогли вести далеко не все помещики. Самарские дворяне в 1877 г. имели 1082 владения общей площадью 2033,1 тыс. дес. земли. Доля помещичьего землевладения в общей площади губернии была незначительной и составляла на 1892 г. – 13,2%. Наибольшее количество земли принадлежало дворянам в Бугурусланском (20,7%) и Ставропольском (19,8%) уездах, а наименьшее – в Николаевском и Новоузенском уездах (10,9%)²¹⁶. К 1905 г. число дворянских владений в губернии сократилось до 810, а занимаемая ими площадь – до 926 тыс. дес.²¹⁷ Убыль коснулась прежде всего крупных земельных владений.

Неразвитость рынка наемного труда в России, отсутствие ширококомасштабных кредитных программ, неудовлетворительная хозяйственная конъюнктура и кризис хлебных цен в конце XIX в., неготовность дворян заниматься предпринимательскими практиками сдерживали капиталистическую трансформацию дворянских хозяйств. Первоначально самарские дворяне возлагали большие надежды на вновь созданный дворянский Саратовско-Симбирский банк, в который заложили 18 имений общей площадью 34 000 десятин. Но из-за злоупотреблений членов его правления банк оказался несостоятельным, и правительство вынуждено было взять на себя его ликвидацию²¹⁸. Гораздо большее количество имений находилось в залоге в Обществе взаимного поземельного кредита, утвержденном 1 июля 1866 г. и имевшем всероссийский характер. На 1889 г. кредитом воспользовались 210 самарских помещиков, заложив 470 264 дес. земли. Организационные сложности и недальновидная политика Общества привели к тому, что в 1890-х гг.

²¹⁶ Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т.8. Вып. 1 Самара, 1892. С.2.

²¹⁷ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. Вып.28.

²¹⁸ Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. СПб., 1891. Т. II. С.118.

выдача ссуд была заморожена. В первой половине 1880-х гг. сложилась система государственного ипотечного кредита, куда входили городские кредитные общества. Заемщиками земельных банков являлись главным образом дворяне, а также крестьяне и купцы. Дворяне, закладывая имения в банк, чаще всего использовали ипотечный кредит не по назначению, участвуя в промышленном и банковском предпринимательстве, биржевой игре. Они расходовали кредиты на уплату долгов, раздел имущества среди наследников и потребительские нужды. И лишь малая часть полученных дворянами ссуд шла на модернизацию имений.

В структуре дворянского землевладения в Самарской губернии по данным 1905 г. преобладали крупные имения, размером свыше 1000 десятин, однако численность средних и крупных помещиков неуклонно уменьшалась, а мелких – возрастала. Дворяне-землевладельцы становились чиновниками, переходили в другие социальные и профессиональные группы. К 1905 г. удельный вес земель помещного дворянства в общем количестве частновладельческих земель в Самарской губернии составил всего 28% ²¹⁹. Массовое крестьянское движение в годы первой российской революции повлияло на процесс распродажи земли дворянами и сокращение площади дворянского землевладения в губернии до 540 796 дес. в 1914 г. ²²⁰

Основу как помещичьего, так и крестьянского хозяйства составляло пашенное земледелие. Аграрная специализация региона обусловила рост посевных площадей ²²¹. Большая часть помещиков не стремились к модернизации своих хозяйств, так как демографический рост сельского населения приводил к аграрному переселению российской деревни. Внедрение инноваций требовало не только значительных финансовых вложений, но и предпринимательских способностей, деловой хватки, интенсификации сельскохозяйственного производства. Ситуация различалась в зависимости от качества земли в уездах губернии и наличия у помещиков свободных финансовых средств. Большинство мелкопоместных и

²¹⁹ Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

²²⁰ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900-1917). Саратов, 1982. С.58.

²²¹ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / Под ред. В.Н.Данилова и П.С. Кабытова. Саратов, 2010. С.140-141.

среднепоместных дворян предпочитали традиционные, испытанные способы ведения хозяйства: трех- и четырехпольную, смешанную системы землепользования наряду с залежной. Перевод части запашки на арендное использование в условиях сельскохозяйственного кризиса рассматривался дворянами как один из способов улучшения экономического положения частных владельцев. Поэтому часть дворян полностью порывали связи со своей усадьбой, переезжали в города, а земли сдавали арендатору. Количество таких владельцев неуклонно возрастало, что свидетельствовало об устранении помещика от хозяйства. Удельный вес капиталистических экономий в конце XIX в. составил 31%, смешанных – 29%, в остальных хозяйствах землю сдавали в аренду²²². Крупно- и среднепоместные дворяне, применявшие смешанную систему ведения хозяйства, сдавали часть земли крестьянам мелкими участками, а на остальной земле вели собственное хозяйство, используя труд наемных рабочих. Крестьяне арендовали у помещиков небольшие участки земли как за деньги, так и на других условиях – за определенную работу в пользу землевладельца, долю урожая или исполу. Многие крестьяне отрабатывали на полях хлеб или семенной материал. В качестве штрафа за потраву посевов и покосов землевладельца практиковались отработки крестьян в имении помещика. В южных уездах, где водопой были редкими, помещики брали плату за водопой, иногда в форме отработки. Наряду с отработочной системой все большее распространение получала денежная аренда. Средняя цена аренды частновладельческих земель в конце XIX в. колебалась от 1,14 руб. за десятину земли в Новоузенском уезде до 3,0 руб. в Ставропольском уезде при средней цене 1,82 за дес. земли²²³. Владельцы и субарендаторы стремились повышать цены на сдаваемые участки земли.

В конце XIX – начале XX вв. зерновое производство стало ведущей отраслью хозяйства в губернии. Большая часть земельных угодий отводилась под посевы зерновых, среди которых первое место занимали ценные, товарные сорта пшеницы, а второе – озимая и яровая рожь. Также были распространены посевы ячменя,

²²² Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 49.

²²³ Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1892. Т. 8. Вып. 1. С.68.

гречихи, гороха, проса, полбы, льна. Из технических культур в крае широко возделывался картофель, в южных уездах выращивали табак и подсолнечник. В качестве корма для скота в некоторых хозяйствах выращивалась кукуруза. Динамичное развитие земледелия в регионе, повышение роли агротехники и агрокультуры в хозяйствах крупных землевладельцев способствовали росту объема валовых сборов зерна. Самарская губерния (главным образом Николаевский и Новоузенский уезды) по темпам роста сбора зерна стояла на первом месте в Поволжье. В 1911-1915 гг. удельный вес валового сбора в Самарской губернии от общего количества собранного зерна в Поволжье достиг 35,6%.

Стремление поставить на рынок как можно больше товарного хлеба, снизить его себестоимость вызывало необходимость использования инноваций в системе полеводства. Они были характерны для тех дворян, кто имел значительные земельные угодья и возможности внедрять сельскохозяйственные орудия труда, использовать удобрения и применять на практике новые агрокультурные приемы и знания. В результате многие дворянские экономии трансформировались в многоотраслевые хозяйства, которые функционировали, используя оборотные средства кредитных учреждений, прежде всего Дворянского земельного банка.

В конце XIX – начале XX вв. часть дворян активно включалась в создание капиталистических экономий. Так, Г.Н. Костромитинов в своей усадьбе Стрелковка специализировался на выращивании семян ржи, проса и других зерновых культур на продажу²²⁴. Его продукцию покупали другие дворяне-землевладельцы, что повышало урожайность в их хозяйствах. Свой практический опыт он обобщил в брошюре «О сельскохозяйственных опытах в Бузулукском уезде»²²⁵. В Пилюгинской экономии (Бугурусланский уезд Самарской губернии) А.Н. Карамзин ввел травосеяние. Его примеру последовали соседи – помещики и крестьяне²²⁶. С 1882 г.

²²⁴ Баринаева Е.П., Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. Самарский помещик и либерал Георгий Николаевич Костромитинов // Самарский научный вестник. 2019. Т.8. №2 (27). С.283-284.

²²⁵ Костромитинов Г.Н. О сельскохозяйственных опытах в Бузулукском уезде. Самара, 1893.

²²⁶ Карамзин А.Н. Что нужно русским полям? О мерах к поднятию благосостояния помещиков и крестьян. СПб., 1904.

он вел систематическое наблюдение за погодой в Самарской губернии, инициировал создание 24 метеорологических станций и работу в уезде 4 дождемеров. Многолетние наблюдения он обобщил в статьях, а затем и в книге «Климат Бугурусланского уезда, Самарской губернии», изданной земством²²⁷. А.Н. Карамзин создал в экономии заповедник первозданной степи – «Полибинское опытное поле», изучал местную фауну птиц, занимался системным лесоводством²²⁸. Однако процесс капиталистической эволюции шел крайне медленно: к 1905 г. лишь 3% дворян-землевладельцев смогли перевести свои имения на капиталистические рельсы.

Помещики, владевшие землями по соседству с башкирами и киргизами Букеевской орды, сочетали использование скота на сельскохозяйственных работах с его последующей перепродажей. Развитой отраслью помещичьего хозяйства было коневодство. Для улучшения рабочей лошади покупались производители арденской породы, рысистой – орловской. В 1870–1880 гг. возникли конные заводы гр. В.Л. Толстого в Бугурусланском уезде и Н.А. Кропачева в Николаевском уезде. В Бузулукском уезде Самарской губернии помещики разводили лошадей смешанных пород, среди них – помесь «башкирской» и «русской» или «рысистой», а также «киргизской» и «рысистой». В южных уездах губернии поголовье коней пополнялось за счет покупки степных киргизских лошадей. В 1880-х гг. были созданы заводы Г.Н. Костромитинова, М.М. Наумова, С.В. Бороздина и др. По данным военно-конских переписей 1900–1905 гг., в губернии насчитывалось 53 частных конных завода, из них более половины – 32 – принадлежали дворянам²²⁹. Самым крупным был завод А.Н. Стобеуса (с. Александровка Таллинской вол., с. Могутово Бузулукского уезда), основанный еще в 1852 г. Жеребят начинали обьезжать с трехлетнего возраста. Часть племенных жеребцов оставлялись для обновления собственного завода, а остальные продавались в г. Санкт-Петербург по 500 руб.

²²⁷ Мишанина Е.В. Проблемы оптимизации степного природопользования в трудах А.Н. Карамзина // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2011. №3(31). С.314–317.

²²⁸ Карамзин А.Н. Лесоразведение в с. Полибине Бугурусланского уезда Самарской губернии. СПб., 1913. С. 33.

²²⁹ Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа по данным военно-конских переписей 1900–1906 гг. СПб., 1908. С.60, 61.

за голову. В начале XX в. на заводе было более 230 голов разных пород.

Молочный скот дворяне содержали при всех усадьбах, но в небольших количествах, чаще всего для нужд экономии – изготовления масла и другой молочной продукции. Важной отраслью животноводства являлось овцеводство, которым занимались главным образом в крупноместных хозяйствах. К концу 1890-х гг. лидером по развитию мериносового овцеводства являлся Бугурусланский уезд. Почти все мериносовые стада электоральной породы скрещивались с другими элитными породами овец – «негретти» и «рамбулье». Испанскую породу с 1840-х гг. разводили в имениях Карамзиных и Шелашниковых. В 1863 г. в Никольском заводе М.К. Милютин стадо овец насчитывало до 15 тыс. голов. Впоследствии владелец завода неоднократно улучшал поголовье овец, покупая баранов и маток породы «электораль», а также сам реализовывал в год до 5 племенных баранов по цене от 50 до 200 руб. за голову²³⁰. Самый крупный завод мериносовых овец в Самарской губернии был основан еще в начале XIX в. в усадьбе Самариных. Современники считали его одним из лучших в России. В 1872 г. завод Самариных был награжден золотой медалью Российского общества овцеводства за образцовую постановку дела и высокое качество руна. В 1878 г. Д.Ф. Самарин принимал участие в Парижской Всемирной выставке. На июнь 1883 г. завод насчитывал около 10 тыс. 300 голов помеси «электоральной» породы с «негретти»²³¹. Подобные заводы племенных лошадей, овчарни и стада породистого рогатого скота были и в ряде других крупных имений Самарской губернии.

Мукомольные мельницы имелись практически в каждом крупном- и среднеместном дворянском имении. В зависимости от достатка владельца они были разных типов – конные, ветряные, паровые, водяные, с разной мощностью. Наиболее развито техническое производство было в Бугурусланском уезде, где до 1870-х гг. в имениях функционировала целая сеть суконных фабрик. К концу 1880-х гг. их осталось из-за нерентабельности произ-

²³⁰ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т.4. Бугурусланский уезд. Самара, 1886. С. 80-81.

²³¹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т.1. Самарский уезд. Самара, 1886. С. 91-96.

водства только три – у Рычковых, Племянниковых и Юматовых²³². Традиционно дворянство занималось виноделием и производством сахара. В имении Шелашниковых (с. Никольское) был водочный склад, а в имении при с. Петровское работали винокуренный и поташный заводы²³³. В начале XX века в успешно развивающихся дворянских экономиях возникли масло- и сыродельни. Самарский губернский предводитель дворянства (1905–1915) А.Н. Наумов построил в 1911 г. в своем имении Головкино вальцовую мельницу по новой для того времени технологии. В своих воспоминаниях он отмечал, что новизна технологии вызвала много пересудов среди крестьян, которые, глядя на «невиданное» строительство, «жалели барина, вроде как бы с ума спятившего, бросившего в песок да в воду лишние деньги»²³⁴. Однако через два года мельница полностью окупила средства, затраченные на ее строительство. Тогда же он занялся организацией сыроваренного производства. Помещик Бузулукского уезда Г.Н. Костромитинов для развития имения неоднократно обращался в Дворянский банк за ссудами, которые шли на развитие имения – строительство водяной мельницы, масло- и сыродельни²³⁵.

Отметим, что дворянское сельскохозяйственное предпринимательство в Самарской губернии было характерно в основном для крупных помещиков, которые стремились найти дополнительные возможности экономического роста. В их хозяйстве предпринимательство имело вспомогательный характер и было менее развитым и эффективным, чем купеческое. В качестве панацеи для внедрения инноваций дворянскими собраниями инициировались идеи создания сельскохозяйственных обществ и союзов самопомощи, однако среди зажиточных крестьян и купцов эта инициатива дворян и другие идеи не получили поддержки и так и остались на стадии обсуждения проектов.

²³² Фортунатов А.Ф. Очерк частновладельческого хозяйства в Бугурусланском уезде. Самара: Земская типография, 1887. С. 88.

²³³ ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 13. Л. 48 об.

²³⁴ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний (1868–1917). Нью-Йорк, 1950. Т. 2. С. 209.

²³⁵ Баринаева Е.П., Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. Самарский помещик и либерал Георгий Николаевич Костромитинов // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 285.

Во второй половине XIX в. на дворянских собраниях обсуждались в основном сословные проблемы (расширение прав дворянских собраний; формирование дворянских сословных капиталов и их использование; условия участия в дворянских собраниях; порядок наследования имений; воспитание и образование дворянской молодежи). Корпоративные организации дворянства в начале XX в. в связи с ускорением модернизационных процессов и революции 1905-1907 гг. вынуждены были разрабатывать практики приспособления к новым социальным условиям, что обусловило более активное участие сословия в общественно-политической жизни страны и обсуждении конкретных проблем российского общества, прежде всего экономических. Чаше всего на очередных дворянских собраниях обсуждались вопросы обложения имущества и убыль дворянского землевладения.

В земствах ведущую роль играли среднепоместные либеральные дворяне. Они активно участвовали в земской деятельности, занимали должности мировых судей и земских начальников, стремились оказать крестьянам реальную помощь в решении правовых и хозяйственных проблем. Одним из направлений земской деятельности в этот период было содействие развитию инфраструктуры, которая способствовала развитию культурного земледелия и народному образованию. В конце XIX – начале XX вв. дворяне Самарской губернии, принимавшие участие в земской деятельности, создавали народные библиотеки, помогали открывать школы, занимались контролем за проведением в жизнь постановлений губернского земского собрания. Самарские земцы приняли активное участие в работе уездных и губернского комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Наиболее последовательный либеральный характер носили заключения Ставропольского комитета Самарской губернии, который выступил за свободный выход из общины и развитие индивидуального права земельного пользования; отмену круговой поруки; упорядочение судопроизводства; проведение в жизнь мелкой земской единицы как всесословной волости; расширение мелкого кредита²³⁶. В губернском комитете эти положения были оценены как чересчур либеральные²³⁷.

²³⁶ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXV. Самарская губерния. СПб., 1903. С.427-457.

²³⁷ Там же. С.581-582.

На земских собраниях 1903–1904 гг. по указанию МВД был рассмотрен вопрос об изменении норм, дающих право участия дворян в земских собраниях. Его обсуждение вылилось в дискуссию о системе местного представительства, необходимости введения мелкой земской единицы. Губернские земские управы, возглавляемые либералами, выдвинули предложение об объединении всех земельных собственников без различия сословий. В Самарском губернском земском собрании это предложение было принято, несмотря на активное сопротивление губернского предводителя дворянства А.А. Чемодурова²³⁸.

Должность губернского предводителя дворянства А.А. Чемодуров занимал с июня 1896 по 8 марта 1905 г. До избрания на должность он являлся предводителем дворянства Бугурусланского уезда (1890–1896 гг.), председателем Бугурусланской уездной земской управы (1886–1889 гг.). Убежденный консерватор, А.А. Чемодуров был активным членом «Всероссийского Союза земледельцев», в 1906 г. вошел в состав Совета по организации первого съезда объединенных дворянских обществ, был избран в состав Постоянного совета. С 1906 по 1909 гг. он являлся членом Государственного Совета от Самарского дворянского общества. В 1911 г. А.А. Чемодуров был избран почетным мировым судьей Самарского и Бугурусланского уездов.

В 1905 г. главой дворянской корпорации Самарской губернии был избран Александр Николаевич Наумов (1868–1950). Он прошел всю иерархическую лестницу ответственных земских и дворянских должностей, начиная с секретаря уездного и губернского собрания и члена специальных комиссий, исполнял обязанности члена и председателя губернской земской управы, был уездным и губернским предводителем дворянства (1905–1915), министром земледелия (1915–1916). Как губернский предводитель дворянства А.Н. Наумов предпринимал всевозможные меры для сокращения мобилизации дворянского землевладения. В сентябре 1910 г. он организовывал встречу в губернии П.А. Столыпина, который вместе с А.В. Кривошеиным совершал поездку в Поволжье и Сибирь. П.А. Столыпин обсудил с представителями дворянства, земства и

²³⁸ Журналы Самарского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 8, 9 и 10 мая 1904 года. Самара, 1904. С.167.

городского самоуправления проблемы землеустройства и деятельности Крестьянского банка, открытие в Самаре политехнического института, упорядочение судоходства, устройство моста через р. Самару и канализации в городе. Гласный губернского земского собрания, председатель Бузулукской уездной управы Е.А. Жданов обосновал в своем докладе необходимость открытия в Самаре политехнического института. Еще в апреле 1910 г. самарцы написали записку на имя министра торговли и промышленности с ходатайством об учреждении в Самаре политехнического института с агрономическим отделением. Земство предполагало ассигновать на первое время 200 тысяч рублей, самарское городское общество – 100 тысяч рублей и безвозмездно кирпич. Идею поддержали Уфимское губернское земство и Оренбургское городское общество²³⁹.

Первая мировая война негативно отразилась на экономическом положении дворян, привела к росту их задолженности по платежам Дворянскому банку, лишила дворянские имения рабочей силы, наемный труд резко подорожал. В условиях военного времени дворянские собрания продолжали ходатайствовать о расширении кредита, сложении долгов и правительственной помощи. Так, Самарское губернское чрезвычайное дворянское собрание 20 августа 1915 г. обсуждало доклад о задолженности дворянских имений. Оно постановило обратиться со срочным ходатайством в Дворянский банк и просить об отсрочке платежей. В ответе правления банка говорилось о невозможности предоставлять льготы заемщикам целых районов, однако указывалось, что будут приниматься во внимание индивидуальные дворянские просьбы²⁴⁰. Преемником А.Н. Наумова на посту Самарского губернского предводителя дворянства в 1916 г. стал Александр Николаевич Шелашников (1870–1919 г.).

Благотворительные организации, в которых принимало участие дворянство губернии, были двух видов: общественные, оказывающие помощь всем нуждающимся и корпоративные, которые действовали как кассы взаимопомощи. Дворяне часто были

²³⁹ Подробнее см.: Кабытов П.С. Последний реформатор Российской империи. Самара, 2006.

²⁴⁰ ЦГАСО. Ф. 430. Оп.1. Д. 1671. Л.18, 37об.

создателями, руководителями или членами попечительских советов различных обществ, общественных организаций и заведений. Большое внимание уделялось собственным интересам дворянства: созданию пансионов для детей-сирот или детей бедных дворян, назначение опекунов и контроль за их действиями по ведению усадебных хозяйств. Под опеку имения попадали по разным причинам: малолетству владельцев, неуплату штрафов и гербовых сборов; бездушию и сумасшествию. Постепенное ухудшение экономического положения дворянства приводило к снижению потока благотворительных средств со стороны этого сословия. Средства на те или иные нужды выделялись в основном по решению дворянских собраний и складывались путем обложения дворянских земель определенной суммой налога.

Верхняя страта дворянства была заинтересована в сохранении численности дворянского сословия, поэтому особое внимание уделялось подрастающему поколению разорившегося дворянства. В этой связи дворянская элита стремилась предотвратить полную деградацию мелкопоместного дворянства и разрыв корпоративных связей с ним. Дворянское собрание практиковало предоставление стипендий для детей, обучавшихся в гимназии²⁴¹ и открывало пансионы для детей-сирот или детей разорившихся дворян, а также дворянские учебные заведения. В 1895 г. по инициативе губернского предводителя дворянства А.Н. Булгакова было открыто женское общежитие для шести бедных девиц-дворянок. Они учились в самарской женской гимназии и бесплатно пользовались квартирой, столом, одеждой, учебными пособиями, медицинской помощью и репетиторством. Воспитательницей в пансионе была выпускница Петербургского Смольного института благородных девиц Н.А. Путилова. К 1901 г. численность воспитанниц возросла до 15 человек. Благотворительная помощь выражалась в учреждении различных стипендий и для детей других сословий. В 1863 г. дворянство пожертвовало городскому женскому училищу 1 разряда 7500 рублей. В 1870 г. были учреждены именные стипендии К.К. Грота, которые выплачивались в мужских и женских гимназиях, где готовили

²⁴¹ Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности самарского дворянства за пятидесятилетний период существования Самарской губернии 1851-1901 гг. М., 1901. С. 23-24.

учителей и учительниц сельских школ²⁴². Владельцы помещичьих усадеб устраивали при своих имениях бесплатные больницы и школы для крестьянских детей, оказывали материальную помощь земским школам и городским училищам. Как и по всей России, в губерниях при каждой гимназии или школе создавался попечительский совет, куда входили и представители дворянского сословия. За счет благотворительных средств способные дети из бедных семей могли учиться бесплатно. В 1892 г. супругой самарского губернатора действительного статского советника С.Б. Брянчанinovой был открыт ремесленный приют-училище для детей, родители которых умерли от холеры²⁴³. А Д.Ф. Самарин в с. Спасском открыл и содержал одноклассное сельское училище. 30 июля 1911 г. в с. Знаменском (Аксаково) Бугурусланского уезда Самарской губернии для крестьян были открыты учебные мастерские, в которых учили крестьянских детей столярному, слесарному и кузнечному ремеслу²⁴⁴.

Дворянство принимало активное участие в финансовой поддержке военных кампаний государства. В годы Крымской войны самарское дворянство финансировало содержание сформированных из числа дворян губернии 12 дружин государственного ополчения, а также пожертвовало 8 000 рублей на приобретение ружей и 100 000 пудов ржаной муки для нужд армии²⁴⁵. Постановлением Городской Думы от 5 июля 1876 г. в Самаре был создан Комитет для организации сбора средств помощи южным славянам под председательством П.В. Алабина. Пожертвования собирали представители всех слоев русского общества. Наиболее значительные вклад внесли купцы Е.Н. Аннаев, Н.Ф. Дунаев, И.В. Константинов и дворяне Хардины, Орловы-Давыдовы, В.Г. Пустошкин, А.В. Чарыков, Д.Ф. Самарин. В 1877 г. самарское дворянство пожертвовало 20 000 рублей на нужды Красного Креста²⁴⁶.

²⁴² Вестник благотворительности. 1897. № 1. С. 65.

²⁴³ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1896 год. Самара, 1895. С. 359.

²⁴⁴ Памятная книжка Самарской губернии на 1911 г. Самара, 1911. С. 9.

²⁴⁵ Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности самарского дворянства... С. 5.

²⁴⁶ Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности самарского дворянства... С. 12.

Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. самарские дворянки проводили сбор средств и вещей в помощь русским бойцам. Отделение общества попечения о больных и раненых воинах, основанное 4 января 1868 г., оказывало помощь пострадавшим от стихийных бедствий, голода или пожаров и в мирное время²⁴⁷. Позже при обществе образовался Самарский дамский комитет общества «Красного креста», который возглавила супруга губернатора Г.С. Аксакова. Во время голода 1873 г. Дамский комитет организовал выдачу пособий на продовольствие наиболее нуждающимся семьям и стал публиковать в газетах воззвания о помощи голодающим, а также выделил для борьбы с голодом 2 600 рублей. Комитет обеспечил продовольствием 114 705 человек в 34 волостях Бузулукского, Николаевского и Самарского уездов, для крестьянских хозяйств были приобретены 630 лошадей, раздавались семена для посевов; часть денежных средств была уплачена самарскому губернскому земству за долги крестьян²⁴⁸. В 1891 г. в Самаре на накопленные Дамским комитетом капиталы была организована община сестер милосердия²⁴⁹.

Преодолевать последствия частых неурожаев мелким крестьянским хозяйствам самостоятельно, без чьей-либо поддержки было невозможно. Поэтому правительство, местная администрация, земства вынуждены были в тяжелые неурожайные годы поддерживать население продовольственными и семенными ссудами, льготной продажей рабочего скота. Многие выдающиеся личности оказывали помощь в борьбе с голодом в Самаре. Самарский губернатор Г.С. Аксаков помогал как своими деньгами, так и личным участием, объезжал голодающие территории Самарской губернии во время голода 1873 и 1880 гг. В 1891 г. Д.Ф. Самарин распорядился выдавать для крестьян сел Спасского, Озерецкого и других ближайших деревень по одному пуду муки в месяц на семью²⁵⁰.

²⁴⁷ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1874 год. С. 234–235.

²⁴⁸ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С. 684–686.

²⁴⁹ Протопопов И.А. Краткий исторический очерк сооружения зданий для помещения Самарской общины сестер милосердия под названием «Ольгинской» с церковью, больницей и амбулаторным покоем. Самара, 1902. С. 3–7.

²⁵⁰ Село Спасское Самарского уезда (Добрая деятельность г. Самарина) // Самарская газета 1891. № 203. С. 2.

Дворяне открывали в имениях столовые для нуждающихся в продовольственной помощи. Помощь бедным и обездоленным также оказывали общества попечения о бедных. В Самаре первое такое общество открылось 23 октября 1873 г., им руководила помещица Бузулукского уезда Л.А. Реутовская. Оно преследовало цель «помогать всеми способами людям, не могущим существовать без посторонней помощи». Общество включало всех желающих и выделяло нуждающимся не только денежные средства, но и продукты и одежду²⁵¹. Благотворительная помощь также направлялась бедным детям и сиротам.

Заслуга в электрификации города Самары во многом принадлежит городскому голове, дворянину П.А. Арапову. Именно он не пожалел дефицитных средств городского бюджета, начав строительство центральной электрической станции на берегу Волги рядом с водонасосной станцией, близ Жигулевского пивоваренного завода. Этот проект поддержал губернатор А.С. Брянчанинов, который добился разрешения беспошлинного ввоза в губернский город дорогого немецкого электрического оборудования с привлечением специалистов-наладчиков из Германии. В ноябре 1900 г. была освящена и сдана в эксплуатацию первая очередь электростанции мощностью в 300 киловатт²⁵². Немало сделал на посту городского головы дворянин, надворный советник Сергей Несторович Постников (1905–1906). В числе его заслуг – устройство водопровода в Засамарскую слободу, расширение бухты на р. Самаре, возведение моста через р. Самару, открытие 2-й мужской гимназии. Идея постройки электрического трамвая стала обсуждаться в городской думе и управе еще в начале 1902 года. Постников был одним из главных инициаторов сооружения муниципальной трамвайной линии, активным участником строительства и главой трамвайной комиссии²⁵³.

Общенациональной благотворительной традицией являлось пожертвование на храмовое строительство и благоустройство церквей. Для каждого истинного христианина считалось долгом принять посильное участие в строительстве церквей, что во все

²⁵¹ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С. 672 – 673.

²⁵² История Самары: От воеводского управления до Губернской Думы / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Книга 1. Самара, 2011. С. 200.

²⁵³ Постников Сергей Несторович // Энциклопедия Самарской области. Т. 4. С. 206. См. также: Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999.

времена являло собой пример духовного единения и согласия в укреплении веры. Представители многих дворянских родов вложили средства в строительство храмов в селах и городах Самарской губернии.

В наибольшей степени участие в жизни губернии принимали предводители разных уровней, т. к. по своим должностным обязанностям председательствовали в различных общественных или государственных учреждениях. Дворянская корпорация не всегда могла решать проблемы, касающиеся жизни всего населения губернии, но всегда приходила на помощь стране в трудные минуты. Основной проблемой во второй половине XIX – начале XX в. века было экономическое разорение поместного дворянства. Корпоративная организация стремилась сделать все, чтобы помочь разорившейся или потерявшей кормильца семье восстановить хозяйство, наложив на него опеку. Благотворительность как еще одна из форм деятельности дворянской корпорации относилась и к представителям своего сословия, и к жителям города и губернии. Среди представителей корпорации было немало активных общественных деятелей, которые стимулировали развитие экономического потенциала сельского хозяйства губернии, внесли вклад в развитие системы образования и городской инфраструктуры.

5.2. Самарское купечество

Особенности заселения и хозяйственного освоения Самарского края оказали большое воздействие на социально-демографические и экономические характеристики купечества, которое отличалось наибольшей активностью в торговле и предпринимательской деятельности. Современными исследователями подробно изучены демографические характеристики, экономическая активность и благотворительная деятельность самарского купечества²⁵⁴, рекон-

²⁵⁴ Макитрин К.М. Купеческая семья города Самары в конце XIX – начале XX в. (демографический аспект) // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т.15. №1. С. 49-52; Он же. Самарское купечество в конце XIX – начале XX вв. Социально-демографическая характеристика: дис. ... к.и.н. Самара, 2005; Он же. Состояние самарской торговли в начале XX в. // Историко-археологические изыскания: сборник трудов молодых ученых. Вып. 6. Самара, 2004; Самарское купечество: вехи истории / под ред. Е.П. Бариновой. Самара: Самарский университет, 2006.

струированы биографии наиболее известных представителей сословия, показан их вклад в развитие экономической и социокультурной инфраструктуры Самарского края²⁵⁵.

В купеческом сословии были представлены государственные крестьяне, старообрядцы, обладавшие целеустремленностью, активностью и другими деловыми качествами. Как правило, в предпринимательской деятельности принимали участие все члены купеческих семей, что накладывало отпечаток на характер ведения бизнеса. Преимущество предпринимательских традиций, практик и навыков оказывали воздействие на расширение сфер приложения капитала и географическое размещение бизнеса. В то же время явно прослеживаются торгово-промышленные связи между губерниями и взаимодействие предпринимательских династий.

Среди купеческих династий, достигших незаурядных высот в торгово-промышленной деятельности, был достаточно большой процент иногороднего купечества, оценившего перспективы Самары как центра транзитной торговли. Так, например, купеческая династия Константиновых закупала зерно в Самаре, а затем доставляла его на плоскодонных парусных судах – расшивках по Волге в другие российские города. Учитывая значимость Самары как крупнейшего центра торговли основатель семейного бизнеса Василий Константинов приобрел дом в Самаре, куда впоследствии переехал его сын, Иван Васильевич. Занимаясь бизнесом в Самаре, он продолжал выкупать купеческие свидетельства в Ярославле, оставаясь до 1881 г. формально ярославским купцом. Аржановы и Курлины были представителями уральского казачества. В Самару прибыли государственные крестьяне Ярославской губернии Плешановы, из Австрии – Альфред фон Вакано. Эти предприниматели как и многие другие

²⁵⁵ История Самары (1586-1917 гг.): монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2015; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века / гл. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2020. Т. 2; Купцы Курлины: история семьи в истории России / под ред. И.В. Крамаревой. Самара, 2008; Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... к.и.н. Самара, 2000; Исаева А.А. Купечество в системе городского самоуправления во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... к.и.н. Оренбург, 2010.

обрели на самарской земле новую родину и немало сделали для ее процветания.

В начале XIX в. в Самаре насчитывалось 2390 купцов и мещан, в Сызрани – 3100, в Ставрополе – более 800. Основным занятием купечества в первой половине XIX в. была торговля скотом. По территории края пролегали крупные скотопрогонные тракты, по которым ежегодно транзитом перегоняли несколько сот тысяч голов скота, купленного в Оренбургской губернии и Буковской орде. Торговля с калмыками, башкирами и татарами позволяла за достаточно низкие цены покупать скот, выгуливать его и продавать по высоким ценам продукты животноводства. Переработка продукции животноводства была сверхприбыльным бизнесом. Так уже в 1840-х гг. в Самаре возникли кожевенные промыслы, скотобойни и первые салотопенные заводы. Основатель купеческой династии Плешановых, Максим Михайлович, начал свою предпринимательскую деятельность с небольшой салотопенной мастерской в Ярославской губернии, а к середине XIX в. он возглавлял крупнейшую оптовую торговую фирму, которая вела торговые операции не только на территории Российской империи, но и за границей. М.М. Плешанов в 1843 г. построил за рекой Самарой два салотопенных завода и помещение для рабочих. А в 1850-х гг. он открыл еще два завода с применением паровых двигателей. Там же строили салотопенные заводы и другие купцы. Продукция салотопенного завода, построенного Н.И. Шихобаловым и сдача в аренду некоторых его помещений приносили владельцу в 1850-60-х гг. достаточно высокие доходы – более тысячи рублей серебром в год.

К середине XIX в. в Самаре сложились все известные формы торговли: ярмарочная, развозно-разносная, базарная и стационарная. Торговые обороты на территории будущей Самарской губернии достигали 10 млн. рублей серебром. Торговые операции велись на более 200 базарах и ярмарках. Наиболее известными были Самарская ярмарка, Воздвиженская ярмарка в Бугульме, ярмарки в Белебее, Бузулуке. За счет скототорговли и солеперевозок резко возросло значение как торгового центра Покровской слободы. Многие пригородные самарские села, богатели за счет перепродажи зерна, содержания постоянных дворов, хранения зерна в амбарах.

К купеческому сословию можно было причисляться путем приобретения гильдейского свидетельства с обязательной уплатой

повинностей по прежнему состоянию. В третью гильдию входили выходцы из казенных крестьян, вольноотпущенники, цеховые, однодворцы. Они постоянно балансировали между опасностью не возобновить свидетельство в срок и перейти в мещанство. В начале 1850-х гг. в Самаре насчитывалось 8 купцов второй гильдии, 327 купцов третьей гильдии²⁵⁶. В 1862 г. в Самаре объявили свои капиталы 256 купцов, из них в первую гильдию входили лишь двое. Законодательное упразднение 3-й гильдии в 1863 г. и отмена пошлины с объявленного капитала обусловили рост числа купцов.

В 1871 г. в Самаре насчитывалось уже 659 купцов, из них 33 – первой гильдии и почетных граждан. В 1-ю гильдию со званием потомственного почетного гражданина входили члены семьи Шихобаловых, а также А.М. Горбунов. В состав 1-ой гильдии вошли В.Е. Буреев с сыном, Ф.В. Воцакин с сыновьями, И.Д. Волков, Д.Е. Растрепин и И.Д. Растрепин, С.У. Субботин с сыном и внуком, М.И. Назаров с двумя сыновьями, Ф.Е. Богомоллов, Н.Ф. Дунаев, И.А. Бахарев с сыном, С.В. Ободовский, Е.Н. Аннаев с сыном, С.Л. Аржанов с двумя сыновьями.

2-я гильдия была более многочисленна и включала, по данным 1874 г., 626 купцов вместе с членами их семейств. О численности купеческого сословия можно составить представление лишь на основании данных свидетельств на занятия торговлей, полученных в тот или иной временной период, что не позволяет привести точные статистические сведения. Достаточно сложно определить и территориальную принадлежность того или иного купца, так как она учитывалась по месту приобретения гильдейского свидетельства. Выплата ежегодного гильдейского сбора обходилась предпринимателям в крупную сумму. Например, самарский купец первой гильдии С.И. Аржанов с членами семьи заплатил за причисление в самарское купечество в 1891 г. сбор в размере 418 рублей 45 коп. Из них гильдейская пошлина составляла 265 рублей, а остальная сумма включала сборы за билеты на лавку, государственные земские повинности, губернский и уездный сборы, а также сборы за билеты о принадлежности к купеческому званию в размере 10 рублей (для каждого члена купеческой семьи старше 17 лет)²⁵⁷.

²⁵⁶ Клейн Н.Л. Предпринимательство и предприниматели в России. Исторические очерки. Самара: СамВен, 1992. С.104.

²⁵⁷ ЦГАСО. Ф. 153. Оп.36. Д.768. Л.5.

В пореформенный период резко возрос процесс транзита капитала между городами. Заметное влияние приобретали такие явления, как уход из купеческого сословия в связи с «получением статуса потомственного почетного гражданства», получением образования и продвижением по карьерной лестнице. Закон о Государственном промысловом налоге, принятый в 1898 г., повлиял на численность и социально-правовой статус купечества. Часть крупных предпринимателей вышла из сословия, а его численность сократилась фактически в два раза. Сказалось и то, что приобретение корпоративных документов стало делом добровольным. Появились «неторгующие» купцы, пользовавшиеся сословными правами, но не занимавшихся никакой предпринимательской деятельностью. На сокращение численности гильдейского купечества отразилось и распространение торговых домов, товариществ и акционерных обществ, так как купеческое свидетельство выбиралось только на имя главы фирмы.

Численность купечества на рубеже XIX–XX вв. была сравнительно небольшой и не превышала 0,2–0,3% от населения Самарской губернии. Согласно подсчетам К.М. Макитрина, в 1902 г. в Самаре насчитывалось 1076 купцов обоего пола. К 1916 г. число представителей сословия сократилось до 607 человек. В Самарской губернии преобладало купечество второй гильдии. Численность купцов 1-й гильдии в 1895–1916 гг. была стабильной и колебалась от 17 до 23 человек, что составляло в разные годы от 10% до 18% от всего численного состава сословия. В 1899 г. в составе купцов первой гильдии произошли изменения: в нее вошли 5 новых членов, в том числе А.И.-М. фон Вакано²⁵⁸. До 1909 г. в сословие вступало ежегодно в среднем по 18 человек, а в 1910–1916 гг. – примерно по 7 человек. Женщины, состоявшие в гильдейском купечестве, были купеческими вдовами, выбиравшими купеческие свидетельства для себя и своего семейства. Во второй гильдии их количество колебалось от 8 до 16 человек, в составе 1-й гильдии – от 1 до 3 человек. Купеческая молодежь зачастую не желала продолжать семейное дело, что обусловило рост числа купцов старших возрастных групп. По конфессиональному признаку преобладали купцы православного вероисповедания. Однако в

²⁵⁸ Самарское купечество: вехи истории. С.40-57.

составе сословия в начале XX в. были представители одиннадцати религиозных конфессий: старообрядцы, единоверцы, духовные христиане, последователи тайного священства, «австрийской секты», молокане, иудейского вероисповедания, магометане, католики, лютеране, приверженцы англиканской церкви. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в составе купеческого сословия Самары преобладали русские купцы, удельный вес немецких купцов составлял – 3,97%, купцов-иудеев – 5,96%²⁵⁹.

Типичной формой предпринимательского бизнеса была субаренда земельного фонда. Еще в 1830-х гг. купечество арендовало казенные земли из расчета 3 коп. за дес. ежегодно, а затем пересдавало их гораздо дороже в субаренду крестьянам – по 20-30 коп. за десятину. С введением в 1860 г. системы конкурентных торгов казенных земель в долгосрочную аренду, крупное купечество фактически стало монопольным долгосрочным арендатором целинных земель, которые затем сдавались ими в краткосрочную субаренду общинам и отдельным крестьянам. В пореформенный период самарское купечество проявило экстраординарную активность в покупке земель у государства, казны и разорившихся дворян. Особенно активно купцы скупали залежные земли в Бугурусланском, Бузулукском и Николаевском, Новоузенском уездах. За 1860-е гг. около 700 тыс. десятин сосредоточилось в их руках, три четверти из них у восьми семей: Мальцевых, Шихобаловых, Курлиных, Аржановых, Корепановых, Плешановых, Ковригиных и Сапожниковых. В пореформенный период размеры землевладения купцов удвоились. В 1877 г. им принадлежало 261 имение общей площадью 658 466 десятин, а в 1905 г. – 527 имений площадью 1 212 430 дес.²⁶⁰ Купцы Аржановы приобрели в разное время 154,6 тыс. десятин, Шихобаловы – 162,8 тыс. десятин.

До конца 1870-х гг. для «чумазных лендлордов» были характерны однотипные способы ведения хозяйства и эксплуатации земли. На юге губернии купцы занимались спекуляцией землей, а на

²⁵⁹ Макитрин К.М. Купеческая семья города Самары в конце XIX – начале XX в. (демографический аспект) // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т.15. №1. С. 49-52.

²⁶⁰ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. Вып.28. С.12.

севере – вырубкой леса. Залежные земли зачастую использовали как сезонные пастбища для купленного на перепродажу скота. Другим способом спекулятивного землепользования было экстенсивное земледельческое хозяйство, где купца интересовала прежде всего прибыль от урожая. Для работы нанимали артели батраков, которые засевали огромные площади, а осенью собирали урожай. На рубеже 1870–1880-х гг. многие купцы стали переходить к организации высокорентабельного производства с чередованием посевов, многопольными севооборотами, использованием научных достижений и технических новшеств.

Во второй половине XIX – начале XX вв. успешно развивался аграрный сектор экономики Самарской губернии, что определялось различными факторами. Выгодное географическое положение, почвенно-климатические условия, наличие естественной водной артерии Волги и транспортной железнодорожной инфраструктуры. Наличие сырьевых ресурсов позволяло предпринимателям заниматься разнообразной экономической деятельностью. По мнению П.В. Алабина, благоприятное развитие хлебной промышленности в Самарской губернии было связано с «естественным положением Самарского края и ему соседних», что обеспечивало возможность «разводить в нем хлеба различных качеств, начиная от черных и серых, до высших сортов красного»²⁶¹.

На динамичное развитие перерабатывающей промышленности и торговли Самарской губернии позитивное воздействие оказывали транспортная и финансовая инфраструктуры. Зерновое производство стало ведущей отраслью хозяйства в губернии и важной сферой приложения капиталов, как местных, так и иногородних предпринимателей. Железная дорога повысила статус Самары как крупного торгового центра и перевалочного пункта. Новые явления в экономической жизни способствовали тому, что Самарская губерния стала крупнейшей житницей Европейской России, известной своим хлебом не только в России, но и за ее пределами, поставщиком пшеницы высших сортов на внутренний рынок страны и на экспорт. Самарский хлеб по Волге отправлялся в нечерноземные губернии, далее в Петербург и за границу. Ржаную муку и

²⁶¹ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (Историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 334-335.

овес поставляли на восток в Оренбургскую губернию; рожь, просо, гречу – на Каму.

Первое место среди судовладельцев в Поволжье занимали братья Константиновы, которые имели 6 расшив. Они открыли транспортные конторы в Оренбурге, Уральске и Самаре, куда купцы доставляли товары, а оттуда везли хлеб. В 1858 г. они приобрели первый пароход «Четыре брата», а в 1860 г. еще два – «Манифест» и «Оренбург». Новая транспортная инфраструктура позволила им расширить географию предпринимательской деятельности. Доставка хлеба на пароходах сокращала транспортные и временные издержки. На протяжении почти тридцати лет братья Константиновы были монополистами в перевозке зерна водным транспортом. Только в 1878 г. они заготовили и перевезли в навигацию 48 000 пудов зерна. Большинство предпринимателей заключали сделки с И.В. Константиновым в его конторе, находившейся на углу Казанской (в наст. время – ул. А. Толстого) и Хлебной площади. Крупные партии пшеницы и ржи отправлялись на пароходах в Петербург, а затем хлеб транспортировался в Англию, Голландию, Данию, Германию, Швецию. В 1881 г. Торговый дом «Братья Константиновы» объявил о «прекращении всех торговых оборотов». На это решение вероятно повлияло то, что развитие железнодорожного транспорта делало не выгодным речные перевозки зерна. К тому же конкуренцию Константиновым составляли нижегородские купцы Башкировы. Емельян Григорьевич Башкиров, начал бизнес приобретя буксир и девять барж в начале 1870-х годов, но уже через десять лет он имел собственный флот – пароходы «Минин», «Нижегородец» и 19 хлебных барж. К началу 1890-х гг. в его фирме насчитывалось 4 парохода, 34 баржи и собственный док для ремонта судов.

В 1884 г. Товарищество механического чугунолитейного завода, в состав которого входили наиболее состоятельные самарские купцы приняло решение осваивать новое перспективное направление деятельности: приступить к ремонту и постройке пароходов. 13 мая 1885 г. был спущен на воду пароход «Первый, построенный в Самаре», а всего «Товариществом» было построено более 40 судов буксирного и пароходного типа. Лучшими из них историк русского флота И.А. Шубин считал пароходы «Николай Башкиров» (1890 г.) и «Павел Орехов» (1895 г.).

На развитие перерабатывающей промышленности оказали влияние углубление зерновой специализации, рост товарности сельского хозяйства и применения наемного труда. Металлообрабатывающие предприятия занимались производством сельскохозяйственных орудий, паровых котлов, ремонтом техники²⁶². В 1879 г. в Самарской губернии насчитывалось 586 заводов и фабрик, в том числе 273 предприятия по обработке животных продуктов (бойни, салотопни, мыловарни, кожевенные, клеевые, суконные, воскобойные, овчинные, шорные), 171 по обработке растительных продуктов (крупчатые, поташные, крахмальные, маслобойные, канатные, пивоваренные, винокуренные, табачные, водочные и мукомольные мельницы), 130 по обработке полезных ископаемых (гончарные, кирпичные, чугунно-литейные, медеплавильные) и 12 предприятий смешанного характера²⁶³. В 1860–1880-х гг. большинство крупных купцов владели предприятиями по переработке животных и растительных продуктов. В начале 1880-х гг. лидирующие позиции стала занимать мукомольная промышленность.

В Самарском крае издавна формировались центры хлебной торговли, широко известные даже за пределами региона. Ассортимент зерна отличался большим разнообразием, но особенно высоко ценился сорт пшеницы «белотурка», из которой получалась мука, не уступавшая по своим качествам американской, голландской и английской. В хлебной торговле участвовали не только крупные предприниматели, но и огромное количество посредников. В 1880-х гг. формируются специализированные хлебные пункты по купле-продаже разных видов зерна. Огромное влияние на хлебный рынок оказало появление на нем новых участников в лице Государственного и коммерческих банков. Развитие сети железнодорожного сообщения, связанное с вводом в эксплуатацию Самаро-Златоустовской железной дороги, реорганизация системы продовольственных магазинов позволила объединить продажу зерна и хлебной продукции с его хранением, транспортировкой и мукомольным производством, что способствовало монополизации хлебной торговли и концентрации производства.

²⁶² Клейн Н.Л. Государство и частное предпринимательство в капиталистической России. Опыт Поволжья // Экономическая история России на рубеже XIX–XX веков: современный взгляд. М., 2000. С. 366–367.

²⁶³ ЦГАСО.Ф.3. Оп.165. Д.76. Л.65–66.

Первопроходцами в объединении хлебной торговли с производством муки стали представители крупного самарского купечества. Близость к районам производства зерна, отличное качество заволжской твердой пшеницы «белотурки», из которой получались высокие сорта муки, в том числе крупчатка, установившиеся торговые связи и традиции скупки зерна давали им конкурентные преимущества. Начало «индустриализации» перерабатывающей отрасли Самарской губернии в 1880-х гг. связано с появлением паровых мукомольных мельниц. Первую, перерабатывавшую до 18 тыс. пудов в сутки, построил П.С. Субботин. Его примеру последовали и другие хлебопромышленники. Всего же в Самаре было построено 10 мельниц, которые перерабатывали 10 млн. пудов зерна в год, в результате чего Самарская губерния превратилась в крупный центр мукомольного производства.

Крупные мукомолы Самары стремились заключать сделки напрямую с производителями высших сортов зерна. Они либо ездили сами по рынкам, либо посылали своих приказчиков. К мукомольному делу удачно или неудачно приобшились многие хлебопромышленники. Так, субботинскую мельницу сначала купил Аржанов, потом Ф.Ф. Красиков, за ним А.М. Эрландер, а еще позднее – товарищество Шахова и Попенова. В Засамарской слободе мельницу Светлова в 1889 г. купило Товарищество паровой мельницы в Самаре, в которое входили П.С. Субботин, А.Н. и М.Н. Шихобаловы, Г.И. Курлин. Построенная Е.Н. Шихобаловым в 1883 г. мельница дольше других оставалась семейной собственностью и по наследству перешла к внукам.

Мукомольным делом занималось несколько поколений Журавлевых, а также А.Н. Шадрин, А.Г. Курлин, братья Ромашевы, Стройковы-Якимовы, Боберман. Соколовыми была построена крупная паровая мукомольная мельница в Самаре, находившаяся на Хлебной площади. На ней установили два двигателя: один паровой и один электрический, совокупная мощность которых была равна 680 лошадиным силам. На мельнице работало 140 рабочих. Годовой перемол составлял 3,5 миллиона пудов зерна²⁶⁴. Архитектурный ансамбль мельницы был вписан в четырехуголь-

²⁶⁴ Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития / под ред. Г.А. Николаева. Чебоксары, 1998. С. 144.

ник, на одной стороне которого находилась мучная лавка, а на другой – железнодорожная ветка. Так как сравнительно недалеко, на стрелке рек Самара и Волга находился склад нефтяной компании Нобеля, мельница была обеспечена горючим для производственных работ. В с. Сорочинском Бузулукского уезда Соколовыми была построена усовершенствованная пароводяная крупчатая мельница, которая работала на двух паровых и двух водяных двигателях общей мощностью в 300 лошадиных сил. Обслуживали ее 160 рабочих. Перемол пшеницы на этой мельнице составлял порядка 2 500 000 пудов в год²⁶⁵. Товарищество также занималось продажей зерна и отрубей²⁶⁶.

7 июня 1885 г. Самарская городская управа довела до сведения гласных думы, что Министерство внутренних дел посоветовало им не чинить препятствий нижегородскому Торговому дому «Емельян Башкиров с сыновьями». В Самаре они имели в собственности участок земли на Преображенской улице (Водников). Торговый дом задумал возвести на нем крупную паровую мельницу, запросил разрешения у городской Думы, но получил отказ. Торговый дом заручился поддержкой правительственных кругов. Гласных городской Думы это явно не смутило. Против строительства в этой части города мельницы высказались Я.Д. Слободчиков, П.С. Субботин, Я.Г. Буслаев, И.Л. Санин. Они считали, что возведение мельницы рядом с хлебными амбарами, складами щепного товара небезопасно в пожарном отношении. Кроме того, по их мнению, шум работающей мельницы, скопление десятков подвод с зерном могли доставить неудобства жителям не только Преображенской, но и соседних улиц. Но нашлись в думе и сторонники данной инициативы. Городская управа полагала, что вступать в полемику с МВД не имеет смысла и Самарская городская Дума дала согласие на строительство паровой мельницы нижегородского Торгового дома «Емельян Башкиров с сыновьями» на Преображенской улице. Так в Самаре обосновалась семья Николая Емельяновича Башкирова, ставшего самарским купцом 1 гильдии. Хлеботорговец Башкиров по сути владел целым поселком на берегу Волги.

²⁶⁵ Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914. № 2059.

²⁶⁶ ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 3. Д. 1081. Лл. 5-5об., Л. 6.

В этот мукомольный концерн входили дома-общежития для рабочих, особняк хозяина, складские помещения и, конечно же, огромный мукомольный комбинат, который занялся производством муки в 1889 г. Мельница Башкирова была автоматизирована, оснащена электрооборудованием. Рабочие трудились в три смены. Ежегодно предприятие давало свыше шести миллионов пудов размола. На потребительский рынок Торговый дом «Н.Е. Башкиров с сыновьями» поставлял десять сортов пшеничной муки и шесть – ржаной. Поставкой оборудования и его монтажом занималась фирма «А. Эрлангер и К°». Руководили предприятием сыновья Башкирова. А сам мукомольный магнат вел успешную биржевую игру, получая дивиденды от купли-продажи зерна. Эти операции порой исчислялись миллионами рублей, а зерна – тысячами тонн. В 1901 г. доля мукомолья в стоимости промышленной продукции Самарской губернии превысила 56%, а в 1913 г. составила 63,3%²⁶⁷. Хозяйственная конъюнктура резко изменилась в связи с неурожаями в 1906–1907 гг. Вследствие этого сократилось количество товарного зерна, упал спрос на него, выросли цены на нефть, усилилась конкуренция между поволжскими мукомолами из разных городов из-за заволжской пшеницы. К 1910 г. объявили себя несостоятельными И.И. Шихобалов и Боберман. Прекратили мукомольное дело хлебопромышленники Смирнов и Ромашевы. Сгорела и не была восстановлена мельница Журавлева. В то же время укрепилось положение торговых домов Башкировых и Соколовых, товарищества Неклютиных.

В 1906 г. оборот паровой мукомольной мельницы товарищества Башкировых составил 2,5 миллиона рублей, а в 1907 – 2 миллиона рублей²⁶⁸. После реорганизации товарищество расширило объем и сферы своей деятельности; к 1915 году ему принадлежало 24 заведения, в том числе 6 лавок в Самаре, два склада в Петербурге и один в Рыбинске. Товарищество занималось переработкой зерна, транспортировкой товаров на собственных или арендованных судах, продажей товаров, в том числе и собственного производства.

²⁶⁷ Тагирова Н.Ф. Торгово-экономические связи губерний Поволжья во второй половине XIX века // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: Материалы научной конференции. Чебоксары, 1998. С.81.

²⁶⁸ ЦГАСО. Ф.150. Оп. 4. Д. 527. Л. 86 (об.).

В начале XX в. Государственный банк России, а с 1910 г. и восемь крупнейших российских коммерческих банков (Русский торгово-промышленный, Русский для внешней торговли, Русско-Азиатский и др. стали вести комиссионные операции с хлебом. Они начали играть огромную роль на хлебном рынке Самарского региона. По данным Министерства торговли и промышленности о хлебной торговле в России за 1910 г., Самарская губерния занимала второе место в стране по запасам пшеницы и ржи и была крупнейшим поставщиком зерна на экспорт. На крупных станциях Оренбургской железной дороги, в местах подвоза зерна из населенных пунктов уездов, были сооружены элеваторы. Так в 1912-1913 гг. элеваторы были построены на железнодорожных станциях Неприк, Бугуруслан, Богатое. В 1916 г. был введен в эксплуатацию элеватор в Самаре, сооруженный по инициативе самарских деловых кругов.

Биржевая торговля, получившая особое распространение в России в конце XIX – начале XX вв., ускорила уровень коммуникативных связей между предпринимателями. Биржа занималась поисками партнеров и оформлением сделок, предоставляла возможность вести торговлю в масштабах всей страны. Представительные функции Самарской биржи были закреплены еще в 1867 г.²⁶⁹, но свою работу она так и не начала. Самарское Биржевое Общество было сформировано частным совещанием «господ купцов города Самары» 8 марта 1893 г. под председательством городского головы купца Неклютина. Первоначально ему вменялось упорядочить хлебную торговлю в губернии. В составе Самарского биржевого общества постоянно насчитывалось 200 членов. Биржевой комитет избирался в составе председателя и шести старшин, старшего маклера. Первым самарским председателем был Ф.Г. Углов, далее – А.Г. Курлин (1895–1908), В.И. Ромашев (1908–1911) и В.Н. Башкиров (1911–1917). Членами комитета были избраны: Н.Д. Батюшков, А.Н. Шадрин, Я.И. Гужев²⁷⁰. Главными объектами биржевой торговли были зерновые продукты (пшеница, рожь, овес, ячмень). Услугами самарской биржи пользовались как местные,

²⁶⁹ История предпринимательства в России. / Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. /Под. ред.: В.И. Бовыкин. М.: РОССПЭН, 1999. С. 265.

²⁷⁰ За 20 лет. Юбилейный сборник очерков деятельности Самарского Биржевого Комитета и общества 1893-1913 гг. Самара, 1914. С.15-16.

так и иногородние товарищества и торговые дома. Среди них своей активностью отличались «Каспийское товарищество», Товарищество нефтяного производства Братьев Нобель, Русское общество вывозной торговли, «Мазут», «Луи Дрейфус и К^о»²⁷¹. Самарская биржа активно взаимодействовала с хлебными рынками губернии, из которых первостепенное значение имели хлебные биржи в слободе Покровской (Новоузенский уезд), и Балакове (Николаевский уезд). Еще одной функцией биржи была экспертиза, которая осуществлялась на основе составленных «Правил для производства экспертиз». При самарской бирже в комитете состояли эксперты для определения качества хлебных и других товаров. Для разбора торговых недоразумений и урегулирования споров между предпринимателями при бирже была сформирована Арбитражная комиссия, а для определения конъюнктуры рынка страны в 1913 г. сформирована Котировальная комиссия.

Биржевое общество и комитет оказывали влияние практически на все сферы экономической жизни Самарской губернии, выполняя представительные и организационные функции. Представляя интересы торгово-промышленных кругов, биржа удовлетворяла стремление к самоорганизации деловой элиты с целью воздействия на экономические, общественные и политические процессы в губернии. Биржевое общество и биржевой комитет придали своим членам новый социальный статус. Безусловно, они руководствовались собственными экономическими интересами, но их деятельность отвечала экономическим интересам губернии. Биржевики способствовали развитию транспортных сетей в губернии, уделяя особое внимание обеспечению навигации по Волге и устройству новой бухты на реке Самара, городскому благоустройству.

Промышленность в губернии развивалась медленными темпами, возникновение новых предприятий и видов производства сдерживалось кризисными явлениями в экономике и революционными потрясениями в обществе. В «Списке населенных мест Самарской губернии» за 1910 г. зафиксировано наличие в Самаре 136 фабрик и заводов, 63 ремесленных производств, 10 банков, 6 типографий. В уездных городах фабрик и заводов было гораздо меньше, например, в Бузулуке – 18 фабрик и заводов, в Николаевске – 4 завода, в Бугульме – 30 фабрик и заводов. Среди них преобладали мелкие и

²⁷¹ ЦГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 67.

средние заведения, небольшие маслобойки (изготавливавшие подсолнечное масло), крупорушки, крахмалопаточные, винокуренные, дрожжевые предприятия. В Самаре появились новые виды современных пищевых фабрик: макаронная Кеницера и кондитерская Савинова, которые поставляли продукцию на весь средневожский рынок. К крупным предприятиям относились механический завод Лебедева, Жигулевский пивоваренный завод А. фон Вакано, построенный в 1881 г., Тимашевский и Богатовский сахарорафинадные заводы, чугунолитейный завод Молчанова.

В Самару А.Ф. фон Вакано приехал в начале 1880-х годов. В марте 1880 г. он подал прошение о предоставлении в аренду земельного участка в Самарскую городскую управу и вскоре арендовал за 2201 руб. в год на срок 99 лет участок земли в размере 2000 квадратных сажень с прирезкой к нему 800 квадратных сажень²⁷². Жигулевский пивоваренный завод был построен по новейшим технологиям и был третьим по мощности в Российской империи после завода «Калинкинский» в Санкт-Петербурге и «Трехгорный» в Москве. Завод представлял собой целый промышленный комплекс, куда входили: каменный жилой дом, заводские службы, нефтяные баки, деревянные и каменные помещения для заводских служб, контора, школа и казармы для рабочих. В Самаре А. Вакано открыл хорошо оборудованные пивные, где всегда продавали несколько сортов пива. В 1897 г. на заводе было произведено 708 тыс. ведер пива. Стоимость венского пива за ведро составляла 1 р. 5 копеек, венского столового – 1 р. 40 копеек. Продукция завода хорошо себя зарекомендовала. В 1901 г. имущество компании было оценено в 1,5 млн. руб. Предприятие стремительно развивалось, рос уровень механизации и автоматизации, объемы производства. К 1912 г. завод выпускал 7 сортов пива: «Венское», «Мартовское», «Столовое», «Экспорт», «Жигули», «Баварское» и «Пильзенское»²⁷³. В 1913 г. завод изготовил 2698 тыс. ведер пива²⁷⁴.

²⁷² Казарин В.Н. Пивной король и наследники. Самара, 2001. С. 9.

²⁷³ Боханов А.Н. Торговые дома в России в конце XIX – начале XX века (численность, структура, состав владельцев) // История СССР. 1990. №4. С. 104.

²⁷⁴ Клейн Н.Л. Предприниматели и предпринимательство в России: Исторические очерки. Самара, 1994. С.116, 149, 170.

Увеличение спроса на сельскохозяйственный инвентарь в годы проведения столыпинской аграрной реформы способствовало росту предприятий, производящих сельскохозяйственные машины, механических, чугунолитейных заводов. В 1909 г. в Самарской губернии началось строительство казенных заводов – Самарского трубчатого и Самаро-Сергиевского завода взрывчатых веществ, положивших начало развитию химической промышленности в регионе.

Особенностью экономического развития того периода являлось возникновение комплексного торгово-промышленного предпринимательства. Оно формировалось преимущественно в мукомольной, лесопильной, пивоваренной, винокуренной и других отраслях промышленности. Самарское купечество продолжало расширять сферу своей деятельности, сочетая одновременно производство товаров и торговлю, которая являлась главной сферой приложения капитала торговых домов и товариществ. Только треть из них (15 предприятий) были учреждены с целью производства продукции, а остальные (30 предприятий) занимались куплей-продажей товаров, подрядами и поставками, оказанием услуг. Среди 15 торговых домов и товариществ, занимавшихся производством и продажей продукции, преобладали мукомольные предприятия – 9 (60%)²⁷⁵, хотя торговый дом «Братья Шихобаловы», помимо эксплуатации мельниц, использовал собственные земли «для хлебопашества»²⁷⁶. «Машиностроительный завод братьев Журавлевых и К^о» сооружал различные речные суда, двигатели, машины и запчасти к ним и выполнял разного рода технические и ремонтные работы. Торговый дом «Братья Пиннекер» изготавливал ткань, саратовские сарпинки, «Я. Катик и К^о» выпускал папиросные гильзы, «Шишкин и Корнева» вырабатывали альбумин на заводе при городской скотобойне. «Товарищество искусственных минеральных и газированных вод» объединяло все мелкие предприятия этой отрасли²⁷⁷. Расширение сфер деятельности привело к преобразованию торговых домов и единоличных предприятий в торгово-промышленные товарищества

²⁷⁵ Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1033.

²⁷⁶ ЦГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1033. Л.59.

²⁷⁷ Там же. Л.106, 125, 75, 98, 7.

на паях. Оформление бизнеса в такой организационно-правовой форме способствовало концентрации производства и появлению крупных торгово-промышленных фирм, сосредоточивших в своих руках значительные капиталы и производственные ресурсы. В числе учредителей 29 торговых домов и товариществ, зарегистрированных Самарской городской управой в 1902-1907 гг., насчитывалось 97 человек, среди них 46 иногородних и 2 иностранных подданных. В состав учредителей торговых домов и товариществ входило 30 представителей купеческого сословия, 15 крестьян, 14 потомственных и личных почетных граждан, 5 чиновников и их вдов, один инженер-механик, два аптекарских работника и 4 иногородних поселянина.

Торговые дома и товарищества, занимавшиеся торговлей, специализировались на продаже различных видов продукции – хлеба, одежды и обуви, гастрономических и бакалейных товаров, реализовывали весь возможный ассортимент металлургического производства, принимали к выполнению подряды, в том числе и на работы по сооружению Самаро-Златоустовской железной дороги, занимались поставками. Они продавали посуду, хозяйственные товары, бытовую технику – швейные, чулочные, пишущие машины, велосипеды²⁷⁸.

До 1870 г. решение вопросов, связанных с регулированием численности, сбором пошлин и деятельностью купечества осуществляла городская Дума, затем решение сословных вопросов перешло в ведение самарского купеческого старосты. Купеческий староста и его товарищ были представителями органов сословного самоуправления. Они выбирались ежегодно путем голосования на собрании купеческого общества. Купеческий староста вел сословные купеческие дела; наблюдал за хозяйственными делами купцов; составлял различные отчеты по запросам органов городского управления; а также принимал участие в купеческих делах общероссийского масштаба. В связи с немногочисленностью купцов I гильдии в Самаре избирался один староста для всего купеческого общества. В уездных городах делами купечества заведовали городские и посадские управы, в пригороде Сергиевск – городской староста.

²⁷⁸ Самарское купечество: вехи истории. Самара, 2006. С.124-126.

Деятельность самарского купеческого старосты заключалась в ведении посемейных списков купцов и выдаче разнообразных удостоверений и справок, необходимых для подтверждения социального статуса, поступления детей купцов в учебные заведения, получения вида на жительство, подрядов, вступления в права наследования, заключения браков и т.д. Заседания купеческого общества проходили ежегодно в помещении городской управы. Староста обязан был отчитываться о капитале и имуществе, принадлежащих обществу. Вопросы, обсуждавшиеся на собраниях купеческого общества, особым разнообразием не отличались. В основном рассматривались выборы должностных лиц сословного и городского самоуправления, утверждались после обсуждения отчеты о распоряжении имуществом купеческого общества и сборы с купеческих свидетельств. В собственности купеческого общества находился двухэтажный каменный дом купца Г.С. Новокрещенова, расположенный на углу улиц Заводской и Преображенской. Главным вложением капиталов купеческого общества Самары были процентные бумаги. Купеческий староста также составлял отчеты о состоянии торговли, формулярные списки о службе купцов и различные справки о купцах по запросам различных учреждений²⁷⁹.

В конце XIX – начале XX в. представительство интересов торгово-промышленного класса в России находилось в ведении разнообразных организаций: купеческих управ; комитетов торговли и мануфактур; биржевых обществ; различных отраслевых и территориальных объединений. Самарское купечество сочло необходимым приступить к подготовке профессионалов в торговой и промышленной сферах. Поэтому оно инициировало открытие в Самаре коммерческого училища и торговой школы. Представители биржевого общества помогли торговой школе сформировать библиотеку. Они вошли в состав попечительского совета коммерческого училища, выделяя на его нужды ежегодно 2000 рублей.

30 апреля 1908 г. в Самаре открылся Купеческий банк. Его правление избиралось городской Думой на четырехлетний срок. Первым председателем совета банка стал Л.С. Аржанов, а членами

²⁷⁹ Макитрин К.М. Хозяйственная и финансовая деятельность самарского купеческого старосты на рубеже XIX-XX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. С. 45-49.

совета: И.П. Журавлев, А.М. Мальцев, Н.Н. Рычков, В.М. Сурошников, И.С. Чекмарев, Н.Ф. Иванцов, И.П. Шихобалов²⁸⁰. В сферу деятельности банка входили учет векселей, выдача ссуд под документы на товары, открытие предпринимателям счетов. Купечество активно принимало участие в заседаниях Общего присутствия Казенной Палаты, которые утверждали процент средней прибыльности с предприятий. Приглашение «компетентных и вполне добросовестных лиц из торговцев каждого податного участка» позволяло эффективно решать возникающие экономические вопросы. Лидировали среди них представители мукомольного производства.

Важной формой социальной активности самарского купечества стало участие в работе административных и хозяйственных учреждений губернии. В социальном составе земских собраний Самарской губернии удельный вес купцов составлял около 10% от общего числа гласных в земских учреждениях. Конечно, гласные купцы лоббировали свои торгово-промышленные интересы. Они неоднократно предлагали увеличить сбор в 3% на все недвижимое имущество. В 1901–1916 гг. подобные вопросы ежегодно рассматривались в губернских присутствиях. Купцы-гласные земств оказывали значительную помощь в начислении земского сбора с недвижимых имуществ предпринимательского назначения, проявляли активность в сборе земских статистических сведений.

В конце XIX – начале XX в. самарское купечество активно включалось в хозяйственную и общественную жизнь города. Доля купечества в составе органов городского управления неуклонно увеличивалась и составляла в самарской городской Думе – 51,4%²⁸¹. Купцы-гласные самарской городской Думы и члены городской управы работали в разных комиссиях этих органов, следили за городским благоустройством и занимались изучением хозяйственного потенциала края. Кроме того, они входили в состав учетных и учетно-ссудных комиссий разных банков, раскладочных по промысловому налогу присутствий, являлись уполномоченными или членами правлений банков и кредитных обществ и пр. Традиционно должность городского головы в Самаре занимали купцы, так

²⁸⁰ Отчет Самарского купеческого банка за 1915 год. Восьмой отчет. Самара: Губернская типография, 1916. С. 1.

²⁸¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т.38: Самарская губерния. С.228–229.

как имущественный ценз для избрания на должности членов городских управлений был очень высок, а законодательство предоставляло широкие возможности для демонстрации инициативы в делах решения городских проблем.

Имперская власть в значительной мере опиралась на деньги, знания и профессиональные навыки купцов при ликвидации стихийных бедствий. Важнейшей сферой деятельности городской Думы были социальные мероприятия – забота об устранении дефицита продовольствия, оказания помощи неимущим слоям населения, улучшении санитарных условий в городе. Многие купцы, особенно члены городской Думы и городских управ принимали активное участие в ликвидации различных бедствий, оказывали помощь населению.

Городская управа занималась фактически всеми хозяйственными вопросами городского хозяйства: транспортом, освещением, отоплением, канализацией, образованием, медицинским обслуживанием, регулировала порядок торговли, городского кредита. Как члены городской управы и гласные городских дум представители купечества руководили комиссиями: по благоустройству городов, прокладке и мощению дорог и установке телеграфно-почтовой связи, училищной, канализационной, театральной, технической, врачебно-санитарной. Модернизация инфраструктуры города и формирование городского ландшафта во многом зависели от их социально значимых инициатив.

Значительную роль в деятельности органов местного управления сыграли неординарные личности, которые занимали в этот период должности городского головы. Городской голова в 1871–1873 гг., купец I гильдии Василий Ефимович Буреев занимался торговлей, сельскохозяйственным и промышленным производством, предоставлением недвижимости в аренду. В 1852 г. Василий Ефимович был директором Самарского губернского попечительного о тюрьмах комитета, одновременно он в 1852–1859 гг. исполнял в комитете также обязанности казначея²⁸².

²⁸² Черкасова М.В., Фролова К.В. Деятельность городского головы Самары В.Е.Буреева // Городская культура и город в культуре. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 21-22 мая 2012 г. Самара, 2012. Ч. I. С. 275-284.

Купец 1-й гильдии Михаил Николаевич Назаров исполнял обязанности городского головы в 1873–74 гг. Он был одним из тех, кто инициировал создание «Комитета об оказании помощи голодающим Самарской губернии» при губернском правлении (1873–1874, 1880 гг.), который занимался определением норм пособий и распределением их среди голодающих, устройством ночлежных приютов и организацией бесплатных обедов. Для тех, кто приезжал в Самару в поисках заработка и средств к существованию были организованы работы по обустройству набережной и улиц города. Их обеспечивали ночлегом и бесплатным питанием²⁸³.

Выпускник юридического факультета Казанского университета Ефим Тимофеевич Кожевников исполнял должность городского головы два срока с 1875 по 1881 гг. В это время в Самаре были открыты среднее техническое железнодорожное училище и реальное училище. Кожевников принимал деятельное участие в организации сбора средств для восставшего болгарского народа, возглавил делегацию, которая 6 мая 1878 г. вручила в г. Плоешти Самарское знамя болгарским ополченцам²⁸⁴.

В 1883 г. на должность городского головы был избран купец I гильдии, мукомол и хлеботорговец Петр Семенович Субботин. Ему принадлежали пять буксирных пароходов для перевозки хлеба, он являлся совладельцем механического завода Бенке и К°, а также компаньоном в «Товариществе Жигулевского пивоваренного завода А. фон Вакано». Занимая должность городского головы, он сумел добиться разрешения правительства провести облигационный заем с тем, чтобы привлечь финансовые средства на строительство водопровода²⁸⁵. Сооружение водопровода началось в августе 1885 г., когда городским головой был уже П.В. Алабин. За два неполных года пребывания П.С. Субботина в должности городского головы Дума не раз выделяла деньги на нужды публичной библиотеки и создание зала императора Александра II.

Самарский купец I гильдии Николай Гаврилович Неклютин – купеческий староста (1880–1883 гг.), с 1875 по 1891 гг. избирал-

²⁸³ Казарин В.Н. Возрожденные имена. Самара: Книга, 2004. С. 47.

²⁸⁴ Энциклопедия Самарской области. Т. 3: К – М. Самара, 2011. С. 117–118.

²⁸⁵ Субботин Петр Семенович // Энциклопедия Самарской области. Т. 5: С. Самара, 2012. С. 318.

ся гласным самарской городской думы, входил в состав управы, а 8 февраля 1891 г. стал городским головой. Его избрание было своего рода благодарностью самарского общества за помощь купечества в борьбе с голодом 1891 г.²⁸⁶ При содействии Н.Г. Неклютина в Самаре началось мощение улиц булыжным камнем, появилась набережная у пивоваренного завода, завершилось строительство кафедрального собора. При нем в Думе были приняты решения о строительстве в Самаре городской электростанции и тротуаров, организации освещения городских улиц²⁸⁷.

В 1898 г. особая правительственная комиссия признала город Самару находящимся в безнадежно антисанитарном состоянии. Об этом свидетельствовал высокий процент смертности населения и сложная эпидемиологическая обстановка в городе. Вопрос об устройстве канализации в Самаре стал обсуждаться в городской Думе в 1895 г. Но дальше разговоров дело не шло. Ситуация изменилась в 1905 г., когда владелец пивоваренного завода А.Ф. фон Вакано был избран гласным самарской городской Думы. В 1906 г. он предложил Думе 15 тысяч рублей на составление проекта канализации, который был заказан немецкому инженеру из Франкфурта-на-Майне В.Г. Линдлею. 25 февраля 1909 г. Дума приняла этот проект в полном объеме. В середине 1909 г. началось строительство пробной канализационной линии (около 4,2 км), которая была сооружена к октябрю 1909 г. В марте 1911 г. при самарской городской управе был учрежден канализационный отдел. В 1912 г. началось строительство основной канализационной сети Самары, которое не прекращалось даже в годы Первой мировой войны. К 1918 г. в Самаре было построено 35,4 километра канализационной сети. Волжский и Самарский коллекторы строились из кирпича, с глубиной залегания до 18-22 метров, и представляли собой подземные ходы шириной до метра и высотой около 1,75 метра.

Предприниматель Михаил Дмитриевич Челышов, крестьянин по происхождению, с 1892 г. и до своей кончины в 1915 г. был глас-

²⁸⁶ Рогач Ю.А. Городской голова – Николай Гаврилович Неклютин // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: Сб. статей и материалов III Международной научно-практической конференции. Самара, 2003. С.69.

²⁸⁷ Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М., 1912. С.233.

ным Самарской городской думы. В 1907 г. он был избран членом III Государственной Думы от Самарской губернии (1907–1912). С 17 ноября 1909 г. по 18 августа 1912 г. он занимал должность Самарского городского головы. За короткий срок городской бюджет при нем был увеличен в десять раз. Он пытался издавать газету «Самарский край», был членом Самарского общества народных университетов. Ходатайствовал перед правительством об открытии в Самаре политехникума, ратовал об установлении правил по выделению ссуд для города, постройке постоянного моста через р. Самару, об утверждении проекта канализации. При его участии были составлены проекты переустройства Запанского поселка (ныне – поселок Шмидта), проекты школьных зданий и переустройства городского театра, реорганизована оптовая закупка лекарств, выделено место для возведения первого в Самаре элеватора²⁸⁸. Являясь городским головой, он предоставил журналистам право присутствовать на любых совещаниях и знакомиться с любыми документами, ввел контроль за расходом воды и электроэнергии, ходатайствовал об обязательной выдаче пособий родившимся и обеспечении государством старости каждому гражданину²⁸⁹.

М.Д. Челышов был рьяным поборником трезвости. Еще в 1902 г. на заседании самарской городской Думы он потребовал запретить в черте города продажу спиртных напитков. В том же году занялся организацией детских учреждений, отвращающих подростков от употребления спиртных напитков. Он добивался того, чтобы предприниматели не продавали спиртные напитки под заклад вещей, на станциях, в выходные и праздничные дни, а также больше одной бутылки одному человеку²⁹⁰. Он неоднократно выступал с трибуны Государственной Думы с яркими речами, в которых говорил о вреде пьянства, входил в состав думской противоалкогольной комиссии. С началом Первой мировой войны М.Д. Челышов вместе со своими сторонниками в городской Думе добился постановле-

²⁸⁸ Мартеновская А. «Господи, благослови!» // Самарская газета. 2003. 29 октября.

²⁸⁹ Оспенникова А. Змееборец и домостроитель // Молния. 2005. 30 сентября.

²⁹⁰ Шерешевский Г.М. Очерки истории противоалкогольного движения в дореволюционной Самаре // Самарский краевед. Куйбышев, 1990. С. 75–79.

ния о запрете торговли спиртными напитками в Самаре, а затем и разрешения на это министерства внутренних дел России. Наконец, именно по инициативе самарской городской Думы и в первую очередь М.Д. Чельшова с 1 января 1915 г. в России был введен «сухой закон».

Длительное время – с 1897 по 1906 и с 1909 по 1914 гг. гласным городской Думы избирался предприниматель Сергей Ефремович Пермяков. Он входил практически во все думские комитеты и комиссии, был членом комиссии по строительству городского водопровода, много внимания уделял озеленению города, благоустройству городской набережной²⁹¹. Будучи самарским городским головой с 8 марта 1914 г. по 24 ноября 1916 г. Пермяков организовывал помощь беженцам, семьям погибших воинов, занимался организацией транспортировки раненых и их лечением. Тогда же на долю Пермякова выпала тяжелая работа по строительству железной дороги Самара-Уральск-Каспий и Самара-Симбирск, и по организации помощи больным и раненым воинам в Первую мировую войну.

Общенациональной благотворительной традицией купечества являлось пожертвование на храмовое строительство и благоустройство церквей. Семейный клан Шихобаловых организовал строительство в 30-х гг. XIX в. на Сенной площади храма во имя Святой Живоначальной Троицы. В 1866 г., после сообщения о покушении на жизнь императора Александра II, Антон и Емельян Шихобаловы предложили построить в Самаре кафедральный собор в честь «чудесного» избавления государя. Был создан попечительский комитет по его строительству, в который, кроме них, вошли Я.Г. Соколов, Г.И. Курлин, И.М. Плешанов и другие. Был начат сбор денег на строительство. Кафедральный собор строился с 1869 г. При посещении Самары в 1871 г. император Александр II с сыновьями положили камень в стену строящегося собора. Для собора были выполнены уникальные интерьеры, приобретена ценная церковная утварь, позолочено 40 крестов, проведено электроосвещение. Когда в 1893 г. возникли серьезные проблемы с финансированием окончательной отделки собора, городской голова Н.Г. Неклютин открыл подписку между «выдающимися в здешнем

²⁹¹ Колядина А.М. Самарский городской голова Сергей Ефремович Пермяков // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 173–188.

торговом мире лицами», в результате которой был собран 1 миллион рублей²⁹². Собор был освящен в 1894 г., действовал до 1928 г. В 1930 г. собор был закрыт, проекты перестройки здания в дворец культуры были отвергнуты, после чего началась разборка храма, в том числе с помощью взрывов, на стройматериалы. К середине 1932 г. собор был уничтожен.

В 1886 г. А.Н. Шихобалов возглавил попечительский комитет по строительству Ильинской церкви, заложенной 20 июля 1886 г. Принимал он участие и в сооружении Всесвятской церкви. Купец Г.И. Курлин пожертвовал значительную сумму денег на строительство Ильинской церкви, часовни при Успенском храме. В июле 1858 г. Е.Н. Аннаев подал губернатору прошение о разрешении постройки за его счет каменной римско-католической церкви. Польское восстание 1863 г. сделало невозможным открытие католического храма в Самаре, и Егор Никитич подарил почти построенное здание евангелическо-лютеранскому совету, который закончил строительство и отделку²⁹³. В 1908-1909 гг. купцы Я.Г. и И.Я. Соколовы построили на своей земле богадельню для стариков и пожертвовали ее городу.

Общественная деятельность купечества тесно была связана с его благотворительной деятельностью, которая понималась как проявление особой системы моральных ценностей, основанной на христианской этике. Если в середине XIX в. традиционный путь покаяния и общественного служения заключался преимущественно в строительстве храма или богадельни, то в конце XIX в. благотворители открывают библиотеки и художественные галереи, собирают коллекции произведений искусства, строят больницы и помогают учебным заведениям.

До настоящего времени в Самаре сохранился такой памятник историко-культурного наследия как основанная И.В. Константиновым богадельня, в здании которой в настоящее время функционирует Самарский государственный колледж (Самара, ул. Спортивная, 11/Красноармейская 104). Именно за этот дар городу И.В. Константинов стал первым представителем купечества, ко-

²⁹² Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М., 1912. С.233.

²⁹³ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С.129-131.

торый был удостоен звания почетного гражданина города Самары. Богадельня, оборудованная мебелью и снабженная постельными принадлежностями и посудой, была открыта 10 марта 1872 г. Число обитателей богадельни в разное время колебалось от 50 до 150 человек. В докладе городской управы за 1880 г. упоминается, что в богадельне Константинова проживало 63 человека. Расход на каждого составлял 29 рублей. Такая сумма была обусловлена тем, что «Иван Васильевич Константинов множество расходов производит из собственных средств...помимо процентов с пожертвованного капитала»²⁹⁴.

Социальную помощь нуждающимся оказывали и другие самарские купцы. Так И.Л. Санин вошел в историю Самарской губернии как предприниматель, открывший в Самаре на свои деньги не одну бесплатную столовую для нищих. Благодаря нетривиальным действиям И.М. Плешанова в 1869 г. был открыт Алексеевский детский приют для мальчиков-сирот. Решение о его создании было принято еще в 1851 г., средства собирались по подписке, но финансовые проблемы затрудняли его сооружение. Летом 1868 г. будущий император Александр III пожертвовал на постройку здания для приюта 3000 руб. И.М. Плешанов решил ускорить процесс сбора финансовых средства. Как почетный староста приюта, он передал дом, стоимостью 2000 руб. и ценные вещи для розыгрыша в лотерею. В результате удалось собрать 18 000 руб., что позволило построить к 1871 г. для приюта собственный дом. Постоянно в приюте находилось 12 сирот, а днем его посещали еще 8 человек. И.М. Плешанов пожертвовал два дома с садом для устройства Александровской богадельни, в которой жили 30 неимущих престарелых человек. В 1899 г. И.М. Плешанов передал городу принадлежавшее ему усадебное место на пересечении улиц Ново-Соборной и Хлебной (в настоящее время – Молодогвардейская, 202) под строительство больницы на 50 мест. Торжественная закладка лечебного учреждения состоялась 29 апреля 1902 г., а открытие – 15 июля 1904 г. В состав больничного комплекса входили приемный покой, два зала дневного пребывания, круглосуточные палаты вместимостью от 3 до 8 человек, амбулатория, аптека, буфет и комнаты для медицинского персонала. Во дворе были построе-

²⁹⁴ Доклад Самарской городской управы Городской думе декабря дня 1881 года с отчетными ведомостями за 1880 г. Самара:тип. Сербулова Г.В., 1882. С. 22.

ны прачечная, сушильня и баня. Комфорт в палатах обеспечивали приточно-вытяжная вентиляция, канализация и водяное отопление с возможностью регулирования температуры. Принимали пациентов без сословных различий шесть врачей и средний медперсонал. Для оплаты лечения малоимущих Иван Михайлович открыл в городском банке «вечный» вклад на сумму 120 тысяч рублей, проценты с которого перечислялись больнице. В годы русско-японской войны больница функционировала как лазарет Общества Красного Креста, а затем в марте 1907 г. вновь была передана городу в качестве инфекционной (в настоящее время – поликлиника №3)²⁹⁵.

А.Н. Шихобалов в ноябре 1893 г. основал богадельню и странно-приютный дом, в 1894 г. – подарил каменный дом Самарскому Дому Труда. В 1907–1908 гг. он пожертвовал более 200 тыс. руб. на строительство городской больницы на 50 коек. Она была оборудована новейшими медицинскими аппаратами – рентгеновским кабинетом, кабинетами водолечения и электролечения, операционной. При больнице была собственная электростанция. Только за первый год существования больницы из 505 больных бесплатным лечением воспользовались 317 человек²⁹⁶. Эта больница долгое время работала для жителей г. Самары как Областной онкологический диспансер (ул. Ленинская).

10 мая 1863 г. купец Е.Н. Аннаев открыл на Вислом Камне кумысолечебницу, которая стала широко известна под именем Аннаевской дачи, где лечились и отдыхали известные люди²⁹⁷. В начале XX в. в Самаре и Ставрополе стали открывать санатории и другие меценаты, в том числе А.И. Чембулатов, А.И. Курлин, В.И. Чарыков, П.М. Журавлев, В.Н. Климушин. Купец первой гильдии Павел Михайлович Журавлев бесплатно принимал в кумысолечебнице на своей даче в 10 верстах от Самары бедных людей. Купец Л.С. Аржанов построил здание инфекционной больницы, которое сохранилось до настоящего времени (угол улиц Л.Толстого и Никитинской).

²⁹⁵ Поддубная Р.П. Почетные граждане города Самары 1863-1913. Самара: Офорт, 2014. С.65-69.

²⁹⁶ Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1912. С.140-164.

²⁹⁷ Фомичева Н.П. Самарский купец Егор Никитич Аннаев//Самарский край в контексте российской истории. Сб. статей. Самара, 2001. С.71-73.

Благодаря частной и общественной благотворительности предпринимателей и, прежде всего, почетных граждан в Самаре в конце XIX–начале XX вв. стала формироваться сеть социальных приютов, богаделен, больниц, сотрудники которых оказывали реальную медицинскую помощь беднейшим слоям населения.

Купечество принимало участие и в развитии образования. Я.Г. Соколов, гласный городской думы с 1875 г., входил в состав попечительного комитета по строительству Самарского низшего ремесленного училища имени Д.В. Кириллова, открытого 23 ноября 1896 г. Это было благотворительное заведение, срок обучения в котором составлял четыре года. Не отставал от отца и его сын. И.Я. Соколов являлся одним из попечителей Петропавловской школы, был членом попечительского совета Самарского коммерческого училища, почетным блюстителем Самарской духовной семинарии²⁹⁸. П.С. Субботин выделял благотворительные средства Самарскому епархиальному женскому училищу, техническому железнодорожному училищу, реальному училищу²⁹⁹. Долгие годы он с женой занимался оснащением лабораторий и учебных кабинетов реального училища, мотивируя это тем, что он нравственно обязан отблагодарить училище, которое окончили его сыновья.

При строительстве Трубочного завода Л.С. Аржанов передал свою дачу с садом, двухэтажным домом и другими строениями под устройство школы, библиотеки-читальни, столовой и детских площадок для рабочих и их семей. В 1904 г. под новое трехклассное городское училище Я.Г. Соколов передал городу один из своих домов.

Среди самарских купцов было много коллекционеров: братья Шихобаловы, А. фон Вакано, К.П. Головкин. Коллекция русского искусства Самарского художественного музея генетически связана с колоритными личностями самарских купцов. В 1897 г. по иници-

²⁹⁸ Кабытов П.С., Барина Е.П. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

Роль почетных граждан Самары в сохранение социального здоровья жителей Самарской губернии // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность = Health saving in everyday life: history and modernity: материалы международной научной конференции, 4–6 апреля, 2024 г.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. С.264–272.

²⁹⁹ Московский О.В. Петр Субботин: предисловие к биографии // Краеведческие записки. Вып. X. Самара, 2003. С.144–145.

ативе купца и художника К.П. Головкина началось создание музейного собрания русского искусства музея. Он обратился с просьбой к художникам России помочь собрать коллекцию живописи для города. М.В. Нестеров, С.Ю. Жуковский, К.Ф. Юон, В.Н. Бакшеев и другие художники прислали свои работы в подарок самарскому музею³⁰⁰. В 1918 г. купец П.И. Шихобалов передал музею свою коллекцию картин, среди которых были работы И.Е. Репина, В.И. Сурикова, В.Д. Поленова, К.А. Коровина. С начала 1900-х гг. Павел Иванович (1870-1929) и Вера Лаврентьевна Шихобаловы приобретали картины на выставках и в мастерских Петербурга и Москвы, руководствуясь советами живописца и искусствоведа В.В. Гундобина. М.В. Нестеров писал своему другу А.А. Турыгину: «... А бес стал приставать к самарскому купцу-мукомолу, и тот купец не выдержал – купил пейзаж, купил еще много картин в Питере. А приехал в Москву – забрался на Донскую и здесь снова был искушаем и купил у Нестерова “раба божьего” за 3000 рублей и увез его в Самару. Вот оно что, все это на твоём “философическом языке” называется сует, а по-нашему – все это есть “жизнь” и в ней все на потребу и мукомол самарский. Приедет он на Волгу да музей выстроит, да подарит его народу, и скажут мукомолу люди добрые спасибо, и враг будет посрамлен»³⁰¹.

В пореформенный период благотворительность получила широкое развитие, стала важной сферой общественной жизни. Зримые следы активной созидательной деятельности купечества сохранились в Самаре по сегодняшний день – это жилые дома и церкви, водопровод и трамвай, и многое другое. Город и сегодня украшают прекрасные особняки самых разных стилей, построенные лучшими архитекторами для местных купцов. Старожилы Самары называют их по именам прежних владельцев: Курлиной, Аржанова, Смирновых, Неклютиных, Шихобаловых и других. В северных лесистых пригородах Самары на арендованной у города или собственной земле строились загородные виллы: до наших дней сохранились дача Головкина («дом со слонами») и несколько вилл Соколовых (санаторий им. Чкалова).

³⁰⁰ Басс А.А. К истории собрания русского искусства конца XIX – начала XX века в Самаре//От модерна до авангарда. М., 1995. С.16-18.

³⁰¹ Нестеров М.В. Из писем. Л., 1968. С.212-213.

5.3. Самарское земство: во благо местных польз и нужд

Российское земство было создано в ходе реализации земской реформы 1864 г. Как было сформулировано в Именном указе императора Александра II Правительствующему Сенату от 1 января 1864 г., власть приступила к этой реформе, «признав за благо призвать к ближайшему участию в заведывании делами, относящимися до хозяйственных польз и нужд каждой губернии и каждого уезда, местное их население, посредством избираемых от оного лиц»³⁰². Согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.», в круг обязанностей губернских и уездных земств входило содержание путей сообщений, обеспечение народного продовольствия, заведование благотворительными заведениями, страхование имуществ, попечение о развитии местной торговли и промышленности, и, наконец, попечение о народном образовании и о народном здравии³⁰³.

Законодателем были определены только общие задачи земских учреждений, правила их формирования и обязательные повинности. Практическая деятельность земств носила самостоятельный характер и осуществлялась с учетом местных особенностей. Земские учреждения, созданные для обеспечения местных «польз и нужд» в хозяйственно-культурной области, аккумулировали в ходе своего развития общественные усилия для решения многих злободневных проблем российской жизни. Деятельность земств в России была многогранна и имела широкий общественный резонанс.

Великие реформы 60-х гг. XIX в., прежде всего отмена крепостного права, неизмеримо повлияли на все сферы крестьянской жизни, стали отправной точкой для перезапуска, реновации всего жизненного уклада. Неграмотность подавляющего большинства, отсталость аграрных технологий мешали стать крестьянам конкурентоспособными в новых исторических условиях. Без кардинальных изменений жизни народа невозможен был путь модернизации экономики и государства в целом. Распространение грамотности,

³⁰² Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской империи: Эл. библиотека РНБ [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=803®im=3 (дата посещения: 27.09.2024)

³⁰³ Там же.

внедрение новых сельскохозяйственных культур и новых агроприемов, социализация большой крестьянской массы, оказавшейся в городах, организация медицинской и ветеринарной помощи, борьба с эпидемиями, неурожаями и пожарами – как и многое другое, столь же необходимое – стали предметом заботы земских органов самоуправления.

Благодаря земству медицинская помощь населению к концу XIX в. стала регулярной. Открывались медицинские участки, больницы, фельдшерские и акушерские школы, аптеки. Резко сократилась смертность населения. За пятьдесят земских лет Россия прошла путь от почти полного отсутствия школ – к идее всеобщего начального обучения, основанного на единой программе. К 1915 г. около 85% школ России стали земскими.

Конечно, не стоит преувеличивать: так, в 1905 г. в России на 30 тысяч жителей в среднем приходилось по одному земскому врачу и учителю. Однако пропасть между этими цифрами и тем, что было до того, – огромна.

Местное самоуправление, построенное на инициативе населения, без привлечения средств со стороны, шаг за шагом обеспечивая потребности людей, свидетельствовало об устойчивости страны и определенном благополучии. Земская статистика, к примеру, до сих пор остается непревзойденным источником информации о пореформенной России. Земство включало в систему местного самоуправления тысячи людей. На земской службе к 1914 г. состояло 75 тысяч человек³⁰⁴. Это было не архаичное бюрократическое здание, а гибкая самоуправляющаяся структура, обновлявшаяся – через избрание – каждые три года. Ежегодно проходили очередные губернские и уездные собрания, на которых земские гласные утверждали бюджеты земств и решали экономические и социокультурные проблемы. Бюджет земств формировался за счет обложения земли, недвижимости и торгово-промышленных заведений; кроме того, земства имели свои предприятия и сельскохозяйственные станции. Поступали также частные пожертвования граждан, носящие, как правило, целевой характер: на строительство школ и больниц, устройство приютов, выплату именных стипендий.

³⁰⁴ Матвеев М.Н. Драма волжского земства // Новый мир. 1997. №7. С.162.

Особо следует заметить, что народные избранники – земские гласные – не получали заработной платы. Исключение составляли расходы лишь на содержание постоянно действующей управы, состоящей из председателя и нескольких членов, должности которых были выборными. Назначались по конкурсу лишь земские служащие. Расходы на содержание аппарата никогда не занимали первой строчки в статье земских расходов: основные финансовые траты шли на народное образование, здравоохранение и т.д.

Опыт земской деятельности в Самарской губернии уникален, поскольку позволяет изучить процесс соблюдения баланса интересов между различными по экономическому потенциалу уездами, а также потому, что Самарское земство имеет, пожалуй, самый продолжительный период существования – именно здесь 28 февраля (по старому стилю) 1865 г. начало работу первое в России губернское земское собрание. Открывая его, самарский губернатор Николай Мансуров отметил: «Самарская губерния, как и во многих других делах, опередила прочие губернии... Вам выпал славный жребий начать великое дело; все взоры обращены на Самару... я горжусь вместе с вами, что сего числа открываю первое губернское земское собрание в Империи...»³⁰⁵. Здесь же, с учетом возрождения земств в период власти Комитета Членов Учредительного собрания, земства проработали до октября 1918 г. За столь длительный период самарское губернское и уездные земства выработали эффективные способы и методы взаимоприемлемых действий для решения различных социальных и хозяйственных проблем.

Статус «первого» самарское земство подтверждало и своей дальнейшей деятельностью, его активная работа на благо родного края подчеркивалась и современниками. Уже за первые 20 лет своего существования (1865-1885) Самарское земство, по оценке П.В. Алабина, добилось успехов в следующих сферах своей деятельности: борьба с голодом; развитие народного образования; развитие путей сообщения и почты; перевод всех натуральных повинностей на денежные; здравоохранение; выработка организации страхования от огня; борьба с эпизоотиями и саранчой; меры по

³⁰⁵ РГИА. Ф.1284. Оп.90. Д.1; Самарское земство, 1864-1914. Юбилейный доклад-очерк, заслушанный в 49 Очередном губернском земском собрании. Самара, 1914. С.17.

обеспечению крестьянского населения продовольствием. Особой заслугой Самарского земства стало формирование отряда добровольцев и сбор средств на нужды Сербской армии в 1876 г.³⁰⁶

Самарское губернское земство за 53 года своей деятельности внесло огромный вклад в развитие экономического и культурного потенциала Самарской губернии. Фактически, как и всюду по стране, где начали свою благотворную работу земские учреждения, за полвека была создана *система* образования, здравоохранения, социальной помощи, статистики и так далее, заменив прежние разрозненные учреждения, опирающиеся на отдельных благотворителей, церковь, имперские властные структуры.

К сожалению, вплоть до второй половины 50-х годов XX века история Самарского земства фактически не изучалась. Советские историки вслед за В.И. Лениным оценивали земства как «пятое колесо в телеге русского государственного управления»³⁰⁷. Первое диссертационное исследование советского периода по этой проблематике было написано в 1961 г. Н.Л. Клейн (Хайкиной)³⁰⁸. В нем был дан анализ начального этапа деятельности земства, прослежены основные направления его работы, большое внимание уделено изучению социального состава земских учреждений; Н.Л. Клейн стала первооткрывателем земских фондов центральных и поволжских архивов. Н.Л. Клейн обращалась к истории Самарского земства и в дальнейших своих трудах³⁰⁹. Организационно-хозяйственная деятельность Самарского земства нашла отражение в работах историков-аграрников Ю.И. Смыкова, П.С. Кабытова, П.И. Савельева³¹⁰.

³⁰⁶ Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С.135-142.

³⁰⁷ Ленин В.И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 5. М., 1967. С.35.

³⁰⁸ Хайкина Н.Л. Земские учреждения в Самарской губернии в 1864-1881 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1961.

³⁰⁹ Клейн Н.Л. Начало Самарского земства // Самарский земский сборник. Самара, 1994. С. 7-12.

³¹⁰ Смыков Ю.Л. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. (По материалам Поволжья). Самара, 1994; и др.

Новый этап в изучении Самарского земства начался в 90-е годы XX столетия. Начавшееся реформирование системы местного самоуправления в постсоветской России требовало изучения положительного исторического опыта, доказывающего способность общества эффективно строить экономическую и социокультурную жизнь на местах. Одним из поборников возрождения российского земства был русский писатель, Нобелевский лауреат А.И. Солженицын, который в 1995 г. по приглашению губернатора К.А. Титова принял участие в проведении научно-практической конференции по истории российского земства в Самаре³¹¹. Пропаганда земства со стороны всемирно известного писателя не только популяризовала земскую идею в обществе, но и способствовала росту числа научных работ о земстве.

В кандидатских диссертациях Н.А. Арнольдова, Т.В. Коротаевой, А.В. Костюкова рассматривалась деятельность Самарского земства в конце XIX – начале XX в.³¹². Культурно-просветительская деятельность земства нашла отражение в работах О.В. Тургановой, а благотворительная – М.Д. Горячева³¹³. Анализ взаимоотношений земства и власти содержится в кандидатской диссертации М.С. Чиркова³¹⁴. Исследованием сети земских медицинских учреждений занимался В.Ю. Кузьмин³¹⁵. Отдельную страницу в истории

³¹¹ А.И. Солженицын и Самара / под науч. ред. П.С. Кабытова. Самара, 2008.

³¹² Арнольдов Н.А. Самарское земство в конце XIX – начале XX века (80-е гг. XIX – 1904 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990; Коротаева Т.Е. Земства Среднего Поволжья в начале XX века (1900 – февраль 1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1994; Костюков А.В. Социально-экономическая деятельность Самарского земства, 1865–1914 годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003.

³¹³ Турганова О.В. Культурно-просветительная деятельность Самарского земства во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999; Турганова О.В. Культурно-просветительская деятельность земств Самарской губернии (1864–1917 гг.). Уфа, 2004; Горячев М.Д. Просветительская и благотворительная деятельность земских учреждений в России (по материалам Самарского земства). Самара, 2001.

³¹⁴ Чирков М.С. Земство и власть в России. 1890 – февраль 1917 г. (на материалах Самарской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.

³¹⁵ Кузьмин В.Ю. Земская медицина в России в мирное и военное время. Самара, 2000.

земства составляют 1917-1918 гг., когда в условиях революционного вихря российское земство создавало волостные земства и вынуждено было конкурировать с Советами и другими демократическими организациями. Эта проблематика на материалах Самарского края разрабатывалась Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытовым, Н.А. Курсковым, М.Н. Матвеевым³¹⁶.

Историография земской темы советского и постсоветского времени наиболее полно представлена в работе О.В. Тургановой и М.Н. Матвеева³¹⁷.

Реформа 1861 г. изменила правовой статус сельского населения: крестьяне получили волю. Община стала самостоятельной ячейкой – низовым звеном государственного механизма. Помещик уже не имел права вмешиваться в дела общины, и все вопросы, от экономических до правовых, она решала самостоятельно. Некоторые вопросы требовали объединения представителей всех сословий. Так возникли земства как всесословные органы местного самоуправления.

В соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.» земства стали создаваться в губерниях и уездах. Избиратели делились на три курии: курию частных землевладельцев; курию сельских обществ; курию городских избирателей. Избиратели этих разрядов выбирали на своих съездах гласных (депутатов) в губернские и уездные земства. Вводился имущественный ценз для избирателей. Так, в курии частных землевладельцев избиратель должен был иметь не менее 200 десятин земли, или владеть имуществом, стоимость которого достигала 15 тыс. руб., или же промышленным заведением, приносящим доход не менее 6 тыс. руб. В голосовании городской курии могли

³¹⁶ Кабытова Н.Н. Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году: Дис. ... докт. ист. наук. Самара, 1999; Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917-1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917 – 1918 гг.). Самара, 2004.

³¹⁷ Турганова О.В., Матвеев М.Н. Историография самарского земства в контексте российской и зарубежной земской историографии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, философия. 2020. Т. 26. № 1. С.65-76.

участвовать купцы, имевшие купеческие свидетельства, владельцы недвижимости на сумму 500 – 3 000 руб. или предприятий с оборотом не меньше 6 тыс. руб. В городах избирательные съезды возглавлял городской голова. Избирательная система для крестьян была многоступенчатой: в съезде уездных крестьян-выборщиков, где выбирали земских гласных, принимали участие члены волостных сходов (обычно на волостной сход являлась треть сельского схода). Таким образом, земства созывались от нескольких сословий. Эта система выборов давала зримый результат, так как представители разных сословий защищали интересы тех или иных социальных слоев. Конечно, правительство позаботилось, чтобы туда не попали случайные люди. В съездах не участвовали граждане моложе 25 лет, лица, находившиеся под уголовным судом или следствием, осужденные по суду, или крестьяне, осужденные по общественному приговору, а также иностранцы, не имевшие подданства.

Губернские и уездные земские учреждения состояли из распорядительных (собраний) и исполнительных (управ) органов. На общем собрании земских гласных избиралась земская уездная управа в составе председателя и двух членов. Губернская земская управа включала председателя и шесть членов. Гласные земства и члены управы избирались каждые три года. В круг обязанностей земских управ входило исполнение распоряжений собраний; управление под руководством собраний имуществами земства и земским хозяйством; составление смет, раскладок и отчетов; подготовка всех нужных для собрания сведений и заключений; надзор за поступлением земских доходов; расходование земских сумм. Губернскую земскую управу возглавлял председатель, которого избирали на земском собрании, при этом после выборов его кандидатуру должен был утвердить в должности министр внутренних дел.

В Самарской губернии некоторые уездные земства (Николаевское, Новоузенское, частично Бузулукское) были очень демократичны по составу: в них было много представителей от купцов и крестьян – земельных собственников (в южных уездах Самарской губернии крестьяне владели до 10 000 десятин земли). Они или скупали землю большими участками, или арендовали ее в степной полосе, где в 70-х гг. XIX в. стала создаваться новая российская житница. Там занимались производством твердого сорта пшени-

цы-белотурки на продажу, в основном на внешний рынок – в Англию, в Италию, в Германию, хотя хозяйство велось на сугубо экстенсивной основе.

Купцы в земствах были представлены в основном двумя категориями: первая занималась покупкой и продажей зерна и муки, вторая – мукомольем. Они входили в биржевой союз (здесь была одна из крупнейших хлебных бирж). Также хлебная биржа была в Покровске (Николаевский уезд) и в Николаевске. Для биржевиков считалось престижным входить в состав земства или городской думы, поскольку это считалось показателем общественного признания.

Земская деятельность требовала самоотверженности. Никакого политического или финансового капитала нажить ею было нельзя, как и получить какие-либо привилегии. Это была повседневная черновая работа по обустройству села, уезда, губернии. Земство не занималось политической деятельностью, это было ему запрещено.

Между коронной администрацией и местным самоуправлением была дистанция, но земство ощущало себя независимым. При этом за ним велся надзор со стороны губернатора и Министерства внутренних дел, где был создан Земский отдел, осуществлявший контрольные функции. Губернаторы могли вмешаться в деятельность земства, если оно поднимало политические вопросы, поскольку они не входили в его компетенцию, а также в его кадровую политику. Так, например, чтобы стать учителем земской школы, необходимо было получить допуск в жандармском управлении. Земство не имело права критиковать правительство, верховную власть. В этом случае губернатор мог остановить работу земского собрания и даже имел право его распустить.

Бюджет земств складывался из нескольких источников. Во-первых, законом были предусмотрены земские сборы – налог на население. Его не хватало, поэтому земство занималось хозяйственной деятельностью. Создавались хозяйства, предприятия (элеваторы, питомники), коммерческие предприятия, такие как сельскохозяйственные склады, книжные склады, прокатные станции. Земствам выделялись также целевые правительственные субсидии, например, на оказание помощи крестьянам во время голода, на проведение мелиоративных работ.

В бюджетно-финансовой политике Самарского земства с 90-х годов XIX в. формировался предпринимательский характер пополнения бюджета. Земство предпочло развитие собственных неокладных средств, и тем самым добилось стабильного роста капитальных вложений в хозяйство и социальную инфраструктуру.

Классическим примером высококлассной работы земства была **организация и работа земско-статистических отделов**. Возникли они в связи с тем, что губернские статистические комитеты (часть централизованной административной системы, работавшие под эгидой Центрального статистического комитета) фактически занимались констатацией фактов. Они подготавливали статистическую часть всеподданнейших отчетов губернаторов монарху. Каждый год для таких отчетов в спешке собирались сведения, иногда сугубо «потолочные». А между тем существовала потребность в реальных описаниях помещичьих и крестьянских хозяйств, в проведении их бюджетных обследований. Земство было заинтересовано в том, чтобы изучать темпы экономического развития края, яснее представлять перспективы развития сельского хозяйства, мелкой крестьянской промышленности, стимулировать развитие той или иной отрасли сельского хозяйства и оказывать реальную помощь крестьянским хозяйствам.

Земская статистика в Самарской губернии зародилась в 1880-е гг. В 1882 г. видный статистик В.И. Орлов, приехавший в Самару, с И.М. Красноперовым и К.Э. фон Паприцем приступил к организации статистического бюро при Самарской губернской земской управе. Он разработал программу исследования, которая предусматривала подготовку и издание 8-томного свода «Статистические сведения по Самарской губернии». Сбор статистических сведений по отдельным уездам Самарской губернии шел поэтапно в течение 1882-1887 гг. В 1889 г. исследование уездов губернии было завершено, и Статбюро приступило к группировке данных для сводного сборника. Помимо статистических таблиц, в каждом сборнике были помещены исторические очерки о заселении и хозяйственном освоении территории уездов Самарской губернии. Масса собранных земскими статистиками материалов дала возможность не только выработать принципы равномерного земского обложения, но и изучить экономику частновладельческого и крестьян-

ского хозяйства, произвести учет производственной деятельности населения³¹⁸.

Работа земских статистических бюро придала статистическим исследованиям в пореформенной России прикладное значение. В обществе сложилось мнение, что с помощью статистики можно все узнать, измерить, исследовать, а затем на основе этих данных не только вносить изменения в хозяйственную жизнь, но и начать реформирование социально-экономического строя страны.

В этом отношении земско-статистические сборники конца XIX – начала XX в. по своей информативной емкости представляют уникальное явление. Там читатель найдет богатейшие сведения и о хозяйственном освоении края, и о его населении, детальные описания помещичьих имений и отдельных сел. Ценные данные содержат также сельскохозяйственные обзоры. Они издавались ежегодно с помощью добровольных корреспондентов земств. Священники, учителя, врачи, грамотные крестьяне – таков далеко не полный круг корреспондентов земств. Они следили за тем, как год за годом изменялись погодные условия, отмечали сроки посевов и созревания зерновых, фиксировали все явления на местности – вплоть до прилета саранчи.

Уникальны по своей информативности материалы оценки земель, которые начали разрабатываться в конце 90-х гг. XIX века. Необходимость проведения подобных исследований диктовалась тем, что цены на землю стали расти. Программа исследований предусматривала изучение химического состава плодородных почв, указывалась удаленность земель от воды, леса, рынков сбыта, речных пристаней и железнодорожных станций. В советское время подобных описаний земель не проводилось. Ну, и, наконец, самое замечательное в земской статистике – проведение подворных переписей крестьянских хозяйств, в которых представлена вся экономическая жизнь сельского населения региона. Сейчас эти описания весьма высоко оцениваются; по их материалам историки детально изучают состояние экономики дореволюционной России.

³¹⁸ Самарское земство. Опыт практической деятельности, 1865-1918 гг.: к 15-летию Самарской Губернской Думы / под ред. П. С. Кабытова. Самара, 2009. С.167-174.

8 июня 1893 г. император Александр III подписал указ, согласно которому на земства возлагалось проведение оценки недвижимых имуществ (земель), подлежащих земскому обложению. Закон регламентировал деятельность оценочных комиссий, которые создавались при земствах. Во исполнение этого закона при Самарском губернском земстве в 1893 г. была создана оценочно-статистическая комиссия (впоследствии – оценочно-статистическое отделение). История этого отделения связана с деятельностью видных ученых российского масштаба. В 1890-е гг. изучение почв проходило под руководством почвоведом и географом Л.И. Прасолова, впоследствии – члена АН СССР³¹⁹. С 1910 г. оценочно-статистическое отделение возглавил Г.И. Баскин, один из известнейших статистиков народнического направления. В историю земской статистики Баскин вошел не только как автор статистических сборников по Пермской и Самарской губерниям, но и как создатель ряда методологических работ по статистике³²⁰.

Земские статистики успешно выполнили те задачи, которые были сформулированы в законе 8 июня 1893 г. Они не только провели сбор разнородного материала, но и сумели, используя новые для того времени методы анализа данных, подробнее охарактеризовать богатство и разнообразие климатических и почвенных условий Самарской губернии. Материалы оценки земель и подворных переписей крестьянских хозяйств содержат богатейшие сведения о хозяйственной деятельности населения губернии. Земская статистика, как основная, так и текущая, преследовала оценочные задачи. Были получены материалы о ценности почв во владениях разных категорий, что представляло особый интерес для крестьян, помещиков, купцов – покупателей и продавцов земельных владений в Самарской губернии.

В области *страхования* земства выполняли обязанности по страхованию и сбережению построек от пожаров, помощи населению в неурожайные годы, починки мостов и дорог, заботились о городских земских больницах и богадельнях. Больших успехов земство достигло в предупреждении пожаров и возмещении убыт-

³¹⁹ Самарское земство... С.175-180.

³²⁰ Белякова Н.С. Г.И. Баскин: Общественная и научная деятельность. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С.16-17.

ков от них. Меры противопожарной безопасности были всегда в приоритете у губернских земств.

Итоги земской страховой деятельности в Самарской губернии были неоднозначны. Добровольное страхование зачастую являлось убыточным для земств. Но всеобъемлющий характер обязательного страхования стал определенной гарантией от финансовой несостоятельности. Ежегодные страховые операции совершались в основном без убытка.

Работа по осуществлению еще одной земской обязанности – **снабжению нуждающихся продовольствием** – происходила в следующих формах: 1) снабжение крестьян продовольствием в форме ссуды; 2) создание агрономической службы, складов земледельческих орудий и машин, применение новых сортов семян и пород скота, то есть через стимулирование хозяйственного интереса и предприимчивости, что получило более мощное развитие.

Торговые операции сельскохозяйственных складов с середины 90-х гг. XIX в. стали важным направлением деятельности земства. К 1897 г. деятельность складов охватила все уезды губернии (последним к ней подключилось Новоузенское земство), а уже через два года Самарское земство располагало 23 складами и отделениями складов в крупных пунктах. Столь быстрый рост был вызван развитием товарного земледелия в губернии. Не случайно Самарский земский склад уже в начале XX в. по размерам своих оборотов занимал первое место в России. Польза от торговли заключалась в том, что, во-первых, владельцы земельных участков без посредников смогли приобретать или арендовать новые сельскохозяйственные машины и инвентарь на льготных условиях; во-вторых, земская торговля оказывала сильное воздействие на конкурентов, заставляя их также снижать цены, и, наконец, приносила земствам прибыль.

Самарское земство занималось систематическим развитием и совершенствованием **дорожного дела** в губернии. Импульсом к планированию дорожного строительства в губернии стал закон от 1 июня 1895 г. о дорожном капитале. Изменение системы финансирования позволило земствам наметить основные мероприятия не только по поддержанию дорог в порядке, но и по строительству новых путей сообщения. К числу значительных проектов, которые были реализованы земством, стоит отнести строительство

Семейкинского (ныне – Московского) и Черновского шоссе (ныне – ул. Юрия Гагарина), что несколько улучшило транспортную связь Самары с северными и южными уездами губернии. Кроме сооружения мостов, затона и дамбы в Самаре в 1899 г., Самарская губернская земская управа разработала схематическую карту грунтовых грузовых дорог Новоузенского уезда. Карта отражала движение хлебных грузов в степной полосе Самарской губернии³²¹. Тогда же земский статистик, социал-демократ А.Г. Шлихтер завершил разработку программы экономического исследования грунтовых дорог Самарской губернии, которая 15 мая 1899 г. была одобрена губернской земской управой³²².

Самарское земство внесло существенный вклад в содержание **почтово-телеграфной службы** в сельской местности. Взяв на свое обеспечение почтовые станции в уездах, земства способствовали преодолению локальной замкнутости сельской жизни, расширяли информационное пространство для внедрения новых элементов в хозяйство, быт, досуг крестьян. Начав со скромной, в сущности, курьерско-доставочной службы почтовых работников, земства значительно расширили сферу предоставляемых ими коммуникативных услуг. Они занимались распространением периодических изданий, доставляли частную корреспонденцию, денежные переводы, пакеты и посылки. Постепенно в сельской местности была организована доставка почтовых отправок силами земских почтальонов. Во второй половине XIX в. земства принимали также активное участие в строительстве телеграфных линий в губернии, а на рубеже веков стали изыскивать средства для телефонизации объектов сельской социальной инфраструктуры.

Вклад самарского земства в развитие губернии, в частности, ее **сельского хозяйства**, поистине многогранен. Так, в конце XIX в. в Самарской губернии создавались экономические советы, проводились агрономические совещания, в начале XX в. возникли земские агрономические участки. Существовала правительственная агрономическая сеть и земская агрономическая служба, организовывались ежегодные сельскохозяйственные выставки, был создан

³²¹ Самарская губерния: день за днем... 1896-1900 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2006. С.125.

³²² Там же.

губернский сельскохозяйственный музей. По ряду показателей Самарское земство было на первом месте или входило в десятку лучших.

Нормальное развитие земледелия не могло осуществляться без постоянной заботы о **животноводстве и ветеринарии**. Болезни и падеж скота в значительной мере влияли на производительность крестьянских хозяйств. Поэтому ветеринарная земская служба имела гораздо больший опыт деятельности, чем агрономическая. Земству удалось накопить определенный опыт в организации ветеринарной службы, которая была успешно создана и функционировала в конце XIX – начале XX вв.

В 1867 г. Самарское губернское собрание передало организацию ветеринарной службы в ведение уездных земств. Вначале земская ветеринарная служба обеспечивала работу карантинных застав. Уже в 70-е гг. XIX в. стали созывать ветеринарные съезды, где обсуждались стратегические вопросы. Первые мероприятия по лечению домашнего скота были предприняты самарским земством еще в 1870-е годы, но основная работа развернулась в 1880-1890-е гг., когда при губернской земской управе была создана ветеринарная организация.

Территория губернии была разделена на 27 ветеринарных участков. В 1880 г. на службе у Самарского земства состояло 18 ветеринарных врачей, в 1905 – 53; это был самый высокий показатель по всей России. Практическая деятельность самарских земств в области ветеринарии (80-е годы XIX – начало XX века) велась в двух направлениях: проводились санитарно-защитные и лечебно-профилактические мероприятия. Первое направление было преобладающим в 1880-е годы, особенно во время борьбы с чумной эпизоотией (1885-1891 гг.). С начала 1890-х гг. главным направлением ветеринарной деятельности становится профилактика заразных заболеваний. В декабре 1893 г. Самарское земство приняло постановление «О введении в губернии сибирязвенных прививок», в котором рекомендовало применять прививки там, где смертность скота превышает 1-2%. Одновременно при ветеринарном отделении управы была открыта бактериологическая лаборатория, задачами которой являлось определение болезни в сомнительных случаях, подготовка ветеринаров губернии к практической деятельности и выработка вакцин. Работа Самарской

бактериологической лаборатории с самого начала дала ощутимые результаты, резко сократив падеж скота.

Не менее важной заботой ветеринарной службы в эти годы явилось принятие действенных карантинных мероприятий против проникновения в губернию заразных болезней извне. Система окружной сезонной ветеринарии включала в себя устройство карантинных в каждом селении для разделения здорового и больного скота, а также создание карантинных пунктов на границах губернии; эта система смогла обеспечить санитарный контроль в губернии.

В последние годы XIX в. в самостоятельное направление выдвинулось зоотехническое или селекционное содействие населению: принимались меры для изучения пород скота и зоотехнического содействия населению. Так, Бугульминское земство занималось разведением крупного рогатого скота и коз, Бугурусланское земство имело рассадник чистокровных свиней и грубошерстных мясных овец, Самарское уездное земство – рассадник племенного скота при Краснопоселенской сельскохозяйственной школе. К началу XX в. в Самарской губернии была разработана методика профилактики заболеваний домашнего скота, создана сеть лечебных ветеринарных пунктов³²³.

Создание разветвленной сети *земской агрономической службы* началось лишь с середины 90-х годов XIX в. Первоначально должность агронома с опытным полем была введена в Бузулукском уезде, наиболее типичном по своим почвенно-климатическим условиям для Самарской губернии. В 1895 г. в Самарской губернии была учреждена должность уездных земских агрономов, которые пропагандировали среди крестьян сельскохозяйственные орудия и машины, семена.

В начале XX в. при губернских и уездных земствах стали созываться губернские и уездные агрономические совещания; губернский экономический совет выполнял координирующую роль. Земства разработали и осуществили целый комплекс мероприятий, направленных на модернизацию сельскохозяйственного производства. Первостепенное значение земские службы придавали пропаганде сельскохозяйственных знаний и внедрению в практику

³²³ Самарское земство. Опыт практической деятельности. С.232-236.

земледелия инновационных методов и приемов, прежде всего в крестьянских хозяйствах.

С целью приближения агрономической помощи к нуждам населения и в ответ на обращение правительства прийти на помощь крестьянам в начале XX столетия началась перестройка всей системы агрономической службы. В 1907 г. Самарское губернское земство создало участковую агрономическую организацию. Территории уездов были разделены на участки, в них вводилась должность участкового агронома, который рекомендовал крестьянам новые агроприемы и занимался организацией сельскохозяйственной кооперации. В 1914 г. в губернии насчитывалось 47 агрономических участков. Участковая агрономия быстрее всего развивалась в зоне торгового зернового земледелия.

По размерам ассигнований на агрономические нужды Самарская губерния занимала 13 место по земским губерниям России. В земскую агрономическую инфраструктуру входили сельскохозяйственные склады, зерноочистительные обозы. Земства имели опытные поля, плодовые питомники, проводили уездные и губернские сельскохозяйственные выставки, издавали журналы «Самарский земледелец» и «Земский агроном», сельскохозяйственные календари. Велась пропаганда научных знаний, читались лекции и проводились беседы, для крестьян были организованы краткосрочные курсы ведения хозяйства на опытных полях, пропагандировалось введение в ротацию севооборотов многолетних трав и технических культур, крестьян призывали переходить от трехпольной системы земледелия к многопольной. Земские агрономы пропагандировали научные достижения сотрудников Костычевской и Безенчукской опытных станций, занимавшихся селекционной работой, занимались организацией показательных хозяйств. Усилиями Самарского земства были открыты и вели подготовку кадров для сельского хозяйства губернии одно среднее и два низших сельскохозяйственных учебных заведения.

Губернское и уездные земства Самарской губернии осуществили ряд практических мероприятий по оказанию технологической помощи сельским хозяйствам, прежде всего крестьянам. Они обеспечивали их сельскохозяйственными орудиями и машинами по сниженным ценам, организовывали уничтожение полевых вредителей, производили опыты по мелиорации и лесоустройству. Осо-

бенно активно новые приемы агротехники стали внедряться на отрубных и хуторских участках. В целом комплекс мероприятий земской агрономии ускорял модернизацию сельскохозяйственного производства в регионе³²⁴.

Таким образом, Самарское земство проводило в жизнь широкую программу, направленную на поддержку как мелкого семейного, так и крупного капиталистического производства. Всесторонне утверждая фермерский тип хозяйства, земство активно пропагандировало агрономические и зоотехнические знания, передовые приемы земледелия и животноводства, организовывало обмен опытом, распространяло новые орудия труда, улучшенные семена и продуктивные породы скота. Уровень профессиональной подготовки служащих (в Самарском земстве в начале XX в. работало 56 специалистов сельского хозяйства с высшим образованием) давал возможность применения новых достижений науки на практике.

Земству принадлежала решающая роль в развитии *медицинской службы*. В его деятельности необходимо выделить три основных направления: создание лечебных учреждений, подготовка и организация деятельности медицинского персонала, развитие санитарной службы. Мероприятия земства непосредственно способствовали улучшению качества медицинского обслуживания населения. Наиболее активно их осуществление велось в 1864-1904 гг., а в 1905-1917 гг. земская медицина развивалась на основе ресурсной и кадровой базы, созданной в указанный хронологический период.

Медицинское обслуживание в городах начало развиваться с XVIII в., но в селах медицинская помощь населению носила эпизодический характер. Преобладала народная медицина, в которой главной фигурой выступал или знахарь, или бабка-повитуха. В их арсенале было лечение травами, широко практиковались заговоры, лечение от сглаза и так далее. Земство создало широкую сеть медицинских учреждений в губерниях России. Оно стало проводить медико-санитарные исследования, открывать школы фельдшеров и акушеров, строить в селах больницы и амбулатории. Для обмена опытом созывались съезды земских врачей.

Важнейшим делом местного самоуправления было строительство в губернских центрах земских больниц.

³²⁴ Самарское земство. Опыт практической деятельности. С.239-255.

В Самаре по инициативе губернского земского собрания были построены губернская земская больница (ныне – Самарская городская клиническая больница №1 им. Н.И. Пирогова) и психиатрическая больница, которые уже тогда выступали в качестве основных медицинских центров, заботящихся о народном здравии. Уездные земства занимались открытием сельских больниц, амбулаторных приемных покоев.

К началу XX в. в губернской земской больнице функционировали 13 отделений и 10 амбулаторий. При ней также работали родильный дом, приют для подкидышей, бактериологическая лаборатория, патологоанатомическое отделение, Пастеровская станция. В больнице служили 15 врачей и 19 фельдшеров. В 1900 г. Самарская губернская земская больница принимала треть больных из других губерний.

Пастеровская станция, находившаяся при Самарской губернской земской больнице, начала работу 2 июля 1866 г. Заведующим ее был врач и известный общественный политический деятель П.П. Крылов. С 1866 по 1902 гг. прививки против бешенства получили 7396 жителей Самарской и еще 22-х губерний России³²⁵.

Важнейшей задачей земской медицины было создание сети учреждений здравоохранения, которые были бы доступны для всего сельского населения губерний. Так, в Самарской губернии к 1871 г. при участии уездных земств были открыты 6 приемных покоев, к 1875 г. – 11 больниц. Самарским земством была поддержана инициатива известного врача Е.А. Осипова о внедрении в практику земской медицины участкового принципа обслуживания больных. В 1866 г. в Самарской губернии насчитывалось 6 врачебных участков с определенным радиусом действия, а к 1888 г. их количество достигло 51. Совместно с уездными земствами сопредельных губерний органами местного земского самоуправления решался вопрос о создании так называемых межуездных участков. В 1901-1903 гг. в Самарском крае действовали 6 таких участков. Численность земских врачей в Самарской губернии с 1870 по 1905 г. заметно возросла: так, в 1870 г. в губернии служили 28 земских врачей, в 1880 г. – 32, в 1890 г. – 52, в 1900 г. – 87 и в 1905 г. – 108. В уездах, находящихся в отдалении от губернского

³²⁵ Самарское земство. Опыт практической деятельности. С.195-197.

го центра, особенное значение приобретала деятельность фельдшерского персонала. Для его подготовки в 1866 г. при участии губернского земства была открыта фельдшерская школа, которая в 1910 г. была реорганизована в фельдшерско-акушерскую. К 1880 г. для медицинских учреждений губернии было подготовлено 119 фельдшеров, 130 фельдшериц-акушеров и 60 акушеров. Деятельность школы продолжалась до 1917 г.³²⁶

В систему медицинских учреждений Самары органично вписались кумысолечебницы доктора Н.В. Постникова и самарского купца Е.Н. Аннаева. О деятельности самарских кумысолечебниц знали многие представители интеллектуальной элиты России. Так, в повести А.П. Чехова «Цветы запоздалые» доктор Топорков советует больной туберкулезом княжне Марусе Приклонской поехать в Самару, чтобы пройти курс лечения кумысом³²⁷. Показательно, что А.П. Чехов в 1893 г. подал в Самарскую уездную управу прошение «об определении на должность земского врача». Управой было принято решение: «Считать первым кандидатом...»³²⁸ Но затем планы у А.П. Чехова изменились, и он не прибыл в Самару.

Земства занимались решением острых социальных вопросов, связанных с миграцией населения. Поскольку крупные фермерские хозяйства в южных уездах, специализировавшиеся на производстве товарной пшеницы, нуждались в рабочих, уже в 70-80-х гг. XIX в. южные уезды ежегодно притягивали от 300 до 400 тысяч сельскохозяйственных рабочих, которые приходили из уездов Казанской, Пензенской и Симбирской губерний наниматься на работу в торгово-промышленные села. Большая скученность людей могла привести к вспышке эпидемий. И земство, увидев эту опасность, создает в степных уездах врачебно-питательные

³²⁶ Самарское земство. Опыт практической деятельности. С.199, 201-202. См. также: Кузьмин В.Ю. Земская медицина в России в мирное и военное время (1864-1917 гг.). Самара, 2000; Земская медицина в Самарской губернии // Энциклопедия Самарской области. Т.2. Г – И. Самара, 2000. С.297.

³²⁷ Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. Т.1: Рассказы 1880-1883. М., 1960. С.381.

³²⁸ Самарская губерния: день за днем... 1891-1895 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2004. С.126-127.

пункты, где работали студенты медицинских факультетов российских университетов.

Важным достижением земской медицины стало создание санитарного направления, что непосредственно содействовало организации борьбы с эпидемиями и определенному улучшению эпидемиологической обстановки в Самарской губернии.

В дореформенный период *народное образование* в Самарской губернии было развито крайне слабо, особенно в сельской местности. Но время диктовало свое, и именно народному образованию постепенно суждено было выдвинуться на одно из ведущих мест по количеству затрачиваемых на него земствами денег и сил.

Земско-общественные школы в Самарской губернии начинают появляться уже с 1865 г. В 60-е гг. XIX в. Самарское губернское земство занимало второе место среди земств России по затратам на народное образование.

К середине 1890-х гг. уездные земства участвовали в организации образования через свои постоянные комиссии по народному образованию, имели специальных людей в управе, ведавших вопросами образования, направляли своих представителей в училищные советы, создавали специальные комиссии для заведования отдельными отраслями народного образования. Губернское земство занималось решением общегубернских проблем в сфере образования, таких как подготовка учителей и открытие своих средних и специально-педагогических учебных заведений.

В результате в 90-е гг. XIX в. наблюдается резкий рост увеличения земских затрат на народное образование. Земство постепенно отказывается от принципа «поощрения» крестьянской инициативы в деле создания школ и все более проявляет собственную инициативу. Земство добилось изменения отношения к школе крестьян, которые все чаще и охотнее стали посылать в нее своих детей. В училища теперь потянулись и раскольники, и местное нерусское (так называемое «инородческое») население. Становится все более заметным количественный рост школ. В 1877 г. в Самарской губернии насчитывалось от 20 до 55 земских школ на уезд, а в 1898 – до 130, что было больше, чем в соседних губерниях; наибольшее число училищ было в Новоузенском (130) и Николаевском (102) уездах. В то же время Самарская губерния отставала от ведущих российских земских губерний, таких как Московская,

Петербургская, Харьковская, занимая в 1890 г. лишь 10-е место по количеству земских школ³²⁹.

В 1895 г. на земских собраниях обсуждалась возможность введения всеобщего начального обучения. Были сформулированы три ключевых принципа введения всеобщего начального обучения в России: общедоступности, бесплатности и обязательности.

Через 40 лет после введения местных органов самоуправления земство через многочисленные ходатайства подготовило закон 1908 г. о всеобщем начальном обучении на принципах бесплатности и общедоступности для детей 8-11 лет. К моменту появления закона о всеобщем обучении земствами уже был создан тип народной школы; в некоторых уездах уже шла работа по реализации планов всеобщего обучения, в других – этот вопрос только ставился на повестку дня. Повсеместному распространению народных школ препятствовало отсутствие достаточных средств, что в конечном итоге обусловило принятие государственной программы всеобщего начального образования в России. Ведущая роль в ее реализации отводилась органам местного самоуправления.

Участие губернских земств в реализации этой программы приняло следующие формы: 1) выдача ссуд или безвозвратных пособий на постройку школы; 2) выдача пособий на устройство и содержание ночлежных приютов при школах и организация школьных приварков; 3) приплата к жалованью учителей; 4) субсидии на устройство школьных библиотек. Таким образом, губернское земство приняло на себя разработку плана мероприятий и выступило в роли объединителя уездных земств.

К 1909 г. вопрос о введении всеобщего обучения обсуждался уже во всех уездах Самарской губернии. К непосредственному осуществлению всеобщего обучения некоторые земства и города частично приступили с осени 1909 г. Из городов первым к осуществлению всеобщего обучения приступил г. Бузулук (осень 1909 г.), с сентября 1910 г. – г. Бугуруслан, с декабря 1911 г. – города Николаевск, Новоузенск, Самара, с 1912 г. – г. Бугульма. Только г. Мелекес и г. Ставрополь до 1913 г. не включились в общий процесс. Отметим, что в 1909-1912 гг. Новоузенское земство наиболее энергично занималось в Самарской губернии введением всеобщего обучения.

³²⁹ Самарское земство. Опыт практической деятельности. С.262.

Одну из своих основных задач земства видели в том, чтобы приблизить школу к населению. При этом делалась ставка на естественную тягу народа к знаниям, его любопытство, уважение к грамотности. Земства пропагандировали идеи, близкие крестьянству по духу, стремились учесть потребности населения при разработке программ народного образования.

В распространении начального школьного образования земское дело прошло путь от политики поощрения сельских обществ в открытии и содержании школ до создания сети всеобщего начального обучения и принятия закона 1908 года о всеобщем начальном обучении. К 1917 г. земству не удалось осуществить программу всеобщего обучения в основном по двум причинам: из-за недостатка финансирования и законодательных ограничений. Несмотря на это, именно земству принадлежит заслуга создания начальной народной школы в пореформенной России. Не случайно принципы, разработанные земскими учреждениями, были взяты за основу государством при составлении и осуществлении проектов всеобщего обучения в стране.

До открытия земских учреждений народные училища не имели специально подготовленного учительского персонала и учреждений для его подготовки. Методика преподавания и уровень образования многих представителей учительства часто оставляли желать лучшего. Перед земством стояла задача подготовить достаточное количество учителей совершенно нового типа: авторитетных для простых людей и способных на должном уровне заниматься учебной и просветительской работой.

Участие земства в подготовке учительских кадров для народных школ выражалось в устройстве своих педагогических учебных заведений; в пособиях (ежегодных и единовременных) казенным и частным учительским школам; в содержании педагогических классов при женских гимназиях; в ассигнованиях на стипендии для подготовки учителей в разных учебных заведениях; в устройстве съездов и курсов для учителей; в организации пенсионных касс и касс взаимопомощи (эмеритальных). Правительственных и земских учительских семинарий было крайне мало, так как их содержание было сопряжено с крупными финансовыми затратами. Для Самарской губернии учительские кадры поставляли Казанская правительственная мужская учительская семинария и Ров-

ненская правительственная учительская семинария (в с. Ровном Новоузенского уезда), где все уездные земства содержали своих стипендиатов.

1 сентября 1872 г. была открыта Самарская земская школа для приготовления сельских учительниц в составе приготовительного и двух первых штатных классов. К 1898 году через это учебное заведение прошло 1 516 учениц, 428 из которых закончили полный курс, что в среднем составляло 20 человек в год.

Популярными стали организованные Самарским земством летние учительские курсы. С 90-х гг. XIX в. на педагогических курсах вводилось преподавание психологии, мироведения, гигиены, гимнастики.

Самарское губернское земство ходатайствовало перед Министерством народного просвещения об учреждении в Самаре учительского института. В 1911-1912 учебном году он начал работу, имея в своем штате 7 преподавателей.

В начале XX века все начальное образование в России постепенно стало равняться на земскую народную школу, заслуженно признанную лучшей. К тому времени земские учителя завоевали всеобщее уважение, в том числе и со стороны простого народа.

После введения земского самоуправления встал вопрос о подготовке специалистов, способных организовать и вести работу во всех сферах постоянно расширявшегося земского хозяйства. С этой целью земство организовало профессиональные школы, которые можно подразделить на следующие группы: сельскохозяйственные школы и сельскохозяйственные отделения при начальных школах; ремесленные учебные заведения; школы медицинских и ветеринарных фельдшеров; школы прочих типов (дорожных десятников, печных мастеров, огнестойкого строительства); училищные ремесленные мастерские, особенно по ремонту сельскохозяйственных орудий и машин. К 1917 г. Самарская губерния имела одно среднее земледельческое училище, четыре низших сельскохозяйственных школы³³⁰. Земские мероприятия по профессиональному образованию носили несистематический характер, но, по оценкам земских деятелей и современников, имели «ряд практических результатов», во многом подготовили условия для формирования стройной систе-

³³⁰ Самарское земство. Опыт практической деятельности. С.273-275.

мы будущего профессионального образования. Земские ходатайства и проекты по вопросам профессионального образования влияли на рост количества правительственных профессиональных школ, а также и на их приспособление к общественным потребностям.

Земская **культурно-просветительская деятельность** включала в себя комплекс обширных образовательных и культурных мероприятий, проводившихся уездными и губернскими земствами среди местного, прежде всего крестьянского населения. В уездах остро стояла проблема недоступности книг и недостатка учебных заведений. Как правило, крестьяне не имели представления об устройстве своего государства, не знали законов, своих прав и обязанностей. Все это делало простого человека беззащитным перед любым чиновником, заставляло крестьян сторониться должностных лиц, бояться, например, судебного допроса. Этим было обусловлено и изначальное недоверие населения к земству, воспринимавшемуся народом в качестве новой чиновничьей структуры, не способной изменить к лучшему его жизнь.

Поэтому земство поставило вопрос о развитии внешкольного образования и распространения насущных общих и профессиональных знаний среди взрослого населения. Земские деятели ставили перед внешкольным образованием такие задачи: «Расширение умственного кругозора, развитие художественного вкуса, появление стремления к дальнейшему самообразованию». Постепенно оно стало восприниматься как необходимое условие прогресса, «роста благосостояния народа и демократического строя в России».

Внешкольное обучение подразумевало работу со взрослыми и детьми старше 11 лет. Оно строилось примерно на тех же принципах, что и организация всеобщего обучения: общественный характер, общедоступность, бесплатность, самостоятельность, систематичность, планомерность. По мере расширения внешкольной работы начал внедряться еще один принцип – организация внешкольных мероприятий по районам.

Главными формами внешкольного образования, в осуществлении которых земства Самарской губернии достигли существенных результатов, стали бесплатные народные библиотеки-читальни (организации которых способствовали земская книготорговля через склады и издательство), народные чтения (с использованием

«волшебного фонаря»), воскресные школы и курсы для взрослых, основанные на принципе бесплатности обучения.

Одновременно с открытием новых училищ земства создавали при них библиотеки с учебными пособиями и книгами для чтения, организовали через них снабжение детей письменными принадлежностями. К 1908 г. такие библиотеки имелись при всех начальных школах губернии. Библиотечное дело стало первой, а также главной формой земской внешкольной работы, имевшей целью дать населению доступ к книге. Инициатива открытия народных библиотек и библиотек-читален в Самарской губернии принадлежала в основном уездным земствам, комитетам попечительства о народной трезвости (по уставу от 20 февраля 1894 г.), а также сельским и волостным сходам. Чаще всего библиотеки поддерживали свое существование за счет подписки и не были бесплатными.

После общеземского съезда по народному образованию 1911 г. земское библиотечное строительство активизировалось. Во время Первой мировой войны, кампаний трезвости и борьбы с хулиганством библиотекам придавалось особое значение.

Земское библиотечное дело, начавшись бессистемно, эволюционировало в организованную сеть, формирующуюся на территории всей Самарской губернии. Целый комплекс причин не позволил создать в Самарской губернии полную библиотечную сеть к 1917 г., что удалось только земству Новоузенского уезда.

Для удешевления книг и издания специальной литературы, учебников и пособий земства стали создавать издательства и распространять литературу через книжные склады. Жизнь заставляла земства выпускать также популярные издания по сельскому хозяйству, медицине, ветеринарии. Самарское земское издательство выпускало журнал «Самарский земледелец» и популярные брошюры на такие темы, как «Лесоразведение», «Культура овса», «Культура картофеля», «Использование кукурузы», «Задержка снега», «Сведения по ветеринарии», «Общество потребителей», «Суслик и борьба с ним» и так далее. Просветительским целям служило издание земско-статистических справочников, бюллетеней, ежегодников, использовавшихся в работе земскими специалистами – врачами, ветеринарами, статистиками, учителями и др. В случае эпидемий и эпизоотий необходимую разъяснительную литературу населению раздавали бесплатно.

Для знакомства крестьян с новыми для них методами и культурами в сельском хозяйстве губернское и уездные земства с 1892 г. командировали учителей на курсы садоводства, огородничества и пчеловодства при сельскохозяйственных училищах Самарской и других губерний, а также на пасеку П.Н. Тишинского. В тот период огородничество и садоводство в губернии были развиты крайне слабо, многие культурные растения вообще не выращивались. При школах устраивали показательные сады, огороды и ульи, вели беседы с крестьянами о новых методах ведения хозяйства, распространяли саженцы, семена и пчеловодные принадлежности. Земские отчеты подтверждают, что крестьяне охотно обращались за советом к учителям, к которым испытывали уважение и доверие; постепенно стал заметен «перелом в сельскохозяйственном мировоззрении» местного крестьянского населения.

Особое значение с начала XX в. получили сельскохозяйственные народные чтения, ведение которых было прямо включено в задачи земского агрономического персонала³³¹: народные чтения подразумевали чтения по тексту и беседы по вопросам специального характера, проводимые профессионалами. При проведении народных чтений распространяли брошюры по сельскому хозяйству, например, по борьбе с эпидемиями и сельскохозяйственными вредителями.

К 1917 г. земствам удалось создать широкую сеть специальных курсов и школ для обучения взрослого населения. Земские деятели констатировали, что в годы первой мировой войны с небывалой силой рос интерес народа к просвещению. Учителя отмечали, что в русской женщине пробудился интерес к грамоте, имевший к тому же и материальную сторону: чтобы написать мужу письмо, надо было обращаться к «грамотею», заплатив 5-10 коп., так что выгоднее было писать самой. Вероятно, этим объяснялось и то, что, по отзывам учителей, «к изучению счисления учащиеся относились не с таким интересом, как к чтению и письму». Потребность писать письма и отвечать на них создавала повышенную заинтересованность взрослого населения в курсах по обучению письму и чтению. Земские отчеты свидетельствуют об их большой популярности: школьные помещения не могли вместить всех желающих.

³³¹ Земская культурно-просветительская деятельность в Самарской губернии (1864-1918) // Энциклопедия Самарской области. Т.2. С.294-295.

В целях культурно-просветительской работы земства также организовывали выставки, открывали музеи, которые подразделялись на педагогические, естественно-исторические, сельскохозяйственные и другие. Это способствовало распространению среди населения информации по многим областям знания. В Новоузенском уезде возникла еще одна форма культурно-просветительской деятельности – народный театр. Стремление к широкой постановке внешкольного образования вело к устройству учреждений, где можно было бы сосредоточить все просветительные мероприятия, а именно, народных домов.

К 1917 г. в уездах Самарской губернии существовали следующие стационарные учреждения внешкольного образования: в Самарском – 2 народных дома, открытых обществом трезвости; в Ставропольском – 3 районных народных дома и 1 сельский народный дом; в Новоузенском – 18 воскресных школ (5 – первого разряда, 13 – второго разряда) и 57 пунктов народных чтений (17 – первого разряда, 40 – второго разряда). Народные дома стали прообразами будущих сельских клубов и домов культуры, а земские музеи послужили образцом для создания краеведческих музеев в годы Советской власти³³².

Хотя система земских школ создавалась лишь на уровне начального образования, земства с самого начала своей деятельности стремились и к поддержке средних учебных заведений, которая выражалась в нескольких формах. Одна из них состояла в подаче земствами разнообразных ходатайств по вопросам средней школы. Другой формой было субсидирование земствами существовавших средних школ и выдача пособий на их учреждение. Практиковалась также выдача разного рода стипендий учащимся учебных заведений. Земство осуществляло финансирование классических гимназий и реальных училищ, а после 1876 г. – женских гимназий. В 1903 г. по своим расходам на народное образование Самарское губернское земство занимало 3-е место в России. После 1905 г. в губернии наблюдался рост числа частных учебных заведений, и земства считали своим долгом выдавать им субсидии на общих основаниях.

³³² Турганова О.В. Культурно-просветительская деятельность земств Самарской губернии (1864-1917). Уфа, 2004; Земская культурно-просветительская деятельность в Самарской губернии (1864-1918) // Энциклопедия Самарской области. Т.2. С.295-296.

В 1910-х гг. органы самоуправления Самарской губернии включились в работу по организации высших учебных заведений, хотя здесь скорее приходится говорить о незавершенных проектах с участием земства. Одним из реализованных проектов стал Педагогический институт, открытый в октябре 1917 г. Самарское губернское земство и городская дума ходатайствовали также об открытии политехнического института с агрономическим и коммерческим отделениями. Но реализации этого проекта помешала начавшаяся в 1914 г. мировая война.

Наконец, 1 февраля 1917 г. губернское земство возбудило ходатайство об открытии в Самаре университета. Университет в Самаре был создан 11 августа 1918 г. приказом КОМУЧа на базе Педагогического института. Таким образом, земства содействовали развитию не только начального и внешкольного, но также профессионального, среднего и высшего образования.

Можно сказать, что именно земство более всего попыталось сделать для модернизации крестьянской жизни в конце XIX – начале XX веков, как орган, реально представлявший интересы населения России. В целом Самарское земство в области культурно-просветительской работы намного опередило другие губернии региона – Симбирскую и Пензенскую – по денежным затратам, результативности и качеству.

Земства Самарской губернии активно участвовали в выставках различных общероссийских, региональных, местных и даже международных организаций. Так, Самарское губернское земство имело почетный диплом Международной выставки в Париже 1900 г., Почетные дипломы и медали Всероссийской гигиенической выставки в Петербурге 1913 г., Императорского Вольно-Экономического Общества 1899 г. и др. Из уездных земств больше всего наград имело Новоузенское уездное земство³³³.

О высоком авторитете Самарского земства свидетельствует тот факт, что деятели и сотрудники земств были избраны в состав первого российского парламента. Так, в I Государственной Думе из 13 депутатов от Самарской губернии 5 были земцами: А.А. Андреев, Г.Н. Костромитинов, П.П. Крылов, В.А. Племян-

³³³ Земская культурно-просветительская деятельность в Самарской губернии (1864-1918) // Энциклопедия Самарской области. Т.2. С.296.

ников, Д.Д. Протопопов. Во II Думу прошли лишь 3 представителя самарского земства из 13 самарских депутатов (К.Ф. Вознесенский, М.Г. Немальцев, В.М. Стрелков). Резко возросло число депутатов от Самарского земства в III Государственной Думе: из 15 самарских депутатов 10 были земцами (В.Ф. Александров, Н.В. Жданов, С.Г. Киселев, А.И. Ковзан, С.О. Павлов, В.Н. Львов, А.И. Новиков, А.Н. Попов, И. Ротермель, А.А. Ушаков). 7 депутатов-земцев – более половины от общего числа делегации в 13 человек – были представлены от Самарской губернии в IV Государственной Думе (А.И. Ковзан, В.Н. Львов, А.М. Наумов, А.И. Новиков, В.С. Ободовский, Н.Н. Рыжков, А.П. Сидоров)³³⁴.

К февралю 1917 г. земства были проверенным практикой надежным аппаратом управления: земские учреждения существовали в сорока трех губерниях Европейской России, их компетенция распространялась на 110 миллионов жителей³³⁵. Новые органы системы местного самоуправления носили всесословный характер. Земства постепенно взяли на себя решение практически всех проблем населения земских губерний, но в силу правовых ограничений не могли участвовать в обсуждении социально-политических вопросов. Не будет преувеличением сказать, что к 1917 году Россия была, по существу, земской страной, где земство играло едва ли не большую роль, чем государственная бюрократия. Хотя при этом накануне Февраля земство переживало кризис, связанный с условиями военного времени и стремлением власти сохранить в земствах господствующее влияние цензовых элементов.

Будучи, как правило, носителями либеральной идеологии, земцы приняли Февральскую революцию как хоть и неожиданную, но чаемую; недаром именно с земством связывал В.И. Ленин «необыкновенную легкость» одержанной в Феврале победы³³⁶.

Временное Правительство, приступая к строительству новой жизни, также опиралось на земства, отказавшись от института губернаторов. Уже 5 марта 1917 года, одним из первых решений,

³³⁴ Государственная Дума Российской империи: Энциклопедия. В 2 т. Т. 1: 1906-1917. М., 2006.

³³⁵ Веселовский Б.Б. Земство и земская реформа. Пг., 1918. С. 16.

³³⁶ Ленин В.И. Письма из далека // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 31. М., 1969. С. 36.

глава Временного Правительства князь Львов санкционировал переход власти на местах в руки председателей земских управ. В течение семи месяцев Временным Правительством были выработаны и утверждены положения коренной земской реформы, ключевым элементом которой стало введение низовой земской структуры – волостного земства, впервые в истории России избиравшегося на основе всеобщего равного избирательного права. Главный принцип, положенный в основу регулирования деятельности волостных земств, заключался в передаче в их компетенцию как можно большего числа функций, обеспечивающих работу волости как хозяйственно-административной единицы.

Формирование волостных земств летом-осенью 1917 г. завершило создание системы местного самоуправления России. К сожалению, эта система вскоре была сломана большевистской властью, сделавшей ставку в условиях «диктатуры пролетариата» на рабоче-крестьянские, классовые и по факту однопартийные Советы. Однако если непредвзято посмотреть на структуру большевистских местных Советов, можно сделать вывод об их преемственности по отношению к земствам, что свидетельствует о несомненных достоинствах земской системы самоуправления.

Просуществовав с 1865 по 1918 год, земство оставило неизгладимый след в истории сельской России, внесло неизмеримый вклад в развитие и улучшение жизни на местах, а также в модернизацию условий жизни населения России. Медицина, ветеринария, статистика, страхование, борьба с эпидемиями, народное образование всех ступеней, распространение новых сельскохозяйственных культур, создание сельской интеллигенции и многое другое – такова была сфера деятельности органов местного самоуправления.

Следует отметить роль органов местного самоуправления и в создании правового пространства земской России. Простые люди вдруг поняли, что и от них что-то зависит, что можно улучшить свою жизнь, участия в работе органов земского самоуправления. Широкие слои населения, представители разных национальностей, сословий, люди разного имущественного положения, обсуждая местные пользы и нужды, сообща решали проблемы региона. Это можно назвать шагом к последующей конституционной форме и созданию правового государства.

Глава 6

Культура Самарской губернии конца XIX – начала XX в.

Дореволюционный Самарский край, с одной стороны, был типичен для российской провинции, а, с другой стороны, обладал своей собственной культурной спецификой. В этом отношении интересен взгляд известного регионоведа и литературоведа Н.К. Пиксанова, уроженца Самарской губернии, воспитанника духовного училища и духовной семинарии в Самаре, члена-корреспондента АН СССР, автора концепции «областных культурных гнезд»³³⁷. В отличие от «областных гнезд», возникших достаточно рано, например, еще в XVIII в., формирование самарского «культурного гнезда», по Пиксанову, относится к концу XIX столетия, когда здесь «готовые, зрелые деятели культуры... налаживают бодрую общественную деятельность»³³⁸.

В то же время обитателям столиц, центральных и западных губерний Российской империи Самарское Поволжье в конце XIX в. представлялось самобытным «нуворишем» с разбойничьим прошлым и хищническими повадками в настоящем. Именно такой образ региона культивировал Максим Горький, который жил здесь с 1895 по 1896 г., печатая свои очерки и фельетоны в «Самарской газете»³³⁹. Возведение этого литератора в ранг «великого пролетарского писателя» закрепило в XX в. негативные оценки дореволюционной Самары и ее обитателей. Однако далеко не все современники и позднейшие исследователи были согласны с подобными характеристиками.

Показательна апелляция жителей к местному преданию о пребывании в XIV в. на месте будущей Самары святого митрополита

³³⁷ Ковалева Т.В., Пузанкова Е.Н. Концепция "культурных гнезд" Н.К. Пиксанова в свете геопоэтики // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 3 (80). С. 101-103.

³³⁸ Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928. С. 30, 62.

³³⁹ [Горький М.] Самара во всех отношениях // Самарская газета. 1896. 28 февраля. № 47; 13 марта. № 59.

Алексия, ставшего ее небесным покровителем. Тот, якобы, указал место, где возникнет город, предрек его название и славное будущее. В XIX – начале XX вв. данное предсказание истолковывалось таким образом, что святой благословил Самару стать великим и богатым градом, каким она тогда и представляла перед современниками³⁴⁰.

В исследованиях по дореволюционному периоду российской истории подчеркивается: «Модернизационный скачок, который начался в России с середины XIX в., проявился не только в социально-экономической, административной, судебной и военной сферах. Он неизбежно затрагивал сферу культуры, социальной активности, повседневности»³⁴¹. Повсеместно, в том числе в Самарской губернии, «самый заметный рост испытывали те важнейшие звенья культурной инфраструктуры, за вывод которых на более высокий уровень непосредственно отвечали органы власти»³⁴².

Одним из этих звеньев была, конечно, система народного образования. Также развивалось и приносило все более ощутимые результаты широкое культурно-просветительное движение, в ходе которого в провинциальной России организовывались воскресные школы, различные курсы, народные университеты, читались публичные лекции³⁴³.

Основные надежды деятели просвещения и родители возлагали на общеобразовательные школы. Во второй половине XIX в. средние учебные заведения в Самаре были представлены казен-

³⁴⁰ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Т. 1. (2-е изд., исправ. и доп.) / Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. и др. Самара, 2020. С. 37, 458-460; Смирнов Ю.Н. Предания самарских жителей о святителе Алексии в записях XVIII – середины XIX в. и их интерпретация // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 4-13.

³⁴¹ Смирнов Ю.Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне Великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2016. №1. С. 30.

³⁴² История Самарского Поволжья. Т. 2. (2-е изд., исправ. и доп.) / Кабытов П.С., Артамонова Л.М., Кобозева З.М. и др. Самара, 2020. С. 250.

³⁴³ Ивенина Т.А. Система культурно-просветительных организаций и учреждений в дореволюционной России (1859-1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 1; Высшие народные школы в образовательном пространстве современной России: вопросы теории и практики / ред. Гордина О.В., Лебединская Т.Н. Иркутск; СПб., 2009. С. 48.

ной мужской, общественной женской и частными гимназиями³⁴⁴. Сыновья священников и церковнослужителей могли также получить среднее образование в духовной семинарии, а их дочери – в епархиальном женском училище. В 1880 г. для тех жителей, кто не был заинтересован для своих детей «в традиционном классическом образовании с его вниманием к древним языкам, далеким от повседневной жизни, появилась достойная альтернатива в виде реального училища – средней мужской школы, нацеленной на получение преимущественно естественнонаучной, математической и технической подготовки»³⁴⁵.

Уже в первый набор учеников реального училища большинство составили дети мещан (43) и купцов (20), а количество крестьянских детей (16) было практически одинаковым с числом сыновей дворян и чиновников (16). Кроме того, здесь учились дети разночинцев (3) и иностранцев (3)³⁴⁶. Это соотношение в основном сохранялось и в последующее время, хотя училище становилось также престижным для «благородного сословия» и «государевых слуг». В начале 1905 г. здесь учились дети мещан (99), купцов (39), крестьян (63), дворян и чиновников (115), нижних армейских чинов (10), духовенства (4), иностранцев (5), среди всех них преобладали православные (289), но были также старообрядцы (13), лютеране (13), католики (8), иудеи (12)³⁴⁷.

Чтобы предоставить возможность учиться большему числу реалистов земство, городское общество и различные благотворители учредили значительное число стипендий. В результате уже в первый год существования этого учебного заведения были набраны не один, а два параллельных класса. Профинансировал не заложенное в первоначальную смету удвоение контингента учащихся

³⁴⁴ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 265.

³⁴⁵ Артамонова Л.М. Самара – новый губернский центр середины XIX в.: изменения социально-культурной среды в связи с повышением административного статуса // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 17.

³⁴⁶ Историческая записка о Самарском реальном училище имени Императора Александра Благословенного за первое десятилетие его существования (1880-1890 гг.). Самара, 1891. С. 40.

³⁴⁷ Отчет Самарского реального училища имени Императора Александра Благословенного за 1904 год: (25 год с основания училища). Самара, 1905. С. 2.

купец П.С. Субботин, принявший на себя обязанности почетного попечителя реального училища³⁴⁸.

Учитывая большое число нуждающихся реалистов, в том числе иногородних, усилиями губернатора А.С. Свербеева для них было устроено общежитие. Проживание в нем лишь частично оплачивалось учениками, а значительную часть оплаты жилья для них взяло на себя губернское земство. Общежитие находилось «рядом с училищем в доме купца Журавлева»³⁴⁹.

Реальное училище было лучшей средней школой Самары и по естественнонаучно-технической подготовке, и по развитию других творческих талантов молодых людей из разных социальных слоев, часто с довольно сомнительной для сословного общества родословной. Достаточно привести примеры биографий самых знаменитых выпускников этого училища дореволюционной эпохи. В 1889 г. его закончил Г.М. Кржижановский, будущий революционер, писатель, ученый, известный, прежде всего, как руководитель работ над планом ГОЭЛРО и создатель Энергетического института АН СССР. Он был незаконнорожденным. Его отец из семьи сосланных в Сибирь поляков, чтобы иметь официальную связь с реально сложившейся семьей, в том числе дать свою фамилию сыну, выступил в качестве «крестного» собственного ребенка, но рано умер, а его мать, дочь немца-аптекаря, зарабатывала на жизнь сдачей комнат и домашними обедами для приезжих учащихся³⁵⁰.

История Кржижановских была характерна для малоимущих городских жителей (мелких торговцев, прислуги, рабочих, иных лиц без больших и устойчивых источников дохода), которые не всегда имели возможности для обустройства нормальной семейной жизни по стандартам мещанского, крестьянского (большинство «новых» жителей в городе были выходцами из крестьян) или иного традиционного быта. Интересно, что при этом некоторые из них старались дать детям хорошее образование.

Источниками перемен в модернизированной брачной модели являлись изменения не только в объективных условиях жизни городских низов, но и в субъективном отношении к браку

³⁴⁸ Историческая записка о Самарском реальном училище. С. 33-37, 47, 152

³⁴⁹ Отчет Самарского реального училища. С. 11.

³⁵⁰ Карцев В.П. Кржижановский. М., 1980. С. 8, 15, 378-379.

представителей образованного общества. «Идея брака на всю жизнь стала подвергаться эрозии, появилась возможность замены партнера через развод», официальный или неофициальный³⁵¹. В 1901 г. выпускником реального училища стал А.Н. Толстой. Формально он считался сыном самарского предводителя дворянства графа Н.А. Толстого и А.Л. Толстой, происходившей из известного рода Тургеневых. Однако графиня жила гражданским браком с местным небогатым помещиком, земцем и либералом А.А. Бостромом. В этой новой семье, бросившей, по словам будущего известного писателя и общественного деятеля, вызов «свинскому болоту» самарского общества, он и воспитывался³⁵². Тем не менее, молодой человек постарался добиться по суду признания за собой фамилии и титула официального отца после его смерти, оставив будущим биографам не разрешенным до конца вопрос о том, кто был его биологическим родителем.

В семье Н.А. Семенова, чей отец был чиновником, происходившим из мещан и дослужившимся до чина, дававшего личное дворянство, не было столь драматических проблем и поворотов судьбы. Возможно, тому поспособствовало наличие у обоих родителей высшего образования (даже мать выучилась на Высших женских курсах). Юноше, вышедшему в 1913 г. из самарского реального училища с золотой медалью, удалось в полной мере реализовать свои способности и увлечения, стать впоследствии выдающимся ученым в области химии и физики, а в 1956 г. – нобелевским лауреатом³⁵³.

Несмотря на «технический» уклон реального училища, с ним связана интересная литературоведческая находка. В 1891 г. в редакцию журнала «Русская старина», объявившего о сборе материалов для музея М.Ю. Лермонтова, пришел пакет от самарского ученика-«реалиста» 7-го класса В. Акерблома и директора училища

³⁵¹ Артамонова Л.М. Демографическое поведение как зеркало имперской модернизации // Историческая экспертиза. 2020. № 3 (24). С. 345-346; Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 210, 261-262, 266.

³⁵² Толстой А.Н. Краткая биография // Алексей Толстой и Самара: из архива писателя. Куйбышев, 1982. С. 24-25, 29.

³⁵³ Семенов Н.Н. Автобиография // Физики о себе: сб. документов. Л., 1990. С. 81.

А.П. Херувимова с вложенным в него письмом кузины поэта Катеньки Быховец, написанным в 1841 г. Оно является интересным, хотя и не бесспорным источником о последних днях и дуэли Лермонтова. Выяснилось, что «старшекласник нашел этот документ случайно в книге, купленной «на толчке в Самаре у букиниста», а директор училища, видимо, помог понять научную значимость письма»³⁵⁴.

Хотя реальное училище, преимущественно ориентированное на естественнонаучную и техническую подготовку, выглядело более привлекательным для городских торговцев, ремесленников и работников разного рода, но и в классической гимназии детей простых горожан становилось все больше. При ее открытии в середине XIX в. в ней заметно преобладали сыновья дворян и чиновников, но к середине 1870-х гг. их стало меньше суммарного количества «учеников из семей купцов, мещан, разночинцев и крестьян»³⁵⁵.

Поиск социальных лифтов стимулировал стремление к хорошему образованию. Оно давало возможности повышения общественного статуса, получения востребованной профессии, занятия престижной деятельностью не только мужчинам, но и женщинам. Уже в конце XIX в. женщины занимали заметное место среди лиц, работавших в сферах просвещения и здравоохранения в России, что требовало хорошего образования и специальной подготовки. Почти половину самарских гимназисток в 1880-е гг. составляли девочки из семей, не принадлежавших к потомственному или личному дворянству. Кроме православных, среди них были девочки из старообрядческих, католических, лютеранских, иудейских семей. Большинство выпускниц выходили из гимназии со званием домашней наставницы или домашней учительницы³⁵⁶. Это давало возможность желающим выстраивать самостоятельную жизненную траекторию.

Педагогическую подготовку получали и многие воспитанницы Самарского епархиального училища. Некоторые из бывших «епар-

³⁵⁴ Артамонова Л.М. Деятель народного образования и духовного просвещения: А.П. Херувимов в Самаре (XIX – начало XX вв.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 3. С. 38.

³⁵⁵ Артамонова Л.М. Самара – новый губернский центр. С. 16.

³⁵⁶ Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С. 53-54.

хиалок» продолжали обучение на высших женских курсах в столичных городах, становились педагогами и врачами, как, например, сестры С.А. и О.А. Преображенские³⁵⁷.

В самой Самаре для девушек имелись специальные профессиональные учебные заведения: земская школа сельских учительниц и фельдшерско-акушерская школа. Для юношей также появились училища, дававшие профессиональную подготовку. В конце 19-го столетия произошло устройство по «инициативе купеческой семьи Кирилловых учебного заведения, называвшегося то «ремесленным училищем им. Е.И. Кирилловой», то «низшей ремесленной школой им. В.Д. Кириллова». В 1879 г. было создано техническое железнодорожное училище Министерства путей сообщения»³⁵⁸. Купец П.С. Субботин в 1880 г. «получил дважды монаршую благодарность по представлению министра путей сообщения: за 1000 руб., пожертвованные на ученическую библиотеку при железнодорожном училище, и за ту же сумму на устройство в этом училище физического кабинета»³⁵⁹.

В 1900 г. начало свою работу Самарское среднее сельскохозяйственное училище³⁶⁰. Оно было открыто близ станции Кинель и положило начало современному аграрному университету.

Как установлено исследователями, «особым вниманием самарского общества и его органов самоуправления пользовались учебные заведения, находившиеся на городском содержании»³⁶¹. Число таких школ, в большинстве своем дававших начальное образование, постоянно множилось.

В феврале 1879 г. самарские начальные школы, к которым относились уездное и приходские училища, осмотрел губернатор А.Д. Свербеев вместе с директором губернских училищ, предводителем дворянства, городским врачом, полицмейстером: «Был в 4 мужских и 2 женских, все переполнены и требуют больше простора... Городские учителя хорошо оплачиваются по 500 р. и про-

³⁵⁷ Грачева О.Л. Род, семья и потомки П.А. Преображенского // Краеведческие записки. Самара, 2023. С. 355.

³⁵⁸ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 267.

³⁵⁹ Артамонова Л.М. Самара – новый губернский центр. С. 18.

³⁶⁰ Годы и события: хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1. 1850-1920 гг. Самара, 2000. С. 135.

³⁶¹ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 267.

изводят доброе впечатление, уездное училище только грязно и темнее прочих, предполагается к перестройке и переформированию в городское»³⁶².

Так и случилось, «бывшее уездное училище полностью перешло на содержание Самарской городской думы..., было преобразовано ... в городское четырехклассное училище..., имело шестилетний срок обучения, поскольку два старших класса были двухгодичными, а потому его нередко называли шестиклассным»³⁶³. Почетным смотрителем этого училища был уже не раз упоминавшийся купец П.С. Субботин.

К 1887 г. в Самаре действовали уже 9 мужских приходских училищ (8 – на содержании города, 1 – Самарского уездного земства) и 6 женских (все – городские по ведомственной принадлежности). Одно женское приходское училище было двухклассным, остальные женские и все мужские – одноклассными³⁶⁴.

Доходы Самары как губернского города позволяли содержать и больше учебных заведений, и предоставлять учителям более высокое жалованье, чем в других начальных школах губернии. В 1894-1895 гг. учителя восьми мужских и учительницы шести женских приходских училищ Самары получали по 500 руб. в год. Следует отметить равную оплату труда вне зависимости от пола. Помощницы учительниц в Самаре получали по 360 руб. Такую же сумму по 360 руб. за год получали три учителя единственного городского приходского училища в Ставрополе. В Николаевске в мужском приходском училище два учителя получали 300 и 350 руб. в год. В Бузулуке было три мужских приходских училища, где жалованье учителям составляло 400 руб. в год. В Бугульме учитель женского приходского училища получал, как и в Самаре, 500 руб., но в мужском училище там учителю платили 360 руб., а двум его помощникам – по 250 руб.³⁶⁵

³⁶² Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербева / под науч. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, М.М. Леонова. Самара, 2019. С. 76.

³⁶³ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 267-268.

³⁶⁴ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1888 год. Самара, 1887. С. 75-77.

³⁶⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 43. Д. 2. Л. 7 и об., 8об., 11, 13, 21; Д. 4. Л. 13, 29.

Сельские земские учителя получали 250 руб. жалования и имели теплое жилье в здании своей же школы, где могли продолжать при желании заниматься с детьми и после уроков, например, рукоделием и даже оставлять некоторых учеников переночевать, если была необходимость. Главной проблемой сельских школ была их переполненность. Так, в селе Борском при посещении его губернатором А.Д. Свербеевым в 1879 г. в одном помещении учитель занимался со 140 мальчиками. Впрочем, ту же картину можно было встретить и в городах. Приехав в Бузулук, губернатор А.Д. Свербеев попал «в переполненное (180 девочек) женское училище, впрочем, теплое и высокое»³⁶⁶. Вместе с тем эта теснота свидетельствовала о все большем стремлении к грамоте и знаниям как в городе, так и на селе.

Кроме земства, организаторами сельских училищ могли выступать государство (министерские школы) и церковь (церковно-приходские школы). Также они заведились на средства крестьянских общин (школы грамоты) или частных лиц, поскольку некоторые просвещенные дворяне не обходили вниманием дело народного просвещения в бывших своих крепостных имениях. С 1880-х гг. в сельской местности преимущественно открывались церковно-приходские школы.

Как правило, сельские училища были смешанными, так как содержать для деревенских мальчиков и девочек отдельные учебные заведения практически было невозможно. Так, в с. Филипповка Ставропольского уезда церковно-приходская школа была открыта в 1897 г. В 1913 г. в ней учились 34 мальчика и 16 девочек³⁶⁷.

Некоторые из сельских училищ были национальными. Например, в с. Верхнее Якушкино того же уезда 1 октября 1898 г. открылась чувашская смешанная школа грамоты. В 1913 г. в ней обучалось 48 мальчиков и 18 девочек³⁶⁸.

Большинство, как их тогда называли все вместе, начальных народных училищ были одноклассными, рассчитанными на двухлет-

³⁶⁶ Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. С. 44.

³⁶⁷ Самарская губерния: день за днем... 1896 – 1900 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2006. С. 49.

³⁶⁸ Самарская губерния: день за днем... 1896 – 1900 годы. С. 99.

ний, а иногда на трехлетний срок обучения. «Второклассные школы с четырехлетним обучением устраивались реже»³⁶⁹.

Основными предметами школьного курса в них были Закон Божий, церковно-славянская грамота, русский язык, чистописание, арифметический счет. В церковно-приходских школах обязательным предметом было также церковное пение, которому в земских и министерских школах обучали «по возможности», уделяя больше внимания предметам практического назначения: чтению, современному письму, арифметике. «Программы второго «класса» давали более обстоятельные знания по основным предметам и предусматривали введение новых дисциплин, в т.ч. основ истории»³⁷⁰.

Заведовали церковно-приходскими школами и вели уроки Закона Божьего приходские священники. На них же лежали обязанности попечения и контроля за школами грамоты. Учительницами в сельских школах нередко становились жены священников – бывшие воспитанницы епархиальных училищ и других учебных заведений³⁷¹.

Для мужчин – выпускников всех начальных народных училищ, подведомственных земству, церкви, Министерству народного просвещения «свидетельство о получении начального образования служило основанием для льгот по воинской повинности, поэтому оно выдавалось по окончании курса не всем, а только успешно выдержавшим специальные «испытания», т.е. экзамены... В школах грамоты выпускные экзамены не проводились, а желавшие получить упомянутое свидетельство могли держать их при ближайших церковно-приходских училищах»³⁷².

Число мужских приходских школ в Самаре увеличилось в 1899 г. до 12. В их числе было 9 училищ, содержавшихся городом, а также училища Самарского уездного земства, Жигулевского пивоваренного завода, Общества приказчиков. Городских женских приход-

³⁶⁹ Самарская Лука в XVI – начале XX вв. / Под общей ред. П.С. Кабытова. Самара, 1995. С. 114.

³⁷⁰ Самарская Лука в XVI – начале XX вв. С. 115.

³⁷¹ Артамонова Л.М. Летопись Благовещенской церкви села Кашпирского Монастыря (последняя четверть XIX – первая четверть XX века) как исторический источник // Центр и периферия. 2018. № 2. С. 16.

³⁷² Самарская Лука в XVI – начале XX вв. С. 115-116.

ских училищ стало восемь, включая одно двухклассное. «Новым стало появление двух смешанных приходских училищ с совместным обучением мальчиков и девочек», а «в помещении 5-го женского приходского училища и 2-го мужского работали воскресные школы для взрослых»³⁷³.

В Самаре мужская воскресная школа открылась в 1895 г. В первый год ее посещали 68 чел., через два года – 140 чел. Через три года здесь работали 6 воскресных школ: две женских, две мужских, две смешанных. Такие же школы были открыты в Ставрополе (1895) и Бугуруслане (1896)³⁷⁴.

Содержание воскресных школ выходило достаточно дешевым, так как не надо было платить зарплату учителям-добровольцам. Небольшие суммы шли в оплату за дежурства и уборку комнат сторожу, на ремонт мебели и окон, на приобретение и переплет книг для библиотеки, географических карт, учебников, карандашей, перьев, бумаги, чернил, ручек, тетрадей. Ученики могли получать книги и расходные материалы бесплатно не только на уроках, но и на дом³⁷⁵.

В последующие годы смешанные начальные приходские школы показали заметный рост, в 1904 г. их в Самаре уже было 10. В то же время среди 15 мужских училищ имелись 2 городских шестиклассных, 1 городское трехклассное, 2 земских двухклассных, 8 городских одноклассных, а также по одному одноклассному училищу содержали Общество приказчиков и Жигулевский пивоваренный завод. Из 7 женских городских приходских училищ одно было двухклассным и шесть одноклассными³⁷⁶.

Надо отметить, что учительницы женских и смешанных училищ Самары, число которых постоянно росло, не только добросовестно выполняли свои прямые обязанности, но и проявляли общественную активность. Так, в 1916 г. многие из них были поданы в списках на получение наград в числе добровольцев, «без-

³⁷³ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 271.

³⁷⁴ Абрамов Я.В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 270-271, 280, 282.

³⁷⁵ Артамонова Л.М. Трансформация социальной потребности в женском образовании в уездном городе XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 40, 43.

³⁷⁶ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 271.

возмездно третий год несущих заботы о семьях лиц, призванных на войну»³⁷⁷.

В 1900 г. в городе открылась прогимназия, которая уже на второй год своей работы была преобразована во вторую женскую гимназию³⁷⁸. Таким образом, в начале XX в. женских общественных гимназий в городе стало две.

Немного попозже была учреждена в Самаре вторая казенная мужская гимназия. В 1908 г. она разместилась в здании, первоначально построенном в 1903-1906 гг. для пансиона-приюта дворянских детей³⁷⁹.

Для подготовки преподавателей городских училищ в России учреждались средние профессиональные учебные заведения – учительские институты³⁸⁰. Один из них начал работать в Самаре 16 (29) октября 1912 г. Учительский институт являлся закрытым учебным заведением. В него принимались только мужчины, уже работающие в сфере народного образования, по результатам сдачи «предварительного испытания». В институте преподавали Закон Божий, педагогику, русский язык, арифметику, начальную алгебру, геометрию, историю русскую и всеобщую, географию русскую и всеобщую, естественную историю и физику. Курс обучения был рассчитан на три года. Статус воспитанников учительского института, возможности получения высшего образования и дальнейшей карьеры заметно уступали положению и перспективам выпускников гимназий и реальных училищ, поскольку вплоть до революционных перемен 1917 года окончившие учительский институт не имели права поступления в университеты и другие высшие учебные заведения России. Встречающиеся в самарском краеведении утверждения, что учительский институт сам являлся высшим учебным заведением и что в него принимали девушек, не имеют под собой оснований³⁸¹.

³⁷⁷ ЦГАСО. Ф. 833. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 и об.

³⁷⁸ Годы и события: хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1. С. 135, 141.

³⁷⁹ Культурное наследие Самарской области Т.1. Объекты архитектурного наследия. Самара, 2020. С. 311-312.

³⁸⁰ Колпаков А.Н. Педагогическое образование в Самаре. История высшей школы Самары. Кн. 3. Самара, 2010. С. 185.

³⁸¹ Артамонова Л.М. Открытие в Самаре в 1911 году учительского института как среднего профессионального учебного заведения // Самарский край в истории России: сб. материал. Межрегион. науч. конф. Самара, 2012. С. 123-125.

В первый год из 200 чел., подавших заявления о приеме в учительский институт, и из 128 чел., допущенных к вступительным испытаниям, было отобрано 42 чел. Принятые на обучение в подавляющем большинстве происходили из крестьян, но также были отдельные выходцы из духовенства и горожан. Средний возраст учащихся составил чуть более 23 лет, пятеро из них были женаты. Опыт педагогической работы у основной части поступивших был связан с сельскими школами³⁸².

Наряду со светскими в Самаре функционировали училища духовного ведомства и традиционные религиозные школы. Преимущественно для обучения детей православных священников и церковнослужителей работали духовная семинария и духовное училище (для мальчиков) и два епархиальных училища для девочек. Впрочем, к концу XIX – началу XX вв. учебные заведения ведомства православной церкви были достаточно модернизированы, отличаясь от общеобразовательных светских средних и начальных школ лишь особым вниманием к предметам духовно-вероучительного характера и более строгими правилами внутреннего распорядка, свойственными закрытым учебным заведениям. Существовали также начальные школы при католическом костеле и лютеранском приходе.

Больше традиционных средневековых черт сохраняли мусульманские и иудейские религиозные школы. Избранный и утвержденный самарским муллою в 1888 г. Ш.Х. Минюшев открыл в городе мектебе (начальную школу для татарских детей) и медресе (среднюю школу, которая могла готовить также мулл и учителей). Через 25 лет к 1913 г. из медресе вышло 737 учеников, из них 30 стали муллами в разных местах, и все они открыли в своих приходах мектебе для детей³⁸³.

В 1902 г. губернские власти утвердили Хозяйственное правление при Самарском еврейском молитвенном доме. Это позволило иудейской общине упорядочить внутреннюю религиозную жизнь, которая, по признанию прихожан, до тех пор «была основана на постоянной партийности и раздорах, отчего общественное дело не

³⁸² ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 10. Л. 22-23.

³⁸³ Классика Самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека К.П. Головкина) / сост. Г.В. Галыгина, П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман. Самара, 2007. С. 232.

двигалось вперед», и начать наводить порядок с обучением детей «закону веры» в школе «Талмуд-Тора». Последняя тоже поначалу «находилась вне всякого ведения и общественного контроля», но была поднята усилиями прихожан и приезжего «известного гебраиста» (знатока Священного Писания и древнееврейского языка) до уровня образцового еврейского «хедера» (традиционной начальной школы). Вместе с тем все больше еврейских интеллигентов, торговцев, ремесленников желали расширить возможности дать своим детям среднее и высшее образование на русском языке, которым не все из них хорошо владели. В 1910 г. открылось Самарское отделение «Общества для распространения просвещения между евреями в России». Оно уделяло основное внимание перестройке начального обучения на принципах школы национальной (но с обязательным основательным изучением русского языка) и трудовой (вместо отвлеченно-религиозной)³⁸⁴.

Тенденции к замене или дополнению религиозного образования более современным проявлялись и среди самарских татар. В 1913 г. в Самаре было разрешено открыть 4 русско-татарских школы на 160 учеников обоего пола³⁸⁵. Создание школ, где вместе с языками народов России преподавался и русский, способствовало сближению этих народов. Не случайно, наряду с русскими учителями и учительницами в 1916 г. были представлены к наградам как активные добровольные сотрудники «городских попечительств по заведыванию призрением семейств жителей Самары, призванных на войну» заведующий 2-м русско-татарским училищем М.М. Туктамышев и мулла Галлиулла Баттало³⁸⁶.

В Самаре на рубеже XIX-XX вв. имелись также особые учебные заведения для специальных контингентов воспитанников и учащихся. В их числе были: «Мариинский приют детей воинов, Николаевский сиротский дом, Приют для детей-сирот духовного звания имени Преосвященного Гурия, Алексеевский детский приют ведомства учреждений Императрицы Марии, Ремеслен-

³⁸⁴ Артамонова Л.М. Общественные усилия по развитию образования и социализации евреев в провинциальной России начала XX в. // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материал. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2019. С. 366.

³⁸⁵ Классика Самарского краеведения. Антология. Вып. 3. С. 233.

³⁸⁶ ЦГАСО. Ф. 833. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 и об.

ный приют-училище того же ведомства, Училище для слепых детей»³⁸⁷.

Накануне Первой мировой войны в 1914 г. в Самарской губернии функционировали 2997 учебных заведений, из них 141 в Самаре, 100 – в уездных городах, 2756 – в селениях различных уездов. За один прошедший год число школ и училищ увеличилось на 381. Всего обучалось 256323 чел. обоего пола, за год число обучающихся возросло на 32161 чел. Соотношение полов среди учащихся не было адекватно составу населения, но проявляло тенденцию к выравниванию: 168667 учеников (66%) и 87656 учениц (34%)³⁸⁸.

Рост числа школ и учащихся вел к качественным улучшениям в состоянии образованности населения в целом. Если грамотными в Самаре среди взрослых в 1897 г. были менее половины жителей, то уже более 90% всех детей в возрасте от 8 до 11 лет училось в разных школах, а среди более старших многие продолжали образование в средних и специальных учебных заведениях³⁸⁹.

Результаты развития народного образования впечатляли и абсолютными цифрами, и самим фактом стремительного роста числа школ и учеников. Это позволило поднять в начале XX в. вопрос о введении в России всеобщего начального обучения, одним из инициаторов обсуждения которого стала общественность Самарской губернии³⁹⁰.

Немало выпускников самарских учебных заведений продолжало обучение в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга, Москвы, Казани и других городов. Выше говорилось о выдающихся выпускниках реального училища и семинарии, но этот список могут пополнить и ученики самарской гимназии, например закончивший ее с золотой медалью в 1891 г. будущий академик, видный геолог и зоолог, основатель и первый директор Палеонтологического института АН СССР А.А. Борисяк³⁹¹.

³⁸⁷ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 272.

³⁸⁸ Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916. Отдел статистический. С. 36.

³⁸⁹ Самарская область. 3-е изд. / сост. Э.Я. Дмитриева, П.С. Кабытов. Самара, 2001. С. 395.

³⁹⁰ Чирков М.С. Земство и власть в Российской империи 1890-1916 (по материалам Самарской губернии). Самара, 2006. С. 139-140.

³⁹¹ Труды Палеонтологического института. Т. XX. Памяти академика А.А. Борисяка / отв. ред. Д.В. Обручев. М.-Л., 1949. С. 5.

Установлено, что «с 1877 по 1916 г. не было ни одного года, чтобы среди выпускников старейшего в России Московского университета не оказалось бы уроженцев Самарской губернии»³⁹². Подсчитано, что за 1877-1904 гг. всего таких выпускников оказалось 134 чел.³⁹³

Стремление самарской молодежи к высокому знанию и большой науке поддерживало Самарское общество поощрения образования³⁹⁴. Из собранных этим обществом средств оказывалась материальная помощь тем, кто имел право по окончании различных школ на поступление в высшие учебные заведения, но не мог им воспользоваться по бедности. Ведь из-за отсутствия таких заведений в Самаре молодым людям надо было продолжать обучение в университетах и институтах Москвы, Казани, Санкт-Петербурга, других городов, что требовало серьезных расходов.

В 1914 г. император Николай II подписал указ об открытии в Самаре Политехнического института, но реализация этого указа была прервана в связи с начавшейся Первой мировой войной. Весной 1917 года в Самаре был открыт Педагогический институт, в июле 1918 г. Комитет членов Учредительного собрания и самарское губернское земство инициировали создание Самарского университета, существование которого затем было подтверждено установившейся в этом крае советской властью³⁹⁵.

Впрочем, и среди тех самарских школьников, кто не смог в силу жизненных обстоятельств получить высшее и даже полное среднее образование, были люди незаурядные, нашедшие проявление своим способностям и талантам, чему есть яркие примеры. В 1914 г. Н.И. Кочуров, 15-летний «самарский мещанин» (его отец был ломовым извозчиком – «крючником»), закончил обучение в Самарском городском двухклассном земском приходском училище. Учеба была успешной, и юноша получил в итоге по всем предметам

³⁹² История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 272.

³⁹³ Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Уроженцы Самарской и Симбирской губерний – выпускники и студенты Московского университета (1877-1917 гг.) // Самарский земский сборник. 2009. № 1. С. 36-37.

³⁹⁴ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1890 год. Самара, 1889. С. 150-151.

³⁹⁵ Энциклопедия Самарской области. Т. 5. Самара, 2012. С. 122.

только «хорошо» и «отлично»³⁹⁶. Продолжив свое образование, он в 1916 г. «окончил полный курс учения в Самарском третьем высшем народном имени И.С. Тургенева училище» (это приравнивалось к окончанию четвертого класса гимназии). Повзрослевшему молодому человеку приходилось в свободное время зарабатывать на жизнь, в том числе рабочим на военном Трубочном заводе, видимо, поэтому успехи в учебе стали хуже. Почти по всем предметам, в том числе по «русскому языку и русской словесности» в аттестате стояла оценка «удовлетворительно», хотя уже в юности он увлекся сочинительством. Правда, в училище он дополнительно в качестве необязательного предмета обучался «бухгалтерии», а поэтому по «арифметике и началам алгебры» имел единственную оценку «хорошо»³⁹⁷. В бурном 1917 г. он стал служить счетчиком в Самарском губернском продовольственном комитете, вступил в партию большевиков и Красную гвардию, занялся журналистикой и агитационной деятельностью. В дальнейшем литературная работа стала для него основным делом, под псевдонимом Артем Веселый он получил известность как писатель, прежде всего, благодаря своей книге «Россия, кровью умытая», рассказывавшей о Гражданской войне³⁹⁸.

Успехи в деле просвещения в Самарской губернии дополнялись другими достижениями в сфере культуры. Если первая типография в крае появилась только в связи с открытием Самарской губернии в 1851 г., то всего за вторую половину XIX – начало XX в. в издательствах и типографиях этой губернии было опубликовано, по подсчетам исследователей, 6113 книг и брошюр. Большинство из них (5100) напечатано в губернском городе. Остальные вышли в свет в других населенных пунктах губернии, где также появились свои типографии: уездных городах Бугульме, Бугуруслане, Бузу-

³⁹⁶ Свидетельство из семейного архива любезно представила Л.М. Артамоновой внучка Е.В. Говор.

³⁹⁷ ЦГАСО. Ф.307. Оп.1. Д. 28. Л. 47.

³⁹⁸ Говор Е.В. Мой дед Артем Веселый: путешествие по следам предков // Реки огненные Артема Веселого. Проблемы изучения биографии и творчества: К 90-летию профессора В.П. Скобелева. Самара, 2021. С. 42-43; Левин С.Х. Артем Веселый. Начало творческой биографии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19. № 1. С. 87.

луке, Николаевске, Новоузенске, Ставрополе, поселке Иващенко (ныне город Чапаевск), посаде Мелекес (ныне город Димитровград), слободе Покровской (ныне город Энгельс), селах Балаково и Екатериненштаде (ныне города Балаково и Маркс)³⁹⁹.

Во второй половине 19-го столетия в Самаре выходил журнал «Самарские епархиальные ведомости», а при губернском правлении выпускалась газета «Самарские губернские ведомости». Городской управой издавался с 1897 г. «Самарский листок объявлений»⁴⁰⁰. Частным изданием была «Самарская газета»⁴⁰¹. В 1895–1896 гг. ее сотрудником был А.М. Горький, который и «после отъезда из Самары ... продолжал публиковаться в местных изданиях»⁴⁰².

В начале XX в. количество частных периодических изданий стало расти. С 1904 г. по 1906 г. выходил «Самарский курьер»⁴⁰³. За ним в годы первой русской революции (1905-1907), а затем в период «думской» или «третьейиюньской» монархии появляются другие независимые от властей газеты, выражавшие различные политические позиции. В 1907 г. в Самаре издавались шесть журналов и одиннадцать газет⁴⁰⁴.

Так, газетой партии кадетов стал «Волжский день», а ее издателем С.А. Елачич, в собственной типографии которого на Дворянской улице, она и печаталась⁴⁰⁵. Он был потомком выходцев из Хорватии, двоюродным братом и другом композитора И.Ф. Стравинского, семья которого часто гостила у Елачичей в селе Павловке

³⁹⁹ Курмаев М.В., Машенцева Л.П. Самарская книга второй половины XIX – начала XX вв.: сводный каталог-репертуар. Самара, 2013. С. 5.

⁴⁰⁰ Годы и события: хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1. С. 125.

⁴⁰¹ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. Самара, 1899. С. 243.

⁴⁰² История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 274.

⁴⁰³ Газеты дореволюционной России. 1703-1917. Каталог. СПб., 2007. С. 323.

⁴⁰⁴ Герасимчук И.В. Г.А. Вяткин в газете «Волжское слово»: «самарский период» сибирского публициста // Сфера культуры. 2024. № 2 (16). С. 35.

⁴⁰⁵ Перепелкин М.А. Утром в газете, вечером в куплете: какие газеты читали доктор Булавин и подполковник Рошин? («Волжский день») // Литература. Театр. Слово. Духовно-эстетический опыт эпохи. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2019. С. 199.

Самарской губернии. Там молодые люди, «подрастая, виделись на семейных празднествах, играли, ставили летом спектакли...»⁴⁰⁶

Более левой в политических предпочтениях было «Волжское слово», которое, наряду с либералами, часто предоставляло страницы сторонникам радикальных социалистических течений, поэтому, например, считалось «близким к эсерам»⁴⁰⁷. Она являлась «крупным для провинции изданием, пользовавшимся популярностью и влиянием в регионе, выражая мнение немалой части читающей публики». Одним из ведущих авторов этой газеты был сосланный в Самару большевик А.И. Свицерский, подписывавшийся псевдонимом «Н. Северский» и впоследствии ставший «видным советским работником и дипломатом, с почетом похороненным у Кремлевской стены»⁴⁰⁸. Газета резко критиковала внешнюю политику правителей царской России и других великих держав, милитаризм, национализм еще до Первой мировой войны⁴⁰⁹, а после ее начала по результатам своих поездок на фронт «для раздачи подарков» солдатам секретарь редакции Свицерский позволял, о чем доносили жандармам, «распространять среди жителей гор. Самары слухи» о наличии в армии антивоенных настроений⁴¹⁰.

Среди горожан разного социального положения росла популярность публичной библиотеки, открытой в 1860 г. в Самаре. В 1893 г., книги и журналы из нее брали на дом 1203 чел. Среди них было 308 дворян и чиновников, 317 купцов, мещан и ремесленников,

⁴⁰⁶ Стравинская К.Ю. О И.Ф. Стравинском и его близких. М., 1978. С. 210-211.

⁴⁰⁷ Герасимчук И.В. Г.А. Вяткин в газете «Волжское слово». С. 35.

⁴⁰⁸ Смирнов Ю.Н. Глобальные предупреждения провинциального журналиста: публикации Н. Северского (А.И. Свицерского) в период Балканских войн (1912-1913 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. № 2. С. 145, 147.

⁴⁰⁹ Артамонова Л.М. Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912-1913 // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сб. мат. Всерос. науч. конф., приурочен. к 100-лет. начала Первой мировой войны. Самара,. 2014. С. 16-17.

⁴¹⁰ Семенова Е.Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 гг.): сб. док. и мат. Самара, 1911. С. 509.

56 крестьян, 38 лиц духовного звания, 125 учеников и учениц⁴¹¹.

Публичная библиотека охватывала не весь круг потенциальных читателей Самары. Наряду с ней в городе в конце XIX – начале XX вв. работали частные библиотеки книготорговца Н.М. Федорова и Н.И. Громова. Были библиотеки при учебных заведениях. Свои книжные собрания и собственных читателей имели Благородное, Коммерческое и Офицерское собрания, а также Собрание служащих в правительственных и общественных учреждениях, Общество вспоможения приказчиков и Комитет о народной трезвости⁴¹².

В расчете на мещанско-ремесленное население городов и крестьян в сельской местности складывались две параллельных системы небольших народных библиотек и читален. Одна была организована земством и преимущественно отражала либеральные устремления их организаторов-интеллигентов. Другая формировалась попечительствами о народной трезвости, следовала религиозно-монархическим настроениям местного духовенства, церковных активистов и землевладельцев. В 1915 г. городская дума Самары приняла решение об открытии пяти публичных библиотек на городских окраинах, в пригородных поселках и слободах в качестве одной из мер «борьбы с алкоголизмом населения»⁴¹³.

Всего же, по данным на 1915 г., в Самарской губернии было 282 народных библиотек и читален. Это значительно превышало количество таких библиотек в соседних Симбирской (157) и Пензенской (71) губерниях⁴¹⁴.

Еще одним важным путем приобщения к художественной литературе и книжной культуре стали народные чтения, которые, начи-

⁴¹¹ Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.) Самара, 2008. С. 192; Завальный А.Н., Завальная Л.Г. Исторический очерк // Самарская областная универсальная научная библиотека: энциклопедия. Самара, 2009. С. 16-17.

⁴¹² Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 246; Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара, 1905. С. 169.

⁴¹³ Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг.: сб. документов / Отв. сост. О.В. Зубова. Самара, 2014. С. 618.

⁴¹⁴ Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Пензенской, Симбирской и Самарской губерний): дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2010. С. 541.

ная с 1870-х гг. получили официальный статус во всероссийском масштабе. Их проведение регулировалось законодательно, находилось под контролем постоянной комиссии при Министерстве народного просвещения, утверждавшей и издававшей тексты для чтений, изготавливавшей «туманные картинки»-диапозитивы для показа слушателям. В ходе мероприятия специальный чтец производил текст, ему помогали с помощью «волшебного фонаря»-проектора демонстрировать относящиеся к тексту иллюстрации, и людям неграмотным, малограмотным и просто желавшим услышать художественный или познавательный материал в профессиональном исполнении предоставлялась возможность приобщиться к этому материалу. Это стало как распространенной обучающей практикой, так и «новым дешевым досугом, формой полезного и массового развлечения»⁴¹⁵.

Основную часть текстов на народных чтениях составляли художественные произведения. Их дополняли специально написанные тексты просветительного и воспитательного характера, среди которых «можно выделить три ключевых тематических блока... тема трезвости, тема гигиены и физического здоровья, а также тема любви к ближнему, за которой стоят как политические, так и экономические мотивировки. Именно эти темы сформировали официальный нравоучительный дискурс, ставший в результате влиятельным инструментом «мягкого» государственного контроля и формирования народного читателя»⁴¹⁶. Действительно, «постепенно устройство народных чтений стало частью жизни простого народа... Они вызывали интерес и любовь к самостоятельному чтению у простого народа, поднимали нравственный уровень, воспитывали чувства и вкусы населения ... после посещения чтений население обращалось за литературой в библиотеки или приобретало выпущенные брошюры»⁴¹⁷.

⁴¹⁵ Агафонова Я.Я. Литература для народа и центральная аудитория для народных чтений как государственный просветительский проект во второй половине XIX века // Новое литературное обозрение. 2022. № 3 (175). С. 79.

⁴¹⁶ Агафонова Я.Я. Литература для народа. С. 80.

⁴¹⁷ Кузьмина Н.Г. Издательская деятельность постоянной комиссии по устройству народных чтений. «История книги» И.П. Хрущова // Библиосфера. 2014. № 3. С. 51.

Спецификой организации народных чтений в Самарской губернии было активное участие земских деятелей и специалистов, ставшихся дать слушателям практические знания. Исследователи отмечают, что здесь «особенное развитие получили сельскохозяйственные народные чтения, являвшиеся прямой задачей земского агрономического персонала»⁴¹⁸.

История организации народных чтений в губернии берет начало 12 февраля 1893 г., когда с прошением о разрешении их проведения с использованием «волшебного фонаря» к губернатору обратились представители общественности Самары. Среди их инициаторов были врач В.О. Португалов, статистик и краевед И.М. Красноперов, педагог А.Р. Данненберг, межевой инженер А.Н. Борисяк (отец будущего академика-палеонтолога), детская писательница А.Л. Толстая (мать будущего писателя – автора «Буратино» и «Петра Первого»). Спустя месяц 14 марта состоялись первые народные чтения. Лекции прочли Данненберг («О Кольцове»), Красноперов («Татарский погром»), преподаватель истории и географии в реальном училище Богатырев («Александр Невский»). Чтения прошли дважды в течение дня: утром в помещении городской Думы, а вечером в Коммерческом собрании. На них присутствовали 144 слушателя, что заставило искать более просторные помещения. 18 марта организаторы чтений попросили Самарскую городскую управу о «дозволении им устроить народные чтения в городском театре». Вместить всех желающих, как оказалось, можно было только в самом большом зале города, расположенном в театральном здании. 30 марта народные чтения были проведены уже в этом помещении, благодаря чему на них могло присутствовать 655 чел. С тех пор число слушателей на каждом чтении исчислялось сотнями, а нередко превышало тысячу. Иногда они проводились в здании городской думы для меньшего числа слушателей, как это было 28 ноября 1893 г., когда на лекции директора реального учили-

⁴¹⁸ Турганова О.В. Земская культурно-просветительская деятельность как попытка модернизации крестьянской жизни в конце XIX – начале XX веков (на примере Самарской губернии) // Модернизация культуры: знание как инструмент развития. Материалы VII Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2019. Ч. 1. С. 333.

ща А.П. Херувимова «Император Александр Благословенный» присутствовало 100 чел.⁴¹⁹

Всего же 10 народных чтений в 1893 г. посетили 13 264 чел., а 1894 г. на 19 чтениях «присутствовали 14 733 посетителя». В 1895 г. таких чтений было проведено 28, а количество слушателей составило 23 617 чел.⁴²⁰ В том же году по разрешению министра народного просвещения в помещении депо станции Самара была организована еще одна площадка для проведения «в мастерских Самаро-Златоустовской железной дороги народных чтений с туманными картинами». Постепенно народные чтения стали проводиться и в других селениях Самарской губернии. Так, открытые осенью 1894 г. при школе в с. Кичуй Ставропольского уезда «народные чтения религиозно-нравственного содержания ... сопровождалось показыванием туманных картин и пением хора певчих под управлением диакона Ермолова»⁴²¹.

В декабре того же 1894 г. члены училищного совета Ставрополя возбудили ходатайство о предоставлении права устраивать «народные чтения» в их городе. Однако, их открытие здесь состоялось через год – в декабре 1895 г.: «За вход на чтения платы не установлено, ... чтения было намечено устраивать по воскресным дням и праздникам, в вечернее время, когда народ идет в пивные и трактиры... Первое чтение имело неожиданный успех в смысле большого наплыва публики. Вся аудитория была битком набита и часть публики из народа вынуждена была стоять». Схожая картина наблюдалась на народных чтениях «с туманными картинами», начавшихся в конце 1895 г. в самарском пригороде Алексеевске. Местная пресса сообщала: «Народу набралось столько, что большая половина не могла поместиться в аудитории. Внимание слушателей не ослабевало до самого конца. В заключение посетители благодарили за чтение и просили продолжать и на будущее время. Через два дня происходило чтение специально для учащихся в помещении земской школы. Вечер прошел прекрасно, и учащиеся

⁴¹⁹ Самарская губерния: день за днем... 1891 – 1895 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2004. С. 100, 102-103, 117.

⁴²⁰ Самарский вестник. 1896. 27 февраля.

⁴²¹ Самарская губерния: день за днем... 1891 – 1895 годы. С. 141, 173, 180.

остались очень довольны. Взрослые настолько заинтересовались вечером, что старались силой пробраться в школу»⁴²².

Мало чем отличались описания ситуации на народных чтениях в сельской местности, где вообще не было подходящих помещений для больших собраний. Многие, желавшие присутствовать на чтениях, не могли на них попасть из-за отсутствия места. К началу 1898 г. «народные чтения» были организованы уже в 85 селениях губернии⁴²³.

В Самаре для привлечения публики народные чтения приобретали все большую зрелищность за счет насыщения их театрализованным действием и появления в их программе «музыкальной части». Так, 11 января 1899 г. в ходе чтений были прочитаны рассказы Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» и И.С. Тургенева «Певцы» с былинной «Садко» в переложении А.К. Толстого. Вместе с ними прозвучали трио скрипки, виолончели, пианино из сочинений Гайдна и несколько произведений, исполненных «хором любителей при участии слепых мальчиков». При этом в Самаре взималась плата за вход со слушателей, поскольку была задействована инфраструктура и обслуга театрального здания, впрочем, эта плата была небольшой, и с 1207 посетителей в тот день было получено 47 руб. 36 коп.⁴²⁴ Обычная цена билета на народные чтения составляла 5 коп. с человека⁴²⁵. Однако много билетов раздавалось бесплатно.

Так, в 1899 г. было продано 105 билетов в ложи, 174 – в кресла первого ряда партера, 4256 – в кресла остальных рядов, 1930 – в амфитеатр. Еще больше мест было предоставлено без платы: 381 в ложах, 2 в первом ряду партера, 233 в остальных рядах, 447 в амфитеатре и самое большое число 6838 – «на балконе и галерее», куда платные билеты вовсе не продавались⁴²⁶. Именно о бесплатных и дешевых билетах говорилось в отзывах посетителей чтений,

⁴²² Самарский вестник, 1896. 2 марта

⁴²³ Самарская газета. 1898. 21 марта.

⁴²⁴ Отчет по устройству народных чтений и литературных утр в г. Самаре за 1899 г. Самара, 1900. С. 2.

⁴²⁵ «Читателя найду в потомстве я...» Документы личного фонда краеведа Н.П. Аннаева. Самара, 2022. С. 193.

⁴²⁶ Отчет по устройству народных чтений и литературных утр в г. Самаре за 1899 г. С. 16.

жаловавшихся на то, что «очень трудно доставать билеты, так что замучаешься», или в их же репликах, что, мол, «еле-еле достали билеты, и если бы не достали, то бы так пролезли»⁴²⁷.

Народные чтения, проводившиеся под названием «литературное утро», являлись бесплатными и, в основном, рассчитанными на учащихся. Они часто приурочивались к торжественным событиям. Таковыми были, например, «литературные утра», проведенные 4 и 5 мая 1896 г. в ознаменование коронации императора Николая II. По такому случаю на них силами преподавателей и учащихся музыкальных классов были поставлены сцены из оперы М. Глинки «Жизнь за царя»⁴²⁸. «Литературное утро» 28 января 1896 г. было организовано «в память 50-летия литературной деятельности Ф.М. Достоевского»⁴²⁹.

7 ноября 1899 г. специальной музыкальной части с выступлением артистов в народных чтениях не было. Зато публике после прочтения поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри», сказки «Горе» из сборника Афанасьева, лекции «Кровообращение» из цикла «О человеке» и показа «большой серии раскрашенных картин», было «дано объяснение а) об устройстве слухового аппарата человека и б) о происхождении звука и идеи устройства аппаратов, воспринимающих человеческую речь, пение и музыку». После всех пояснений, которые сделал преподаватель реального училища В.В. Кожевников, собравшимся была продемонстрирована техническая новинка под названием «граммофон» с пластинками, «посредством которого передано 12 пиес». Новое устройство настолько понравилась слушателям (их в тот день собралось 1124 чел.), «что аплодисментам на «бис» не было конца»⁴³⁰. Несомненно, что такие публичные демонстрации способствовали скорому внедрению граммофонных записей в повседневный быт.

Постепенно разворачивалась наряду с научно-просветительской и историко-краеведческая деятельность в виде материалов по

⁴²⁷ Отчет по устройству народных чтений и литературных утр в г. Самаре за 1899 г. С. 19.

⁴²⁸ Отчет по народным чтениям в гор. Самаре за 1 половину 1896 г. Самара, 1896. С. 9-11.

⁴²⁹ Самарская губерния: день за днем... 1896 – 1900 годы. С. 10.

⁴³⁰ Отчет по устройству народных чтений и литературных утр в г. Самаре за 1899 г. С. 13-14, 18.

истории, этнографии, географии, статистике, культуре Самарского края, которые собирались и публиковались губернским статистическим комитетом, сыгравшим роль «первого научно-практического учреждения в регионе»⁴³¹. Эти и другие материалы использовал и дополнил видный администратор, общественный деятель и краевед П.В. Алабин. Результатом его работы стал выход в свет в 1877-1887 гг. первых двух обобщающих трудов по истории и статистике Самары, «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» и «Трехвековая годовщина города Самары». Они «стали своеобразными энциклопедиями самарского краеведения и до сих пор остаются ценными историографическими источниками»⁴³².

Усилиями же Алабина в Самаре был создан первый публичный музей. План его устройства «был выработан в 1880 г., но понадобились годы на постепенное формирование его коллекций»⁴³³.

Свой музей также организовало Самарское губернское земство. В нем имелись естественноисторический и сельскохозяйственный отделы⁴³⁴.

22 апреля 1914 г. начала свою деятельность Самарская губернская ученая архивная комиссия. Ее председателем (*номинальным – авт.*) стал предводитель самарского дворянства граф М.Н. Толстой (брат писателя А.Н. Толстого), а секретарем (*фактическим руководителем – авт.*) – выдающийся архивист и организатор музейного дела князь С.А. Хованский. В подарок образованной при нем библиотеке свои многочисленные издания прислали Императорское русское историческое общество, архив Государственного совета, Постоянный Совет объединенных дворянских обществ⁴³⁵.

Все большую роль в жизни общества играл театр. В 1887-1888 гг. на средства города по инициативе П.В. Алабина и тех гласных Самарской городской думы, которые представляли образован-

⁴³¹ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 273.

⁴³² Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Кабытова Н.Н., и др. Изучение истории Самарского края XVI – начала XX вв.: историографический обзор // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 2. С. 10.

⁴³³ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 274.

⁴³⁴ Каталог естественноисторического и сельскохозяйственного музея Самарского Губернского Земства. Самара, 1913. 70 с.

⁴³⁵ Самарская губерния в годы Первой мировой войны. С. 613.

ную часть общества, было построено каменное здание театра, возведенное «в русском стиле» по проекту выдающегося архитектора М.Н. Чичагова. Был реализован достаточно дорогой и амбициозный проект театра. В нем было 1123 места для зрителей. Было применено передовое для того времени освещение сцены электричеством, а зала — газовыми светильниками. Это «делало помещение более чистым, светлым и безопасным в пожарном отношении»⁴³⁶.

Театральные постановки освещались в самарской прессе. Среди авторов рецензий были зрелые критики и опытные театралы, которые в газетных публикациях старались отразить «значимость произведений, по которым были поставлены пьесы, ... обстоятельства и стиль постановки, атмосферу спектакля ..., много ли было зрителей, как они принимали артистов»⁴³⁷.

Одним из условий успеха у самарской публики как любителей-ских, так и профессиональных театров, трупп, антреприз было включение в их репертуар музыкально-драматических спектаклей. Вслед за водевилями с отдельными легкими вокальными номерами местная публика осваивала репертуар оперетты и настоящей оперы.

23 мая 1887 г. в Самаре побывал П.И. Чайковский, который плыл на пароходе по Волге. Сойдя на берег, он был приятно удивлен, что по городу были везде расклеены афиши о постановке в местном театре оперы «Евгений Онегин» силами гастролировавшей здесь частной оперы В.Н. Любимова. Композитор также с удовольствием прослушал церковный хор в местном единоверческом храме, отметив «оригинальное пение», которое ему очень понравилось, и в хорошем настроении сделал в дневнике вывод: «Город хоть куда»⁴³⁸.

В самарском театре в 1891 г. была поставлена самая известная опера польского композитора С. Монюшко «Галька». В тот же сезон на его сцене были показаны опера А.Н. Верстовского «Аскольдова могила» и оперетта И. Штрауса «Цыганский барон»⁴³⁹.

Кроме собственно здания городского театра, в Самаре имелись другие капитальные сооружения для спектаклей и зрелищных представлений, для исполнения хоровой и инструменталь-

⁴³⁶ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 276-277.

⁴³⁷ Герасимчук И.В. Г.А. Вяткин в газете «Волжское слово». С. 36.

⁴³⁸ «Читателя найду в потомстве я...» С. 190.

⁴³⁹ Самарская газета. 1891. 15 января, 15 февраля, 16 февраля.

ной музыки: Народный Дом им. А.С. Пушкина (открыт в 1903 г.) и театр-цирк «Олимп» (построен в 1907 г.). Для драматических постановок и музыкальных концертов использовались актовые залы гимназий и других учебных заведений, различных обществ и клубов, например, Благородного и Коммерческого собраний. Профессиональный театр стимулировал театральное любительство. «В Самаре пользовался популярностью Общедоступный театр при Комитете попечительства о народной трезвости, при котором был также организован Музыкальный любительский кружок»⁴⁴⁰. Театральное любительство уже не ограничивалось кругом дворян, чиновников и интеллигентов. Так, в 1916 г. в селе Хрящевка Ставропольского уезда была поставлена самодеятельным театром пьеса Островского «Гроза», а директор военного Трубочного завода обратился к самарскому губернатору «с просьбой разрешить показ спектакля, поставленного рабочими завода»⁴⁴¹.

Самара также тепло приветствовала артистов, приезжавших на гастроли. В их числе здесь побывали и звезды первой величины, в том числе великий певец Ф.И. Шаляпин, выдающийся композитор и пианист А.Н. Скрябин⁴⁴².

Самара стала одним из первых городов, где в 1891 г. дал концерты оркестр русских народных инструментов под управлением В.В. Андреева, который тогда выступал под названием «санкт-петербургского кружка артистов на балалайках»⁴⁴³. Приезд их в Самару был явно не случайным. Дело в том, что первое документально подтвержденное выступление перед публикой самого Андреева, первого профессионального виртуоза игры на возрожденном им народном инструменте, состоялось 26 июля 1884 г. на самарской «даче Е.Н. Аннаева» – известной на всю Россию кумысолечебнице. В тот день Андреев также принял участие в любительском спектакле-водевиле отдыхающих в этом самарском санатории⁴⁴⁴.

⁴⁴⁰ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 277.

⁴⁴¹ Самарская губерния в годы Первой мировой войны. С. 631-632.

⁴⁴² Цветова Е.М. Возрожденный «Олимп»: из истории музыкальной жизни Самары-Куйбышева. Самара, 1991. С. 7-27.

⁴⁴³ Самарская губерния: день за днем... 1891 – 1895 годы. С. 16.

⁴⁴⁴ Полевая М.В. Просветительская деятельность В.В. Андреева на рубеже XIX-XX // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 4. С. 334.

Дорогу в Самару оркестр Андреева не забывал и в дальнейшем. Так, 22 июня 1895 г. он вновь выступил в городе в одном из лучших концертных залов, который находился в Коммерческом собрании⁴⁴⁵.

Наиболее престижные и комфортабельные санаторно-курортные заведения Самарского края, каковыми являлись противотуберкулезные кумысные лечебницы в окрестностях губернской Самары и уездного Ставрополя, обязательно занимались проведением для пациентов и просто отдыхающих культурных мероприятий: вечеров, концертов, спектаклей. Для этого в них устраивались парки, курзалы с роялями и сценой⁴⁴⁶.

Кроме балалайки, самарская публика была среди первых слушателей, оценивших еще один инструмент, ставший символом русской музыки. Переехавший из Тулы в Самару мастер П.Л. Чулков воплотил здесь в 1897 г. идею «создания хроматической гармоник»⁴⁴⁷. После доработки строя и конструкции этого инструмента в петербургской мастерской П.Е. Стерлигова в 1904-1907 гг. он получил название «баян» в честь древнерусского певца и музыканта, упомянутого в «Слове о полку Игореве». Известно, что 21 ноября 1899 г. на сцене самарского театра Чулковым были исполнены вальс «Страдание» Ивановича и песня «Ночка» Фарского «на хроматической концертной, собственного производства гармонике»⁴⁴⁸.

На этом выступлении в рамках музыкальной части народных чтений присутствовали 1418 человек, которые были поражены услышанным. По оценке современников, Чулков «доказал, что гармоника в руках умелого мастера-виртуоза далеко незаурядный музыкальный инструмент... произвел восторг, не поддающийся

⁴⁴⁵ Самарская губерния: день за днем... 1891 – 1895 годы. С. 171-172.

⁴⁴⁶ Зубова О.В. Приятно и полезно (из истории кумысолечения Самарской губернии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 2 (10). С. 14-15, 17-19; Кумысо-водолечебное заведение «Аннаево» // Нива. 1896. Т. 56. № 33. С. 836-837.

⁴⁴⁷ Озеров С.А. Гармонико-баянное искусство Нижегородской области: становление, развитие, современное состояние: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Нижний Новгород, 2017. С. 13.

⁴⁴⁸ Отчет по устройству народных чтений и литературных утр в г. Самаре за 1899 г. С. 14-15.

описанию, аплодисментами ... был бесконечное число раз вызван»⁴⁴⁹.

Музыка непременно звучала в самарских школах. В приходских и других начальных училищах ученики постигали азы не только грамоты, но и пения. Часто школьный хор исполнял достаточно сложные произведения именитых композиторов. Все торжества, проводившееся в учебных заведениях, включали в свою программу «исполнение хоровых и других музыкальных произведений, относящихся к ее событиям, юбилейной кантаты»⁴⁵⁰.

Средние школы города, особенно реальное училище, славились преподавателями музыки, талантливыми учениками и их музыкальной подготовкой, как вокальной, так и инструментальной. 17 сентября 1889 г. в реальном училище вводится обучение музыке, а уже 18 марта 1890 г. в зале при квартире губернатора было проведено «литературно-музыкальное утро» силами учеников указанного училища. Концерт был освещен в самарской прессе, которая отметила «утешительные результаты первого в г. Самаре опыта обучения в школе оркестровой музыки» и то, что «ученики-музыканты к величайшему изумлению публики достаточно стройно и отчетливо исполнили назначенные по программе пьесы»⁴⁵¹.

В Самаре было открыто отделение императорского Русского музыкального общества (ИРМО). Кроме привычного домашнего и школьного обучения музыке, в 1902 г. при ИРМО были организованы Музыкальные классы, дававшие уже профессиональное образование и превратившиеся впоследствии в музучилище. Первым руководителем этого старейшего культурно-просветительского учебного заведения Самары, существующего до сих пор, и организатором концертной деятельности местного отделения ИРМО стал Я.Я. Карклин (Е. Карклиныш). Он был воспитанником Петербургской консерватории, где обучался у выдающихся русских композиторов А.К. Лядова и Н.А. Римского-Корсакова, а впоследствии

⁴⁴⁹ Отчет по устройству народных чтений и литературных утр в г. Самаре за 1899 г. С. 18.

⁴⁵⁰ Артамонова Л.М. Придать предстоящему юбилею характер общенародного торжества: столетие Отечественной войны 1812 года в Самарском учительском институте // Самарский земский сборник. 2012. № 1 (21). С. 98, 101.

⁴⁵¹ Народное образование Самары. С. 62-63.

стал одним из создателей латвийской профессиональной музыкальной школы⁴⁵².

Летние площадки для музыкальных спектаклей и концертов были оборудованы также в Струковском саду – любимом парке горожан и главном месте «для публичных гуляний»⁴⁵³. Здесь имелаась возможность услышать неперенный атрибут культуры русского дореволюционного города – духовую музыку военных оркестров, которая развлекала гуляющую публику. Исполняли для нее марши, вальсы, польки и другие произведения, как правило, военные оркестры. Самым знаменитым из них стал оркестр 214-го пехотного Мокшанского полка, который прибыл сюда в сентябре 1906 г. после окончания Русско-японской войны. Из исполненных в самарском Струковском саду собственных сочинений его капельмейстера И.А. Шатрова, одно вошло в классический фонд мирового музыкального искусства – вальс «На сопках Маньчжурии». Работа над произведением, начатая на фронте, была закончена в 1907 г., а получил всероссийскую известность этот вальс при помощи самарского издателя и продавца нотной литературы О.Ф. Кнауба⁴⁵⁴.

О.Ф. Кнауб был поволжским немцем. Он сам преподавал музыку и сочинял вальсы, хоры, романсы, а потому хорошо знал потребности и нужды коллег⁴⁵⁵. В Самаре Кнауб стал известен тем, что в его магазине нот, открытом в 1904 г., «цены были примерно в десять раз ниже, чем в других аналогичных магазинах, что позволяло покупать ноты бедным музыкантам»⁴⁵⁶.

⁴⁵² Мжельская М.В. Екаб Карклиньш – основатель Самарского музыкального училища и организатор концертной жизни 1902-1917 годов // Самарское музыкальное училище сквозь призму поколений (1902-2002). Т. 1. Самара, 2003.

⁴⁵³ Бирюкова А.Б. К истории формирования рекреационных зон в дореформенной Самаре // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 3. № 6. С. 49.

⁴⁵⁴ Парусова Е.В., Гузенина С.В. Музыка и война: к истории создания русского вальса «На сопках Маньчжурии» // Россия – Япония: политика, история и культура. Сб. ст. и докл. участников Международ. науч.- практ. конф. Казань, 2018. С. 194-195.

⁴⁵⁵ Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990. С. 255.

⁴⁵⁶ Годы и события: хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1. С. 150.

Музыка звучала в Самаре и в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. К тому времени самодеятельная игра на музыкальных инструментах стала повсеместным явлением в городском и сельском быту. В письмах солдат в Самарскую городскую управу выражались надежды получить от горожан помощь не только материального плана (чай, сахар, табак, махорка, белье, бумага и проч.), но и культурного. Авторы писем просили балалайку, гармонь, другие музыкальные инструменты, сообщая, что «среди братьев нашей роты есть хорошие музыканты, которые могут развеселить не только себя, но и окружающих нас»⁴⁵⁷.

Наполнению общественного пространства музыкой способствовал интерес к новому искусству кино. Будучи «Великим немым», ранний кинематограф требовал для повышения зрелищности сопровождать картинку на экране игрой на музыкальном инструменте. Кроме того, «фойе кинотеатров перед началом сеансов и между ними становились площадкой для небольших, а порой и достаточно наполненных номерами концертов»⁴⁵⁸. Старожилы вспоминали, что первый самарский профессиональный симфонический оркестр, созданный в начале XX в., первоначально сопровождал именно киносеансы, а в советское время в 1931 г. «был передан во вновь открытый оперный театр»⁴⁵⁹.

С кинематографом Самара познакомилась в мае – июне 1898 г., когда его сеансы были проведены в Собрании служащих в правительственных и общественных учреждениях (его сокращенно называли «Канцелярским клубом»), во время гуляний в Струковском саду. В программу включались различные фильмы, в том числе снятые в России документальные «Торжество священного коронования государя императора Николая II» (состоялось в 1896 г.) и «Торжественная встреча Ф. Фора» (президента Франции, посетившего с визитом Санкт-Петербург в 1897 г.). Всего же сеансы состояли из нескольких отделений и включали от 50 до 70 «картин»⁴⁶⁰.

⁴⁵⁷ Артамонова Л.М. «Среди братьев нашей роты есть хорошие музыканты»: из окопного быта Первой мировой войны // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. VI Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2019. С. 223, 226–227.

⁴⁵⁸ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 278.

⁴⁵⁹ «Читателя найду в потомстве я...» С. 193.

⁴⁶⁰ Самарская губерния: день за днем... 1896 – 1900 годы. С. 81, 82, 86.

Организаторы этих сеансов были людьми приезжими и в дальнейшем появлялись в городе время от времени, демонстрируя киноленты на различных площадках: городском театре, общественных зданиях, парке, ресторанах, концертных залах. Так, сеансы в мае 1904 г. наряду с развлекательными сюжетами включали съемки с натуры, сделанные на Дальнем Востоке в ходе русско-японской войны⁴⁶¹.

По мере роста популярности нового искусства и развлечения встал вопрос о специальных помещениях для кинопоказа, которые тогда назывались «биоскопами». В 1906 г. биоскоп появился в Струковском саду, его переоборудовали из располагавшегося здесь деревянного тира, но здание вскоре сгорело, а на его месте было решено построить каменный биоскоп под железной крышей. В 1907 г. первые стационарные биоскопы устраиваются и на городских улицах: «Экспресс» (под гостиницей «Метрополь»), «Электро-Биоскоп» (в доме купца Казаченкова), «Хроно-синематограф» (в доме Портнова), «Модерн» (в доме купца Летьгина), «Комета» (в доме Ратнера), «Гранд-Электро» (в доме мещанина Филимонова), где «во время сеансов играл оркестр бальной музыки»⁴⁶².

Уже к 1908 г. в Самаре открылось 15 биоскопов, о чем сообщал ведущий тогда российский кинематографический журнал «Синефоно». Как подсчитали исследователи, по числу упоминаний на страницах этого журнала Самара входила в «десятку» первых «по частоте встречаемости» городов России⁴⁶³.

В короткий срок число кинотеатров-«биоскопов» Самары выросло до 20, но затем стало сокращаться, поскольку острую конкуренцию выдерживали из них только те, которые представляли хорошие условия просмотра для зрителей и комфорт на уровне обычного театра, которые налаживали хорошие отношения с прокатными конторами для получения новых и высокого качества кинолент, которые были оснащены современной киноаппаратурой.

⁴⁶¹ Буданова А.А. Развитие кинематографии в Самарской губернии за 1898-1917 гг. // Краеведческие записки. Самара, 1996. Вып. VIII. С. 119.

⁴⁶² Буданова А.А. Развитие кинематографии. С. 120-121.

⁴⁶³ Копцева Н.П., Резникова К.В., Менжуренко Ю.Н. Журнал «Синефоно» как исторический источник: отечественный провинциальный кинематограф в 1907-1916 гг. // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 2046.

В 1913 г. на центральной Дворянской улице в недавно построенном (в 1907 г.) здании был открыт «Художественный электротейтр», оборудованный по последнему слову кинопроката и кинотехники того времени, а также заключивший договор на демонстрацию отечественных и зарубежных фильмов с фирмой Ханжонкова – ведущей кинематографической компанией дореволюционной России. Показы сопровождался «художником-иллюстратором», как тогда называли опытного пианиста, игравшего во время сеанса на рояле или фисгармонии. Идя навстречу пожеланиям детей и родителей, по воскресным дням стали проводиться специальные детские сеансы⁴⁶⁴.

Так появился старейший действующий поныне кинотеатр Самары. Сейчас он носит название «Центр Российской кинематографии «Художественный»».

В 1916 г. в Самаре работало 11 биоскопов. Кинотеатры и кинопоказы устраивались не только в губернском центре, но и в уездных городах (например, первый биоскоп в Бузулуке появился уже в 1907 г.), и даже в некоторых селах (Большой Глушице, Красном Куте, Старой Майне и других)⁴⁶⁵.

Как было показано в докторской работе В.В. Устюговой, защищенной в диссертационном Совете при Самарском национальном исследовательском университете им. С.П. Королева, в содержательном плане кинематограф и кинопрокат в России, в том числе и провинциальных городах, довольно быстро преодолел этап «ярмарочного или балаганного» зрелища или «кино аттракционов». Самое «раннее кино было ориентировано на демонстрацию кинематики и трюков. Зрители шли смотреть на кинематографический аппарат – техническое чудо – наряду с ... выступлениями фокусников, гимнастов, танцами, песнями»⁴⁶⁶.

Однако вскоре «диалог со старейшими искусствами дал кино сюжеты для экранизаций и заимствований, послужил толчком к развитию»⁴⁶⁷. В российских столичных и провинциальных горо-

⁴⁶⁴ Буданова А.А. Развитие кинематографии. С. 120-121.

⁴⁶⁵ Там же. С. 130-133.

⁴⁶⁶ Устюгова В.В. Раннее немое кино и трансляция ценностей модер-на в жизнь российского губернского города: на материале Перми конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2020. С. 24.

⁴⁶⁷ Устюгова В.В. Раннее немое кино. С. 27.

дах стали демонстрироваться игровые фильмы французского, итальянского, датского, американского производства.

Все активнее на экраны стала выходить продукция отечественных кинематографистов. Особым успехом пользовались картины фирмы Ханжонкова и ее лучшего режиссера-постановщика Е.Ф. Бауэра, который умел ответить на самые различные запросы публики и удовлетворить разным вкусом. Драматические «Немые свидетели», «Сумерки женской души», «Дитя большого города» поднимали социальные и этические проблемы. Киноновеллы «Счастье вечной ночи», «Лунная красавица», «Грезы» демонстрировали модные на рубеже веков меланхолические настроения, чувства духовного одиночества и отчуждения. Режиссер обращался к экранизации классических произведения, например, И. Тургенева, но ставил и произведения популярных современных ему авторов, включал в фильмы криминальные и детективные сюжеты. Обывателей привлекали пышность и «великосветскость» салонных мелодрам Е. Бауэра, например, фильма «Жизнь за жизнь». Вычурные декорации вызывали у зрителей ощущение причастности к эпохе и эстетике модерна, стремление наполнить свой быт и повседневность свойственными данной эпохе нарядами, украшениями, вещами⁴⁶⁸.

Кроме развлекательной, документальной и эстетической функций кино с самого начала выполняло просветительские задачи. В литературе справедливо отмечено, что публика к появлению кино была в определенной мере подготовлена показами «туманных картин» с помощью «волшебного фонаря», которые активно «демонстрировались на народных чтениях»⁴⁶⁹. В программу некоторых народных чтений в самарском театре, например, состоявшихся 17 января 1899 г., включались и «эффектные движущиеся картины»⁴⁷⁰.

Кроме народных чтений, на протяжении ряда предреволюционных лет достаточно успешно просветительская работа велась на мероприятиях, организованных Самарским обществом народных университетов (СОНУ), одним из самых деятельных среди подоб-

⁴⁶⁸ Устюгова В.В. Раннее немое кино. С. 27-28, 32.

⁴⁶⁹ Там же. С. 22.

⁴⁷⁰ Отчет по устройству народных чтений и литературных утр в г. Самаре за 1899 г. С. 2.

ных обществ всех российских регионов. Основными направлениями его работы были: «организация общеобразовательных систематических курсов типа средней школы, а также специальных и профессиональных курсов; создание и организация деятельности музыкальной секции и секции детских садов; устройство общедоступной библиотеки; издание периодического органа «Известия Самарского общества народных университетов»»⁴⁷¹. Была в нем образована и секция научного кинематографа.

Это общество официально начало свою деятельность в 1908 г.⁴⁷² Оно было создано по инициативе самарских интеллигентов и объединяло деятелей народного образования, специалистов в разных областях, активистов различных добровольных ассоциаций. Среди инициаторов были «почетный мировой судья, председатель Самарского общества улучшения крестьянского хозяйства, публицист Н.А. Шишков; директор коммерческого училища, сотрудник отдела искусств Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона П.А. Конский; преподаватель истории П.А. Преображенский; секретарь губернской земской управы, сотрудник газеты «Самарский вестник», редактор газеты «Волжский день» А.К. Клафтон; педагог, автор книг для детей, переводчик Е.А. Елачич; агроном, казначей и секретарь губернского сельскохозяйственного общества А.В. Тейтель; издатель газеты «Волжский край» (с 1915 г. «Волжский день») С.А. Елачич; а также врачи – С.М. Рассказова, Е.Л. Кавецкий, П.П. Крылов, С.А. Беляков, В.А. Кудрявцев, В.М. Курзон и др.»⁴⁷³

Передовые технические новинки того времени, включая и «волшебный фонарь», и кино активно применялись в деятельности СОНУ. В Пушкинском народном доме было установлено необходимое оборудование для кинопоказов, что позволило 14 июня 1910 г. открыть научно-просветительный кинематограф. Для пер-

⁴⁷¹ Кривопалова Н.Ю. Общественная деятельность интеллигенции Самарской губернии в начале XX в. // Вестник института печати СГАУ. Сб. статей. Сер. «Гуманитарные науки». Самара, 2009. С. 52.

⁴⁷² Отчет о деятельности Самарского Общества Народных Университетов за 1-й год существования (по 1 июля 1909 года). Самара, 1910. С. 1.

⁴⁷³ Кривопалова Н.Ю. Общественная деятельность интеллигенции. С. 51.

вой демонстрации была выбрана кинокартина «Жизнь в капле воды», приобретенная по специальному заказу СОНУ. Вступительная лекция с демонстрацией диапозитивов – «световых картин» (улучшившееся качество проекторов и снимков позволяло уже именовать их именно так, а не «туманными картинками», как прежде) была прочитана И.А. Преображенским, который в ходе показа давал пояснения и к содержанию самой ленты⁴⁷⁴.

Сам этот лектор был выпускником Самарской духовной семинарии, продолжившим обучение в университете в г. Юрьеве (ныне – Тарту), который закончил со степенью кандидата естественных наук. В Самаре он преподавал в женской гимназии Н.А. Хардиной, как и его брат – историк-краевед П.А. Преображенский, но затем связал свою жизнь с полевыми и теоретическими исследованиями в области наук о Земле. И.А. Преображенский стал профессором и доктором геолого-минералогических наук, работал в разных регионах нашей страны от Дальнего Востока до Русского Севера и Закавказья. В этой семье высшее образование имели даже сестры, окончившие столичные женские курсы и институты. Одна из них С.А. Преображенская служила хирургом в Самарской земской больнице, дважды командировалась за границу губернским земством для повышения научной квалификации⁴⁷⁵.

На первой самарской кинолекции присутствовало 248 чел. Однако на следующий день лекция Преображенского и показ «Жизни в капле воды» были повторены, причем к этому добавился еще один фильм «Муха и вред ею наносимый», и число зрителей увеличилось до тысячи. С осени 1910 г. до весны 1911 г. были показаны многие фильмы географического и этнографического содержания: о путешествии на Северный полюс, о Ниагарском и Рейнском водопадах, о сплаве леса в Швеции, о праздниках и быте японцев, о примечательных местностях и видах Дании,

⁴⁷⁴ Известия Самарского общества народных университетов. 1910. № 10-11. С. 3.

⁴⁷⁵ Юхтанов П.П. Навечно зачислен в списки Коми научного центра... (К 130-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Преображенского (1878-1950) // Вестник Института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2008. № 4. С. 26, 30-31; Грачева О.Л. Род, семья и потомки П.А. Преображенского. С. 355, 357-364.

Британии, Индии, Бразилии, Франции и других стран. Тринадцать первых киносеансов СОНУ посетили, по нашим подсчетам, более 9000 чел.⁴⁷⁶

Кроме площадки в Пушкинском народном доме кинематограф СОНУ стал использовать также биоскоп в Струковском саду. Общество укомплектовало свою кинотеку, а также получало фильмы из прокатных контор, в том числе фирмы Ханжонкова. Даже в годы Первой мировой войны кинематограф Самарского общества народных университетов продолжал кинопоказы, количество которых увеличилось, «почти ежедневно демонстрировались киноленты по географии, естествознанию, технике ремесел, о спорте»⁴⁷⁷. Несмотря на трудности и серьезные финансовые проблемы, которые принесла война, СОНУ в это тяжелое время, «удалось организовать за сентябрь 1914 – сентябрь 1915 года 17 лекций, в том числе в уездах Самарской губернии, которые прослушали 1979 человек, провести более 40 лекций и чтений в лазаретах для солдат»⁴⁷⁸.

Наиболее доступными для малообразованных людей, какими были солдаты из числа бывших крестьян, и наиболее наглядными методами просвещения стали демонстрации кинофильмов и показы диапозитивов. Значительная их часть в новых условиях, когда одной из главных аудиторий стали раненные в лазаретах, были посвящены военной теме.

В 1915 г. около трети детей, посещавших «детские сады», организованные СОНУ и напоминавшие современные летние городские лагеря для разновозрастного контингента, были из семей фронтовиков. В 1916 г. четверть всех детей, приходящих на эти площадки, были беженцами. Здесь они «могли читать, играть, заниматься лепкой, рисованием, хоровым пением, огородничеством,

⁴⁷⁶ Известия Самарского общества народных университетов. 1911. № 7-8. С. 20-31.

⁴⁷⁷ Семенова Е.Ю. Кинематограф – феномен отечественной культуры в годы Первой мировой войны (по материалам поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2. С. 371.

⁴⁷⁸ Семенова Е.Ю. Просветительские и научные общества – механизм традиционной культуры, содействующий мобилизации городского социума в условиях Первой мировой войны (по материалам Самары, Симбирска, Пензы и Саратова) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8. № 3. С. 753.

садоводством, рукоделием, столярным ремеслом..., совершали прогулки..., экскурсии в городской музей, на предприятия города, устраивали семейные спектакли и литературные утреники»⁴⁷⁹.

Если в сентябре 1914 года музыкальные курсы СОНУ посещали 46 слушателей, то в сентябре 1915 года это число возросло до 158 чел. Известно, что «при содействии СОНУ в апреле 1915 года ... была открыта Народная Консерватория»⁴⁸⁰. Одним из организаторов, руководителей и педагогов этого учреждения, преобразованного в советское время в музыкальный техникум, а затем в музучилище, была выпускница Петербургской консерватории А.Ф. Лаговская⁴⁸¹.

В Самаре имелись также возможности познакомиться с высокими образцами живописи и развивать таланты в области изобразительного искусства. Кроме музыки, в ряде учебных заведений преподавалось рисование. Живописному искусству обучали здесь и на профессиональном уровне. В 1893-1895 гг. К.С. Петров-Водкин жил в Самаре и учился в классах живописи и рисования Ф.Е. Бурова, но «смерть учителя прервала обучение, ... что заставило будущего выдающегося художника покинуть этот город»⁴⁸².

Дело Бурова продолжили другие преподаватели и популяризаторы живописи. Так, в сентябре 1897 г. в Самаре «начались занятия в художественной мастерской К.Н. Воронова»⁴⁸³.

В мае 1902 г. были открыты «классы живописи и рисования» художника В.А. Михайлова. В его доме в 1906 г. останавливался и в его мастерской работал над своим полотном «Степан Разин» знаменитый живописец В.И. Суриков. В 1913 г. Михайлов вместе с еще одним местным художником Ф.Г. Чижевским оформили своими работами открывшийся «Художественный электро-театр»⁴⁸⁴.

Жившие в Самаре художники К.П. Головкин, Н.А. Храмцов и другие, которые устраивали здесь свои выставки, в 1897 г. пода-

⁴⁷⁹ Семенова Е.Ю. Просветительские и научные общества. С. 756.

⁴⁸⁰ Там же. С. 757.

⁴⁸¹ «Читателя найду в потомстве я...» С. 200-201.

⁴⁸² История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 281.

⁴⁸³ Самарская газета. 1897. 10 сентября.

⁴⁸⁴ Годы и события: хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1. С. 142, 159, 190.

рили «ряд картин городскому публичному музею для организации в нем «художественного отделения»»⁴⁸⁵. Этим было положено начало коллекции современного Самарского художественного музея.

В подарок будущему музею свои работы прислали М.В. Нестеров, С.Ю. Жуковский, К.Ф. Юон, В.Н. Бакшеев и другие выдающиеся русские мастера живописи. Состоятельные ценители искусства собирали в Самаре собственные коллекции. Одним из лучших в городе было собрание купеческой семьи П.И. и В.Л. Шихобаловых, которых консультировал самарский художник, педагог и искусствовед В.В. Гундобин, получивший художественное образование в Москве и Париже. После революции 1917 года некоторые из этих купеческих собраний также пополнили фонды Самарского художественного музея⁴⁸⁶.

Отдельные произведения российского и зарубежного изобразительного искусства из частных коллекций выставлялись на общее обозрение в здании Благородного собрания. Также в этом помещении не раз проводился показ приезжавших в город знаменитых передвижных художественных выставок, благодаря которым «самарская публика не понаслышке знала о современных русских художниках»⁴⁸⁷.

Впервые передвижники привезли свои работы в Самару в 1889 г. Это были «картины «Страдная пора» Г.Г. Мясоедова, «В шинке» и «У воспитательного дома» В.Е. Маковского, «Грешница» и «Ветловый пруд» В.Д. Поленова, портреты Н.А. Ярошенко и Н.В. Неврева, пейзажи И.И. Шишкина и А.П. Боголюбова». В 1892 г. в числе привезенных ими в Самару пятидесяти произведений были показаны «такие шедевры русской живописи, как «Взятие снежного городка» В.И. Сурикова, «Портрет И.И. Шишкина» И.Н. Крамского, «В теплых краях» Н.А. Ярошенко, полотна Г.Г. Мясоедова, Н.Н. Ге, В.Е. Маковского»⁴⁸⁸.

⁴⁸⁵ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 281.

⁴⁸⁶ Басс А.Я. К истории собрания русского искусства конца XIX – начала XX века в Самаре // От модерна до авангарда: альбом. М., 1995. С. 16-18.

⁴⁸⁷ История Самарского Поволжья. Т. 2. С. 282.

⁴⁸⁸ Басс А.Я., Струков О.С. Самарская живопись. Благородное собрание // Самарская Лука. 2011. № 18. С. 45.

Традиционная религиозная живопись не превратилась в Самарском Поволжье в ремесленный промысел безыскусных «богомазов», как случалось в других местах. Среди православных художников Самарской губернии известность получил Г.Н. Журавлев из села Утевки. С рождения не способный ходить и делать что-либо руками, он научился писать иконы и расписывать стены храма, держа кисть зубами. Губернатор А.Д. Свербеев взял на себя затраты на его обучение, возил в Москву и Троице-Сергиеву лавру знакомить с фресками и иконостасами древних соборов и недавно построенного Храма Христа Спасителя⁴⁸⁹.

Возведение храмов занимало важное место в зодчестве и создании градостроительного облика Самары. Наиболее важным событием и примером общественной значимости искусства архитектуры для города стало завершение в 1894 г. строительства кафедрального собора Воскресения Христова, начатого в 1869 г.⁴⁹⁰ Только на завершение отделочных работ в храме в 1893 г. был собран миллион рублей по подписке «между “выдающимися в здешнем торговом мире лицами”»⁴⁹¹.

Перечень построенных в Самаре и губернии православных, а также единоверческих и старообрядческих храмов, домовых церквей, часовен можно продолжать очень долго. Правда, для данного текста это выглядит необязательным, поскольку по этим зданиям имеется обстоятельная литература, в том числе справочно-энциклопедического характера⁴⁹².

Однако город украшался культовыми сооружениями и других конфессий, причем состав их благотворителей бывал интернациональным. Так, вторая по величине синагога Европы была построена в 1908 г. в Самаре на пожертвования не только еврейских торговцев и ремесленников, но и их соседей и партнеров – хри-

⁴⁸⁹ Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. С. 217.

⁴⁹⁰ Якунин В.Н. Роль правящих архиереев в становлении и развитии Самарской епархии в 1851-1917 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 15, 20.

⁴⁹¹ Кабытов П.С., Баринова Е.П. Общественная деятельность купечества Среднего Поволжья // Самарский земский сборник. 2013 № 1. С. 66.

⁴⁹² Зубова О.В., Радченко О.И., Подмарицын А.Г. и др. Православные святыни Самарского края. Самара, 2001. 270 с.; Ведерникова Т.И., Курмаев М.В., Радченко О.И. и др. Православные святыни Самарской митрополии. Самара, 2017. 232 с.

стиан. В XIX–XX вв. появились на одной из главных улиц Самары – Дворянской (ныне ул. Куйбышева) лютеранская кирха, а на параллельной ей Саратовской (ныне ул. Фрунзе) – католический костел. Своим появлением они во многом обязаны самарскому купцу-католику армянского происхождения Е.Н. Аннаеву, в предках и родне которого были также немцы и поляки⁴⁹³.

В одном квартале от Дворянской улицы на спуске к Волге в 1891 г. возвели первую каменную мечеть в Самаре. Участок для нее приобрел и финансировал строительство фабрикант и купец 1-й гильдии Т.К. Акчурин⁴⁹⁴.

Несмотря на название, Дворянскую улицу населяла и использовала под свои заведения и жилища, прежде всего, разноплеменная торговая публика. Кроме имен русских купцов и предпринимателей, на вывесках значились такие фамилии как Петш, Кирст, Каттанео, Кноблах, Бах, Ленц, Грегуар. Также на ней располагались частные и общественные здания, новые для культурного пространства провинциального города, например, книжный магазин Сперанского, губернская и частные типографии (Фишера и Курбатова), редакция «Вестника объявлений»⁴⁹⁵.

В 1895 г. одно из зданий на этой улице было куплено Самарской городской думой специально для размещения публичной библиотеки и музея, устройства художественных выставок⁴⁹⁶. Неподалеку находился дом Дворянского общества, в котором в 1909 г. разместился мемориальный музей С.Т. Аксакова («Аксаковская комната»). В него внучка писателя О.Г. Аксакова, которой в детстве был посвящен «Аленький цветочек», передала личные вещи деда, рукописи, письма⁴⁹⁷.

В многоконфессиональном и разноэтничном «Ноевом ковчеге» на Дворянской улице случались курьезные ситуации. Так, однаж-

⁴⁹³ «Читателя найду в потомстве я...» С. 7, 55, 63.

⁴⁹⁴ Классика Самарского краеведения. Антология. Вып. 3. С. 231.

⁴⁹⁵ Перепелкин М.А., Морозова К.И. Самара 1870-1900-х гг. в «Дневнике» и в письмах А.К. Семенова (Гольдебаева) // Самарский край в истории России. Вып. 8. Самара, 2022. С. 208-209.

⁴⁹⁶ Рядченко Е.А. Самарский публичный музей в социокультурном развитии региона: история создания и формирование коллекции // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 78.

⁴⁹⁷ Поддубная Р.П. Ольга Григорьевна Аксакова. Биографический очерк. Самара, 2018. С. 44.

ды в 1890-е гг. проживавший на ней русский купеческий сын (его семья в своем доме содержала трактир), служивший на железной дороге и печатавший в «Самарской газете» заметки под характерным псевдонимом «Аллах Акбар», видимо, заимствованным у соседей-мусульман, решил было помочь приятелю-еврею, поссорившемуся с семьей, креститься и согласился быть крестным отцом. Они отправились в ближайший храм, которым оказалась лютеранская кирха. Переговоры, которые провели молодой еврей и пастор на понятном им обоим немецком языке, успехом не увенчались. Требование пастора «три недели изучать немецкий катехизис» оказалось неприемлемым, несостоявшийся неофит решил остаться в вере предков. «И мы, по молодости лет, начали ржать на всю Дворянскую», – так закончил запись об этом случае из своей жизни будущий самарский литератор Н.К. Семенов (Гольдебаев)⁴⁹⁸.

Цифры статистики подтверждают многоконфессиональное разнообразие самарских жителей. Накануне Первой мировой войны оно выглядело следующим образом: «из 95461 горожан Самары в 1910 г. ... православных и единоверцев было – 77,5%; раскольников – 3,4%; католиков – 2,1%; лютеран – 6,4%; остальных христианских вероисповеданий – 0,2%; иудеев – 0,1%; магометан – 10,3%; остальных нехристианских вероисповеданий – 0,2%»⁴⁹⁹.

В военное время эта пестрота еще более усилилась за счет наплыва тех, кто покидал прифронтовые или оккупированные польские, прибалтийские и другие западные губернии Российской империи. Всего в составе прибывших в Самару беженцев в начале 1916 г. было 16337 русских и украинцев, 9176 поляков, 3355 евреев, 2785 латышей, 2135 литовцев, 1578 немцев, 42 эстонца. 526 чел. принадлежали к другим национальностям⁵⁰⁰. Тыловой город давал приют людям разных конфессий и этносов⁵⁰¹.

⁴⁹⁸ Перепелкин М.А., Морозова К.И. Самара 1870-1900-х гг. С. 209-210.

⁴⁹⁹ Кабытов П.С., Кобозева З.М. Мещанское сословие русских городов. Самара, 2023. С. 314.

⁵⁰⁰ Семенова Е.Ю. Мирозвождение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. С. 839.

⁵⁰¹ Артамонова Л.М. Переводы школьников в учебные заведения Самары вследствие событий Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. № 2. С. 314.

Так, «литовско-латышско-эстонский комитет по оказанию помощи беженцам» выразил в 1915 г. благодарность за бесплатное предоставление помещения городского театра и размещение многочисленных объявлений в местных газетах в связи с организацией музыкальных вечеров в пользу беженцев. В них приняли участие как самарские артисты, так и латышский хор, а также несколько соединенных хоров. Особую роль в подготовке к выступлению музыкантов-любителей и особенно своих земляков, бежавших от войны из латвийских земель, сыграл уже упоминавшийся Я.Я. Карклин⁵⁰².

Со временем «под влиянием социокультурных изменений..., вызванных модернизацией страны», различий между самарскими жителями, принадлежавших к разным социальным группам, вероисповеданиям и этносам, становилось все меньше, а объединяющих смыслов – все больше. Это было особенно заметно в губернском городе, где «реклама, синематограф, граммофон, телеграмма, телефон, периодическая печать, круг чтения» расширяли «кругозор и коммуникативные возможности». Однако и в малых городах, и даже на селе культурные новшества и изменения открывали «для провинциала новые миры»⁵⁰³.

Стремление Самары к превращению в культурный центр на протяжении второй половины XIX в. становилось все более очевидным. Во многом этому способствовала все возрастающая активность самих жителей. Свидетельством тому являются многочисленные общества просветительской, творческой, научно-технической, спортивной и иной культурной направленности. На рубеже XIX-XX вв., кроме уже упоминавшихся в тексте, здесь функционировали в качестве добровольных ассоциаций: Самарское отделение Санкт-Петербургского литературного общества⁵⁰⁴, Общество взаимного вспоможения книгопечатников⁵⁰⁵, Общество

⁵⁰² Самарская губерния в годы Первой мировой войны. С. 621-622.

⁵⁰³ Кабытов П.С., Кобозева З.М. Мещанское сословие русских городов. С. 439.

⁵⁰⁴ В[ятк]ин [Г.А.] Самара (Открытие литературного общества) // Сибирская жизнь. 1907. 29 ноября. № 176.

⁵⁰⁵ Курмаев М.В. Общество взаимного вспоможения книгопечатников Самары: сфера деятельности и основные этапы развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1023-1027.

вспомоществования учащим и учившим Самарской губернии, Семейно-педагогический кружок, Самарское скаковое общество, Самарское общество поощрения рысистого коннозаводства (Самарское общество охотников конского бега), Самарское общество велосипедистов-любителей, Самарское фотографическое общество и другие.⁵⁰⁶

Общественные инициативы, деятельность органов власти и городского самоуправления сыграли важную роль в развитии и культуры Самарской губернии второй половины XIX – начала XX в. Еще важнее была координация их усилий по этим направлениям. На ниве просвещения, творчества и искусства успешнее, чем в иных сферах жизни России, принимались и всходили ростки формирующегося гражданского общества, заметнее были результаты модернизации страны и края в условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу.

⁵⁰⁶ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 240, 244-246; Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 53-60.

Глава 7

Самарская губерния под властью КОМУЧа

Природа и сущность любого государственного образования определяется взаимоотношениями власти и общества, которые направлены на поиски оптимальных форм социально-экономического и политического устройства. В период Великой российской революции были апробированы различные сценарии государственного строительства. После прихода большевиков к власти политическая борьба сопровождалась вооруженным противостоянием. В этих условиях на победу могли рассчитывать только те силы, которые смогли сформировать устойчивую социальную базу. Антибольшевистские квазигосударственные образования, возникавшие на территории России в 1918–1922 гг., в советской историографии рассматривались в общем контексте Гражданской войны. Историки, анализируя военные операции Красной армии, причины ее побед и неудач, подчеркивали антисоветскую направленность действий белогвардейцев и сотрудничавших с ними оппозиционных большевикам партий. Описывая события на Восточном фронте в 1918 г., исследователи показали военно-политическую ситуацию, возникшую в связи с выступлением мятежного Чехословацкого корпуса, которая способствовала установлению в Поволжско–Уральском регионе власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания⁵⁰⁷.

В отечественной историографии постсоветского периода интерес к антибольшевистским объединениям в годы Гражданской войны значительно возрос. КОМУЧ по-прежнему рассматривался как первая, организованная совместными усилиями внутренних и

⁵⁰⁷ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и самарская учредилка. М., Самара, 1934; Басин С.Г. Комуч в Самаре в 1918 году. Куйбышев, 1957; Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.) Саратов, 1974; Литвин А.Л. Советская историография краха «демократической» контрреволюции в России//Вопросы истории. 1982. №1. С. 111–119.

внешних антисоветских сил, попытка реализации «третьего пути» в революции⁵⁰⁸. Анализируя процесс формирования вооруженных сил КОМУЧа, исследователи выявили причины непопулярности «Народной армии», которую рабочие и крестьяне считали антинародной⁵⁰⁹. Отметим, что процесс освобождения от навязанных в советское время директивных установок в освещении революционных событий происходил путем переосмысления фактов, их оценок и выводов. Кроме того, в научный оборот были введены новые, ранее недоступные исследователям, источники (фонды губернских комиссаров Временного правительства, Учредительного собрания, Самарского КОМУЧа). Это способствовало восстановлению всей панорамы исторических событий, а не только секуляризированных и во многом мифологизированных сведений о революции.

Изучая начальный период Гражданской войны, историки рассматривали его в контексте, прежде всего, событий на Восточном фронте⁵¹⁰. Драматическая история Самарского КОМУЧа с его программой созыва прежнего, распущенного советской властью, Учредительного собрания и утверждения парламентской республики, рассматривалась в контексте борьбы разнородных политических сил за власть⁵¹¹. Политико-правовая организация антисоветских государственных образований, функционировавших на территории России в годы Гражданской войны, была обобщена после деталь-

⁵⁰⁸ Калягин А.В., Парамонов В.Н. «Третий путь» в гражданской войне (опыт деятельности Самарского КОМУЧа). Самара, 1995; Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008; Медведев В.Г. Белый режим под Красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998.

⁵⁰⁹ Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917-1920 годах). Самара, 1997.

⁵¹⁰ Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 гг.). Самара, 2003; Переверзев А.Я., Кулишов О.С. Комуч. Директория. Колчак: Антисоветский лагерь в гражданской войне на Востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003.

⁵¹¹ Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917-1918 гг.). Самара, 2005; Кулишов О.С. Политическое противоборство на Востоке России в начальный период Гражданской войны. М., 2004.

ного исследования причинно-следственных обстоятельств краха этих учреждений⁵¹². Детальное изучение основных направлений социальной политики, анализ нормативно-правовой базы, способы ее реализации и результаты, реакция населения на действия антибольшевистских правительств позволяет выявить действительные, а не мифологизированные причины исторического выбора России в ходе гражданского противостояния. Эта проблема в настоящее время активно разрабатывается⁵¹³.

Новые перспективы в изучении специфики функционирования комучевской власти, причины ее отторжения всеми социальными слоями российского общества возможны за счет пополнения и классификации источниковой базы. Отдельные сведения о военно-политических событиях, эпицентром которых в 1918 г. стала Самарская губерния, содержались в опубликованных сборниках документов и воспоминаний, хрониках событий, изданных как во время Гражданской войны⁵¹⁴, так и в последующие годы⁵¹⁵. Советские публикации документальных материалов ангажировали позитивную роль большевиков и не отражали всего спектра политических решений комучевской власти. Фронтальное выявление и публикация новых документов была предпринята в конце XX – начале XXI вв.⁵¹⁶

⁵¹² Медведев В.Г. Органы власти и законодательство антисоветских государственных образований «белой» России в годы Гражданской войны. М., Берлин, 2014.

⁵¹³ Кабытова Н.Н. Социальная политика Комуча (1918 г.)//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т.12. Вып. 4. С.95-99; Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на Востоке России: идеология, законодательство, практика (июнь 1918-октябрь 1922). М., 2022.

⁵¹⁴ Четыре месяца учредивловщины. Самара, 1919; Краткая хроника революционных событий 1918 года в Самарской губернии/Составитель И.И.Блюменталь/Публикация П.С. Кабытова//Энциклопедия Самарской области. Приложение. Т.1. Самара, 2010; Троцкий В.В. Революция 1917-1918 гг. В Самарской губернии: Хроника событий. Т.2. Самара, 1929.

⁵¹⁵ Самарская губерния в годы гражданской войны (1918-1920 гг.) Куйбышев, 1958; Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Куйбышев, 1972.

⁵¹⁶ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания, июнь-октябрь 1918 года / Отв. ред. Б.Ф.Додонов. М., 2011; Лапандин В.А. Эсеровские политико – государственные образования в России в годы гражданской войны: комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.): исторические источники. Самара, 2006.

Это позволяет изучить идеологию, политику, стратегию и тактику либерально-демократических государственных образований, оценить их потенциал и возможности в государственном строительстве, понять, почему при многих альтернативах победила советская организация власти. К столетию описываемых событий самарскими архивистами был опубликован сборник документов, которые представлены по тематическому принципу в 14 разделах, наиболее полно отражающих политическую, экономическую и социальную ситуацию периода Гражданской войны в Самарской губернии⁵¹⁷. В настоящем кратком очерке рассматривается роль КОМУЧа в усилении конфронтации общественно-политических сил на территории Самарской губернии.

Военно-политические события лета 1918 г., ознаменованные первым крупномасштабным наступлением сил белого движения против советской власти, способствовали превращению Средневожского региона в эпицентр гражданской войны. Самарская губерния, занимавшая огромную территорию, граничащая с оренбургским и уральским казачеством, разнородная в национальном отношении, богатая хлебом и имевшая значительную прослойку зажиточных крестьян, идеально подходила по замыслу организаторов сопротивления власти большевиков для развертывания крупных военных операций против центра. Здесь было сильно влияние социалистов-революционеров, которые после февраля 1917 г. занимали многие ключевые посты во властных и общественных организациях. Свое отстранение от власти большевиками эсеры переживали очень болезненно и не упускали случая, чтобы взять реванш. На губернском уровне им это удавалось лучше, так как влияние эсеров в деревне было велико, а сил большевиков хватало лишь на работу в городской пролетарской среде. К тому же Самара в то время не являлась крупным пролетарским центром. Естественно, буржуазные элементы города, успевшие натерпеться от экспроприации и принудительного обложения за несколько месяцев советской власти, оказали поддержку, прежде всего финансовую, тем, кто мог ее ликвидировать.

⁵¹⁷ Под знаменем Комуча: (Самарский край, июнь-октябрь 1918 г.). Самара, 2018.

Вооруженные силы, формировавшиеся в Самаре, предназначались не для защиты местных советов, а для отпора оренбургским и уральским казакам. Наконец, советская власть успела себя серьезно скомпрометировать среди крестьян. С весны 1918 г., в связи с продовольственным кризисом, она начала активно наступать не только на крупный капитал, но и на имевших хлеб крестьян, не желавших отдавать его излишки, а часто и не только их, бесплатно, за одни лишь обещания лучшей жизни в будущем. После роспуска Учредительного собрания в Самаре находился ряд его членов, как местных, так и делегированных лидеров эсеровской партии. Они воспользовались мятежом Чехословацкого корпуса, чтобы объявить о свержении советов и создании новой власти. Эсеры при этом руководствовались решениями VIII съезда партии социалистов-революционеров. П.Д. Климушкин в своем очерке «Борьба за демократию на Волге» отмечал, что основная задача комучевских демократов – восстановление независимости России и возрождение ее национально – государственного единства. Главным препятствием для осуществления этих задач эсеры считали большевистскую власть. После ее свержения они предполагали возобновить работу Учредительного собрания и восстановить разрушенные органы местного самоуправления⁵¹⁸.

Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (КОМУЧ) был сформирован в Самаре еще до вооруженного выступления Чехословацкого корпуса против советской власти. В него первоначально входили 5 бывших членов Учредительного собрания: И.М. Брушвит, П.Д. Климушкин, Б.К. Фортунатов – от Самарской губернии, В.К. Вольский – от Тверской, И.П. Нестеров – от Минской⁵¹⁹. Они действовали подпольно, заранее распределили основные посты в правительстве и наметили помещения для своей будущей резиденции. Мятеж Чехословацкого корпуса способствовал легализации КОМУЧа. По соглашению с советским правительством чехословаки должны были разоружиться в Пензенской губернии, но отказались это сделать. Таким образом от Пензы до Владивостока двигалась

⁵¹⁸ Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге. С.246.

⁵¹⁹ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 402. Оп. 1. Д. 2. Л. 1а.

мобильная вооруженная армия, в которую вливались на всем пути белогвардейские силы.

30 мая 1918 г., получив известие о наступлении пензенской группы Чехословацкого корпуса под командованием С. Чечека на Самару, губревком объявил г. Самару и Самарскую губернию на осадном положении. В этот же день был создан боевой революционный штаб, который возглавил В.В. Куйбышев. Ревштаб призвал самарских рабочих защищать свой город. Рабочая боевая дружина за 3–4 дня выросла с 400 до 1,5–2 тыс. человек; все коммунисты были мобилизованы⁵²⁰.

Самару защищали две группы войск: сызранская на линии Мыльная – Безенчук и самарская у станции Липяги, разбитая 4 июня 1918 г., где погиб командир отряда М.С. Кадомцев. После этого бои развернулись у самого города. Общая численность его защитников достигла 3 тыс. человек, в то время как наступавших легионеров было около 5 тыс. Сосредоточенные на правом берегу р. Самара отряды красноармейцев укрепили свои позиции у моста, вдоль берега реки отрыли окопы, выше, на Хлебной площади и у каменоломни, стояла артиллерия. Эти силы сдерживали наступавшего противника в течение трех дней. Тем временем, из Самары были эвакуированы советские учреждения, вывезен на пароходе «Суворов» золотой запас в г. Казань – 37 499 510 руб. золотом и 30 млн. руб. кредитных билетов. Утром 5 июня легионеры подошли к мосту через р. Самара и начали вести артиллерийский обстрел города. Куйбышев с группой советских и партийных работников в панике бежал из Самары в Симбирск, оставив на произвол судьбы красногвардейцев, оборонявших город. Лишь в городском клубе коммунистов остался небольшой отряд во главе с А.А. Масленниковым и Н.П. Тепловым. Прибыв в Симбирск, Куйбышев стал вести телефонные переговоры с Самарой, в ходе которых Теплов обвинил его в дезертирстве. Паникеры вновь решили возвратиться в Самару. К тому времени ситуация вокруг города еще более обострилась, а потому вернувшийся Куйбышев вновь бежал на пароходе с красноармейцами полка, прибывшего из Москвы для защиты Самары. Он, предъявив свои документы, отдал команду

⁵²⁰ Самарская губерния в годы гражданской войны. С.25.

об отходе парохода в Симбирск. А.А. Масленников с небольшой горсткой коммунистов продолжал оставаться в Самаре⁵²¹.

В ночь на 7 июня к защитникам города прибыли подкрепления из Симбирска (450 человек) и мусульманский отряд из Уфы (до 600 человек). Вечером 7 июня они заменили бойцов, находившихся бессменно четверо суток в окопах. В 3 часа ночи 8 июня чехословаки начали артобстрел их позиций, в 5 часов утра прорвали оборону красноармейцев у железнодорожного моста и вступили в город⁵²². В Самаре они соединились с силами подпольной офицерской организации (до 250 человек), которую еще в феврале 1918г. создал полковник русской армии Н.А. Галкин, входивший вместе с эсерами в штаб подготовки восстания против советской власти. Легионеры также привезли самарских деятелей КОМУЧа, которых доставили под охраной в намеченную заранее резиденцию – бывшее здание городской управы⁵²³. Итак, белое движение, чехословацкий мятеж и «демократическая» оппозиция объединились против советской власти 8 июня 1918 г. в Самаре. Цели у них были разные, а враг общий – большевики.

Первый день занятия Самары сопровождался погромами и кровавыми расправами над большевиками и защитниками города, которые устроили белогвардейцы и обыватели, пострадавшие от экспроприации советской власти. В плен были захвачены А.А. Масленников и защитники городского клуба коммунистов. Председатель ревтрибунала Ф.И. Венцек и зав. жилотделом горисполкома И.П. Штыркин были схвачены возле клуба коммунистов и отправлены в комендатуру под конвоем чешских солдат. По пути на углу Заводской и Троицкой улиц (ныне Венцека и Галактионовской) они были отбиты и растерзаны толпой. У здания окружного суда избили и затем застрелили рабочего Тимашевского сахарного завода, большевика А. Алеева. На берегу р. Самара были убиты не успевшие покинуть позиций красноармейцы. На улицах города расстреляли коммунистку М. Вагнер, одного из организаторов красновардейских отрядов Шульца. В гостинице «Националь» убили комиссара Елагина; в железнодорожном госпитале выяви-

⁵²¹ Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны. С.27.

⁵²² Гражданская война в Поволжье. С. 46.

⁵²³ Переверзев А.Я., Кулишов О.С. Комуч. Директория. Колчак. С.128.

ли и расстреляли несколько красноармейцев⁵²⁴. Расправа над пленными коммунистами, советскими работниками, красноармейцами грозила перерасти в кровавую вакханалию обиженных и ущемленных революцией. Комитет и чехословаки попытались обуздать погромщиков. На другой день приказом № 6 КОМУЧа от 9 июня 1918 г. было объявлено «о преследовании погромщиков и призывающих к возбуждению национальной вражды... Виновные в нарушении приказа преследуются... погромщики расстреливаются на месте»⁵²⁵. Однако наведение порядка на улицах города еще не означало прекращения преследования инакомыслящих. Самарская тюрьма была переполнена арестованными в первые дни защитниками города, к которым затем добавились выявленные коммунисты, а также выступавшие против наступления на их социальные права рабочие. Часто арестованных не доводили до тюрьмы, объявляя расправу с ними «попыткой к побегу».

Стратегическая обстановка для комучевцев после захвата Самары стала еще более благоприятной. Создавались перспективы для продвижения их отрядов вверх по Волге. В июне состоялось совещание командиров чехословацких частей, на котором по настоянию представителей французского командования Гине, Жанно и Комо обсуждался вопрос об эскалации боевых действий в Поволжье и в Сибири. Тем самым ставилась цель лишить советы заволжского хлеба, планировалось захватить золотой запас Советской Республики и освободить царскую семью. Успешное взятие Ставрополя, Сызрани, а затем и Симбирска было осуществлено благодаря умелым тактическим действиям полковника В. Каппеля. В его отряд наряду с белыми офицерами, по каким-либо причинам не сумевшим перебраться на юг, входили также самарские и сызранские рабочие—добровольцы⁵²⁶.

Власть КОМУЧа утверждалась при поддержке легионеров Чехословацкого корпуса. Опубликованием приказа №1 Комитет заявлял: «Именем Учредительного собрания большевистская власть в Самаре и Самарской губ. объявляется низложенной. Все комиссары отрешаются от занимаемых ими должностей. Во всей полноте

⁵²⁴ Медведев Е.И. Гражданская война. С.98.

⁵²⁵ ЦГАСО.Ф. 402. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁵²⁶ Медведев В.Г. Белый режим под Красным флагом... С.143.

своих прав восстанавливаются распущенные советской властью органы местного самоуправления: Гор. Думы и Земские Управы, коим предлагается немедленно приступить к работе. Гражданская и военная власти в городе и губернии... переходят к комитету, состоящему из членов Учредительного собрания, избранных от Самарской губернии и местных самоуправлений. Все органы, организации и лица обязаны ему подчиняться беспрекословно»⁵²⁷. «Новые демократы», как и свергнутая ими «власть трудящихся», начали также с угроз и вранья. Только трое из пяти первых комитетчиков были депутатами от Самарской губернии. Двое других членов разогнанного Учредительного собрания являлись специальными эмиссарами ЦК ПСР, направленными в Самару для работы в подполье против советской власти. Попытки КОМУЧа восстановить демократические формы управления страной путем издания соответствующих приказов были обречены. Первые его приказы: «О прекращении расстрелов», «О преследовании погромщиков», «О сохранении деятельности фабрично-заводских и других комитетов» призваны были успокоить население города. Однако вслед за ними последовала серия других приказов. 11 июня 1918 г. «Самарской городской управе предлагалось немедленно приступить к подготовке перевыборов Самарской городской думы»⁵²⁸.

Между тем, речь шла не о ревкоме или горисполкоме, а об избранной в октябре 1917 г. демократическим путем городской думе, в которой, правда, чуть больше половины мест принадлежала большевикам. В сельской местности КОМУЧ восстанавливал органы земского самоуправления без перевыборов, так как позиции эсеров в них были прочны. Восстанавливая свободу слова, печати, собраний, комитетчики подчеркивали свою приверженность демократии, рассчитывая на поддержку населения. Однако надежды их были тщетны, так как слишком уж не соответствовали дела комучевцев нуждам рабочих и крестьян. Целая серия приказов КОМУЧа объявляла о денационализации банков, торговли, промышленности. Владельцам «отобранных у них предприятий» было обещано возмещение стоимости «захваченных материалов

⁵²⁷ Под знаменем Комуча... С.15.

⁵²⁸ Приказы Комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918. С. 8.

и полуфабрикатов, машин и прочего имущества предприятия»⁵²⁹. Ответная благодарность торгово-промышленных кругов города заключалась в оказании Комитету финансовой помощи в 30 млн. руб.⁵³⁰ Весь цвет самарских предпринимателей участвовал в подписной кампании на нужды КОМУЧа, при нем был создан финансовый совет, возглавлявшийся управляющим Самарским отделением Госбанка А.К. Ершовым. Оказывая поддержку новой власти, буржуазия начала наступление на завоевания рабочих. Были пересмотрены трудовые договоры в интересах предпринимателей, нарушался закон о 8-часовом рабочем дне, стали применяться увольнения и локауты в отношении недовольных.

Члены Комитета, пытаясь доказать свою приверженность демократическим принципам, декларировали защиту социальных интересов трудящихся, но мало что могли сделать в этом направлении. Они признали действующими все декреты советской власти об охране труда и подтвердили заключенные при ней коллективные договоры. Однако эти мероприятия не выполнялись ни частными предпринимателями, ни государственными и муниципальными управляющими. Все попытки КОМУЧа привлечь к ответственности нарушителей трудового законодательства о социальной защите рабочих были безрезультатны. Предприниматели перестали оказывать КОМУЧу финансовую поддержку. Комитет срочно стал искать другие источники бюджетных поступлений: продажа водки, конфискация ссуд у кооперативов, частичное изъятие и продажа по повышенным ставкам серебряных монет из государственного запаса, захваченного в Казани. Эти мероприятия не особенно улучшили финансовое положение в городе: денег не хватало на зарплату учителям, железнодорожникам, трамвайщикам, почтовым работникам.

Следует заметить, что Комитет членов Учредительного собрания, несмотря на его претензии распространить влияние на всю территорию Волжско-Уральского региона, не обладал полной властью даже в Самаре. Им были назначены губернские и уездные уполномоченные по управлению территорией, затем сформирован

⁵²⁹ Калягин А.В., Парамонов В.Н. «Третий путь» в гражданской войне... С. 6.

⁵³⁰ Самарская губерния в годы гражданской войны. С.39.

«Совет уполномоченных». В то же время был создан штаб охраны, выполнявший карательные функции. Его возглавлял полковник царской жандармерии И.П. Познанский, расправлявшийся с оппозиционерами помимо Комитета. Кроме того, функционировала чешская контрразведка во главе с комендантом Самары Ребендой, которая наводила в городе жесткий порядок. Действовала также сеть военно-полевых судов, выносивших расстрельные приговоры по доносам. Самарская тюрьма в период власти КОМУЧа была постоянно переполнена политзаключенными. Чтобы не производить массовых расстрелов на глазах у правительства, объявившего себя защитником демократических свобод, каратели нашли выход в эвакуации заключенных на восток страны. Так были организованы специальные экспедиции, получившие название «поездов смерти», условия содержания в которых были ужасны. Первым составом из Самары было отправлено 2 700 коммунистов, советских работников, пленных красноармейцев, рабочих, крестьян, чем-либо провинившихся перед новой властью. Среди них были старики, женщины, подростки и даже дети. Во втором поезде находилось 1600 заключенных, среди которых были известные самарские большевики В.К. Адамская, М.О. Авейде, П.И. Андропова, С.И. Дерябина, В.Е. Скубченко, А.В. Цепелевич и другие⁵³¹.

К сентябрю 1918 г. Комитет членов Учредительного собрания потерял поддержку всех социальных слоев населения Самары. Прежде всего пострадали заводские рабочие. Предприниматели, пытаясь наладить разваливающееся производство, начали наступление на социальные права пролетариев, которые при большевиках обеспечивались не результатами труда, а за счет реквизиций и принудительного обложения сверхналогами капиталистов. В случае проявления недовольства, карательные структуры выявляли организаторов стачек и митингов и арестовывали их, остальных забастовщиков увольняли с работы. Это делалось помимо КОМУЧа, но при его власти. Буржуазия, в свою очередь, была недовольна мероприятиями КОМУЧа, направленными на обеспечение социальной стабильности в городе за ее счет. Когда правительство попыталось организовать финансовую поддержку

⁵³¹ Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны... С.32.

безработным, возложив 2/3 расходов на предприятия и органы самоуправления, они часто просто саботировали это решение. Все другие слои городского населения были недовольны дальнейшим ухудшением своего материального положения и, прежде всего, продовольственного снабжения. В условиях гражданского противостояния попытки КОМУЧа примирить враждующие стороны под лозунгом защиты демократических прав и свобод не могли иметь успеха. Весьма показателен такой эпизод. Из Сибири в «демократическую столицу» Самару приехали офицеры для выяснения процесса формирования «Народной армии». Увидев над зданием КОМУЧа красный флаг, они сорвали «красную тряпку», арестовав коменданта здания. Руководителям правительства пришлось вызвать солдат для усмирения сибиряков и восстановления символа власти⁵³².

Особые надежды возлагали самарские эсеры на крестьянство. П.Д. Климушкин, творец «Временных правил пользования землей» возглавлял Ведомство внутренних дел КОМУЧа и все мероприятия по аграрному вопросу и организации местного самоуправления в сельской местности осуществлялось его директивами. Приказом №34 от 19 июля 1918 г. Комитет предписывал волостным советам сдать все дела волостным земским управам, которые должны были восстановить деятельность земельных комитетов⁵³³. Учитывая, что волостные земства не имели опыта в организации крестьянского мира, а земельные комитеты, напротив, проявили себя защитниками крестьянских интересов и были даже включены в состав советов в качестве земельных отделов, комучевцы надеялись на их поддержку в проведении аграрной реформы. Комитет подтвердил «Правила» временного пользования землей, выработанные II и подтвержденные IV Самарскими губернскими крестьянскими съездами, как отражавшие фактическое положение дел, и дополнил их первыми десятью пунктами Закона о земле, принятого Учредительным собранием 5 января 1918 г. Комитетчики выступили за «справедливое распределение всех естественных благ среди населения», отмену купли – продажи и сдачи в аренду

⁵³² Гражданская война в Поволжье... С.60.

⁵³³ Под знаменем Комуча... С.96.

земли⁵³⁴. Однако для крестьян Самарской губернии это был позавчерашний день их социальных притязаний – они решили указанную проблему еще летом 1917 г. В то же время неперераспределенные земли некоторых помещичьих экономий, сохраненные советами для организации коммун и совхозов, КОМУЧ не конфисковывал, не желая брать на себя ответственность за дальнейшее развитие аграрной реформы. Это создавало прецедент для уже лишившихся угодий прежних земельных собственников, притязания которых к тому же могли быть обоснованы ссылками на приказ № 124 Комитета от 22 июля 1918 г., в котором говорилось «о праве снятия озимых посевов 1917 г. тем, кто их произвел» в независимости от характера хозяйства⁵³⁵.

Свою лепту в неразбериху внесли земства, которым было вменено в обязанность урегулирование земельных отношений и решение продовольственного кризиса. Взыскать сборы с фактических хозяев земли, крестьян, земские самоуправления были не в состоянии без применения против них вооруженной силы. К тому же и бывшие владельцы земли, будучи не в состоянии собрать самостоятельно посеянный хлеб, передавали право на урожай Хлебному совету. Тот посылал в деревню вооруженные отряды, заставлявшие крестьян собирать урожай в пользу «Народной армии», выплачивая бывшему владельцу оценочную стоимость урожая. Такая политика уравнивала комучевских демократов с коммунистами и не сулила им поддержки крестьянского большинства. Восстановление земского самоуправления крестьяне восприняли, в основном, индифферентно, но были случаи и отстаивания советской системы. После отмены 27 июня 1918 г. хлебной монополии несколько оживился рынок и прекратился отток продуктов за пределы губернии. Однако обойтись без регулируемого продовольственного снабжения не могли ни армия, ни безработные, а вскоре и те рабочие и служащие, которым из-за финансовых трудностей правительства нечем стало платить зарплату. Между тем приближалась пора уборки урожая, он был в 1918 г. хорошим, но взять его у крестьян можно было лишь силой. Земства, прибегнувшие к этой силе, стано-

⁵³⁴ ЦГАСО. Ф.Р-402. Оп.1. Д.2. Л.16.

⁵³⁵ Под знаменем Комуча... С.208.

вились таким образом проводниками антинародной политики. В некоторых местах крестьяне заявляли, что форму власти они менять не собираются, их и советы устраивают. В сельской местности вообще стремились к самоопределению, сравнивая различные властные структуры и примеряя их к своим нуждам. Агитатор КОМУЧа сообщал о своей командировке в Николаевский уезд: «В с. Волчанке Колокольцовской волости состоялось совместное собрание членов бывшего волостного совета. Совет отказался самоликвидироваться и передать дела земству». То же самое было в д. Дергуновка. «Ссылаются на волю народа», несмотря на «настойчивые указания», отмечалось в отчете⁵³⁶.

Особенно ухудшились взаимоотношения между КОМУЧем и населением с началом мобилизации в «Народную армию». Первоначально Комитет решил формировать свои вооруженные силы на добровольной основе, надеясь привлечь в них всех, недовольных большевистской властью. Таких действительно было немало. Однако это вовсе не означало, что комучевских демократов массы будут больше любить и защищать. Подавляющее большинство обывателей не хотело ни красных, ни белых и желало только одного – жить без войн и революций, погромов и переворотов. Приказом КОМУЧа от 5 июля 1918 г. была объявлена мобилизация призывников 1897–1898 годов рождения, с указанием, что «никакие льготы и отсрочки... не даются»⁵³⁷. Комитетчики не сочли возможным объявить призыв более старших возрастов – они уже прошли горнило мировой войны, были демобилизованы советской властью и многие вернулись домой большевистски настроенные. Несмотря на преобладание крестьянского населения в крае, возможности призыва указанных возрастов были ограничены в связи с тем, что их рождение приходилось на голодные годы. Не особенно надеясь на привлечение городской молодежи в армию, комучевские деятели рассчитывали прежде всего на крестьян. Однако те отнеслись к мобилизации в армию даже более враждебно, нежели рабочие. Это отметили и наиболее дальновидные деятели белого движения. Военный министр Верховного правителя адмирала Колчака генерал А.П. Будберг писал: «Что большевики всем надоели и ненавист-

⁵³⁶ Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии... С.174.

⁵³⁷ ЦГАСО. Ф.Р-402. Оп.1. Д.3. Л.18.

ны, никто не сомневается... но, что массы ждут избавления... при помощи таких спасителей... которые на 90% состоят из купцов и буржуев, как вдохновителей и кормителей, и офицеров, как исполнителей, деревня примет в дубье и пулеметы»⁵³⁸. Действительно, сопротивление крестьян воинскому призыву в Самарской губернии было повсеместным.

На проходившем с 8 по 11 июля 1918 г. Самарском уездном крестьянском съезде ни один делегат не поддержал мобилизацию в армию КОМУЧа, заявляя, что «крестьяне воевать не пойдут». Некоторые отмечали раскол в крестьянской среде: беднота – за советы, состоятельные – за КОМУЧ. Однако это не мешало сельским обществам принимать общее решение против призыва молодежи в армию. В одном из наказов говорилось, что крестьяне будут платить налоги лишь в том случае, если они не пойдут на войну. Более того, антисоветские речи лидеров КОМУЧа, выступавших на съезде, вызывали «явное неудовольствие аудитории»⁵³⁹. После объявления мобилизации в «Народную армию» КОМУЧ разослал по губернии своих агитаторов, которые должны были помочь в восстановлении земств и проведении призывной кампании. На сельских сходах крестьяне часто заявляли им, что воевать против Красной Армии не пойдут, так как советы насильно их не мобилизовывали. На районном крестьянском съезде Бугурусланского уезда, состоявшемся также 8 июля, раздавались даже крики, что «члены КОМУЧа продались буржуям». Воззвания и приказы новой власти они изорвали на глазах у агитатора в ответ на его призыв отправить на сборный пункт подлежащих мобилизации. Уполномоченные и агитаторы КОМУЧа в своих докладах с мест отмечали: «Мужики нередко голосуют в пользу большевиков... не дают призываемых... Деревня стала неузнаваемой, сейчас в рабочую пору народ митингует. Появились приговоры: гражданской войны не хотим, солдат для борьбы с большевиками не дадим». В некоторых «деревнях старосты боятся даже составлять списки призывников» и не зря: в одном из сел Бузулукского уезда

⁵³⁸ Цит. по: Медведев В.Г. Белый режим под Красным флагом... С.103.

⁵³⁹ Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии... С.160.

был убит вербовщик С. Цодиков, причем убийцу так и не нашли⁵⁴⁰.

Для реализации мобилизационных мероприятий уполномоченные стали силой реализовывать приказы власти. В деревню посылались «особые воинские отряды» и казаки, которые арестовывали и часто расстреливали бывших членов совета, крестьян пороли, если те отказывались выполнять распоряжения о мобилизации. Подобные методы вызвали еще более резкое сопротивление крестьян теперь уже не только мобилизации запасных, но и всей системе комучевской власти. На сельских сходах принимались решения: «Восстать и вооружиться чем попало», «Не вывозить хлеб, муку, сено и другие продукты в Самару». Были призывы «охранять село от чехословаков и другого наемного войска»⁵⁴¹. Сломить сопротивление крестьян силой самарскому правительству не удалось, так как его возможности по созданию карательных отрядов и посылки их в деревню были ограничены. К тому же это был не лучший способ взаимоотношений между властью и народом. Демократы и сами возмущались «эксцессами», возникавшими в ходе проведения карательных операций. После этого военные перестали с ними считаться. Несколько лучше мобилизационные мероприятия осуществлялись в городах, где была организована широкая сеть административных учреждений, выполнявших эту работу. Губернские и уездные уполномоченные, воинские начальники и коменданты гарнизонов, штабы охраны (контрразведка), милиция, квартальные советы – все эти структуры были обязаны обеспечить доставку на сборные пункты лиц, подлежащих призыву. Однако большинство поставленных под ружье молодых горожан были из семей рабочих, ремесленников, мещан, также не желавших участвовать в братоубийственной гражданской войне. Все это приводило к массовому дезертирству из «Народной армии» молодых солдат рабоче-крестьянского происхождения.

В августе 1918 г. КОМУЧ отменил бронь «работающих на оборону» и объявил призыв в «Народную армию» всех генералов, офицеров, прапорщиков и унтер-офицеров, не достигших 35-летнего возраста. Сама по себе необходимость мобилизации офицеров

⁵⁴⁰ ЦГАСО. Ф.Р-402. Оп.1. Д.4. Л.94.

⁵⁴¹ Самарская губерния в годы гражданской войны. С.61-63.

запаса говорила о непопулярности власти учредилловцев в этой среде. Большая часть монархически настроенного офицерства презирала социалистический состав комучевского правительства. Они предпочитали воевать за белую идею в Добровольческой армии. Наиболее боеспособными в «Народной армии» были лишь чехословацкие части, отряды казаков атамана Дутова и 1-я добровольческая (Самарская) дружина полковника В.О. Капеля. Большая же часть населения Самарской губернии не желала защищать власть Комитета членов Учредительного собрания. Те из мобилизованных в «Народную армию» рабочих и крестьян, которые не дезертировали, тем не менее не желали и не умели воевать. Дисциплина из-за псевдодемократических порядков в армии была слабая. Согласно уставу «Народной армии» офицер был начальником лишь в боевой обстановке, не имел права налагать дисциплинарных взысканий; первоначально отсутствовали знаки различия между старшими и младшими. Только в сентябре 1918 г. по требованию офицеров были введены погоны, организация службы приблизилась к порядкам царской армии, командующим боевыми группами предоставлялось право учреждения военно-полевых судов. Но все указанные мероприятия лишь еще больше сузили социальную базу комучевской власти и ее вооруженных сил. Укрепление воинской дисциплины и стремление использовать приказные методы в управлении гражданскими делами прослеживались с самого начала деятельности КОМУЧа. Они особенно усилились в связи с сопротивлением рабочих и крестьян репрессивным мероприятиям власти. Запретив «всякие добровольные расстрелы», КОМУЧ, тем не менее, наделил широкими полномочиями штаб охраны, куда доставлялись арестованные, «подозреваемые в участии в большевистском восстании»⁵⁴².

Все ущемленные при советской власти поспешили воспользоваться благоприятной ситуацией для сведения счетов с экспроприаторами. Социалистическое правительство КОМУЧа не смогло урегулировать непримиримые социальные противоречия, хотя и пыталось ходатайствовать об освобождении из тюрьмы некоторых бывших соратников по революционному фронту. В то же время рядовые красноармейцы, защищавшие город и брошенные на произ-

⁵⁴² Под знаменем Комуча... С.15.

вол судьбы бежавшими руководителями, были схвачены на улицах Самары с оружием в руках и многие из них расстреляны или растерзаны толпой. Арестованных подвергали селекции не только по партийному, социальному, но и по национальному признаку. Очевидцы так описывали разборки во время вступления чехов в Самару 8 июня 1918 г.: «Партию за партией вели чехи пленных (с Волги) по ул. Л. Толстого к Самарке через вокзал... пленных мадьяр и латышей отделяли от русских. Я спросил чеха, для чего это делают, он самодовольно ответил: «Русских мы не расстреливаем, ибо они обмануты большевиками, а латышей, мадьяр и комиссаров не щадим»⁵⁴³. Ожесточение, свойственное любой гражданской войне, способствовало осуществлению репрессивной политики со стороны комучевской власти. Некоторые структуры это правительство и вовсе не контролировало. «Арестами руководили... "штаб охраны" (во главе которого стоял... Хрунин)" и "контрразведка"... Во главе последней стоял чешский капитан Глинка... Его помощниками были: Журавский (чех), Босяцкий (русский) и Данилов (бывший полицейский пристав 3-го участка г. Самары). В качестве агентов "работали" чехи, японцы, татары и несколько русских... Кроме "штаба охраны" и "контрразведки" налеты на квартиры и обыски самостоятельно производили еще казаки... . Тюрьма, рассчитанная на 800 человек, вмещала в себя после чехословацкого переворота до 2300 человек. Сидели по 3-4 в одиночках... Пища в тюрьме вначале была очень плохая. Хлеба давали мало, и голодные заключенные из окон кричали на улицу, чтобы им приносили съестного. Тюремщики из штаба охраны и контрразведки брали также взятки. Существовала своего рода такса. За освобождение комиссара (под эту рубрику подходили и те, кто были простыми служащими в советских учреждениях) брали 1500-2000 руб., за освобождение простых смертных – 1000 руб... бессильна была следственная комиссия при Комитете, составленная из бывших юристов, бессильны были общественные организации, хлопотавшие за арестованных»⁵⁴⁴. Репрессивные методы управления возмущали население губернии.

⁵⁴³ Четыре месяца Учредилщины. С.62.

⁵⁴⁴ Там же. С.54-55.

На периферии, в удалении от комучевского правительства, царил полный произвол; аресты производились всеми, кто хотел: контрразведкой, начальниками милиции, комендантами, казаками. Военно-полевые суды активно вмешивались в судопроизводство над гражданскими лицами, производили самовольные расправы. Сопротивлявшихся мобилизации крестьян загоняли в «Народную армию» всеми способами. Например, 19 августа 1918 г. на сахарный завод при с. Богатое Бузулукского уезда Самарской губернии «прибыл отряд солдат народной армии под начальством штабс-капитана Белькина... 19 вечером и в особенности 20 утром... арестованных клали вниз лицом на специально разостланный для этой цели брезент и "вкладывали" 20-25 ударов нагайкой... Били молодых парней (как видно новобранцев), били пожилых рабочих и крестьян, года которых еще не призваны, и били женщин, которые... не могли иметь какого бы то ни было отношения к призыву новобранцев»⁵⁴⁵. Такие методы решения социально-политических проблем привели не просто к непопулярности комучевского правительства. Они дискредитировали идеи демократии, пропагандировавшиеся эсерами, а заодно способствовали окончательному краху земского самоуправления. Напротив, советы, оказавшиеся гонимыми, стали привлекательнее для масс. Кроме того, сами соратники Самарского правительства отмечали, что его управляющие не отличались профессионализмом Учредилковский депутат от северного фронта В.Л. Утгоф вспоминал: «Самарская эпопея показала, что в партии с.-р. нет достаточного числа людей, способных руководить деятельностью государства в такой сложной и запутанной обстановке. Более того, с.-ры не могли дать достаточного числа деловых администраторов. Министры Самарского Комитета членов Учр. Собрания, именно как министры, не пользовались особым фавором даже среди своих товарищей. Среди военных специалистов не было ни одного настоящего с.-ра. Пути сообщения были доверены И.П. Нестерову, не отличавшемуся рукоятку тормоза Вестингауза от вешалки для платья. Министром народного просвещения был Е.Е. Лазарев, преклонные годы которого делали его совершенно неспособным к админи-

⁵⁴⁵ Самарская губерния в годы гражданской войны. С.38.

стративной работе»⁵⁴⁶. Он, кстати, констатировал, что «идея демократии снова очутилась в опасности» из-за действий комучевской власти⁵⁴⁷.

Социально-экономическая политика КОМУЧа неизбежно носила двойственный характер. Комитет всеми силами пытался восстановить экономику края, но, не желая прибегать к диктаторским методам управления, не смог справиться с поставленными задачами – решить финансовый, продовольственный, рабочий, крестьянский вопросы. Определенных успехов достигло комучевское правительство в организации народного образования, считая, что «пролитая в борьбе против большевиков и немцев кровь будет напрасной, если страна лишится образованного потомства». Оно обязало освободить «все школьные и библиотечные помещения, занятые военными, правительственными и общественными организациями»⁵⁴⁸. Около половины всех средств, отпущенных земствам, было истрачено на ремонт школ, покупку учебников и выплату жалованья учителям. В августе 1918 г. Комитет образовал Информационное бюро для организации газетного дела и сбора исторического материала. При нем была создана книжная палата для регистрации периодических изданий, формирования книжного и газетного фондов, обмена литературой с другими территориями страны. Ведомство народного просвещения КОМУЧа издало специальное постановление об охране памятников революции, старины и культуры⁵⁴⁹. Кстати, мероприятия культурно-просветительного плана находили поддержку всех слоев населения и политических структур, функционировавших на территории, подвластной КОМУЧу.

10 августа 1918 г. в ответ на очередное ходатайство общественности Педагогический институт, учрежденный 21 августа 1917 г., был преобразован «в Самарский университет со всеми правами и преимуществами, Российским университетам присвоенными». Открытие университета вызвало большой общественный резонанс.

⁵⁴⁶ Цит. по: Переверзев А.Я., Кулишов О.С. Комуч. Директория. Колчак... С.135.

⁵⁴⁷ Кабытова Н.Н. Народ и власть в период КОМУЧа//Энциклопедия Самарской области. Приложение. Т.3. С.57.

⁵⁴⁸ ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

⁵⁴⁹ Там же. Оп. 1с. Д. 5. Л. 33.

Был организован специальный Комитет «по устройству "Дня Просвещения" – Дня Самарского Университета». 11 августа после молебна и торжественной манифестации состоялось первое торжественное заседание Совета университета, продемонстрировавшее стремление к мирному созидательному труду рабочих и крестьян, учителей и врачей, инженеров и техников – всех, кому дороги общечеловеческие ценности, а не идейно-политические амбиции. Представитель Самарского союза учителей А.П. Пospelов надеялся, что «новый университет... поведет народ к его возрождению». Е.Л. Кавецкий, выступавший от Самарского общества врачей, заявил, «что на рубеже гибели величайшего государства, в момент величайшей разрухи и одичания всего народа возникают новые надежды на возрождение и начинается строительство в области духа и культуры». П.А. Потапов от Совета рабочих депутатов отметил, что «нарождающийся университет, обслуживая нужды народа в образовании, дает широкий доступ в университет и детям рабочих»⁵⁵⁰.

Политика КОМУЧа в отношении общего образования не противоречила советской в плане отделения школьного образования от религиозного исповедания. Организационные мероприятия по содержанию и комплектованию кадрами Ведомство народного просвещения поручало осуществлять органам местного самоуправления. Восстановленные городские и земские управы не могли с этим справиться, прежде всего, из-за недостатка финансовых средств. Кроме того, возникли проблемы, связанные с переходом к единообразной системе подготовки в учебных заведениях, ранее принадлежавших духовному ведомству. Содержание учебных заведений переходило к Временному Самарскому губернскому комитету по народному образованию, который в результате дебатов на своих заседаниях смог только разработать смету по обеспечению педагогов зарплатами с учетом прожиточного минимума⁵⁵¹. Но даже этих средств в Ведомстве не было. Общие интересы в деле образования народа с целью его возрождения не могли надолго сплотить власть и общество. Противоречия между его различными слоями были непримиримы.

⁵⁵⁰ Под знаменем Комуча... С.408-410.

⁵⁵¹ Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на Востоке России. С.789-790.

Внутренний кризис КОМУЧа делал его недееспособным и к отражению внешней опасности со стороны советской власти. Реорганизованная ею Красная армия стала наносить ощутимые удары по Народной армии, являвшейся таковой лишь по названию, так как массовое дезертирство ее полностью развалило. Несмотря на преимущества в возможностях осуществления маневров на территории КОМУЧа, реализовать их командованию Народной армии было сложно, так как надеяться оно могло лишь на отдельные боеспособные отряды, которых было явно недостаточно. Красная армия, делавшая первые шаги на пути к утверждению регулярной системы, строгой субординации и дисциплины, сумела уже осенью 1918 г. на Восточном фронте поставить и выполнить четкие боевые задачи. У нее здесь было численное и техническое преимущество, которое умело использовалось в боях с умным, хорошо обученным, но лишенным необходимой моральной и материальной поддержки противником. В результате 10 сентября 1918 г. части Красной армии заняли Казань, 12 сентября – Симбирск. С 21 сентября силами 1-й и 4-й армий Восточного фронта началось одновременно наступление на Самару и Сызрань. Самарская дивизия, правый фланг которой прикрывала продвигавшаяся на север Николаевская дивизия во главе с В.И. Чапаевым, успешно сдерживала контратаки уральских казаков. Продвижение красных войск осуществлялось медленно из-за размытых дождями дорог, недостатка лошадей и подвод. Командование Восточного фронта настаивало на скорейшем продвижении войск, чтобы «не дать противнику возможности произвести планомерную эвакуацию»⁵⁵². В занятых красными уездах также начались реквизиции лошадей.

3 октября 1918 г. войска 1-й армии Восточного фронта заняли Сызрань. Отступавшие части белых взорвали несколько пролетов железнодорожного моста через Волгу, немного задержав наступление объединенных сил 1-й и 4-й армий. 4 октября Совет управляющих ведомствами КОМУЧа постановил эвакуировать все свои учреждения в Уфу. Полки 1-й чехословацкой дивизии и остатки Народной армии после неудачных попыток мобилизовать силы на защиту Самары оставили ее. Весь плацдарм Сызрань,

⁵⁵² Медведев В.Г. Белый режим под Красным флагом... С.188.

Самара, Ставрополь, с которого начинался поход чехословаков и учредилловцев на северо-восток, был освобожден. Утром 7 октября остатки белых очистили левый берег р. Самара и подожгли понтонный мост, а днем взорвали железнодорожный мост через нее, обеспечив свой отход. Вечером того же дня красноармейцы вошли в Самару. До конца октября 1918 г. различные части Красной армии вытеснили белых из всех опорных пунктов восточной части губернии. 11 октября они заняли Кинель, 14 – Бугульму, 18 – Сергиевск, 23 – Бугуруслан, 26 – Бузулук. В Бузулукском уезде активно взаимодействовал с наступающими красноармейскими частями Домашкинский партизанский отряд С.В. Сокола, образованный еще летом 1918 г.⁵⁵³

Ликвидация власти КОМУЧа на территории Самарской губернии привела к восстановлению советской системы. Апеллируя к трудящемуся населению губернии, призывая его защищать власть рабочих и крестьян, коммунистические функционеры преследовали прежде всего свои интересы. Богатую материальными ресурсами территорию грабили все. Чехословаки, отступая, вывозили станки и оборудование, металл и резину, медикаменты и лошадей, разворовывали библиотечные собрания. В свою очередь Реввоенсовет 4-й армии обращался в начале октября к красноармейцам с таким призывом: «Перед вами – Самара... Еще один удар, и Волга от истоков до впадения будет открыта для движения красных пароходов с хлебом, нефтью и другими продуктами, столь необходимыми Советской России... Быстрее туда!»⁵⁵⁴. В результате только с 16 по 24 октября 1918 г. через Самару вверх по Волге было отправлено 8 млн. пудов нефтепродуктов.

Оценивая идеологию и политику, стратегию и тактику Самарского КОМУЧа, исследователи характеризуют его деятельность как «демократическую контрреволюцию». Само сочетание этих терминов свидетельствует об ограниченности возможностей данного государственного объединения. Восстановленные структуры местного самоуправления – думы и земства не выдерживали сопер-

⁵⁵³ Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии... С.237, 239.

⁵⁵⁴ Цит. по: Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье... С. 177.

ничества с советами, которые аккумулировали требования основных революционных потоков – рабочих и крестьян. Комучевцам не удалось урегулировать главные вопросы революции: о земле, о мире, о национально-государственном строительстве. Намеченные к реализации ведомствами Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания мероприятия требовали значительных финансовых средств, источники поступления которых не могли быть реализованы в условиях гражданского противостояния. Военно-политические и охранные функции власти и вовсе осуществлялись путем принуждения и насилия. Таким образом декларативные заявления эсеровских лидеров о возможности построения общедемократического государства были опровергнуты практикой функционирования КОМУЧа. Гражданская война продолжалась, социальное противостояние обострялось, разорение Самарского края, как и всей страны, нарастало.

Глава 8

Структуры Всероссийской чрезвычайной комиссии в Самарской губернии (1918–1920 гг.)

Большевики после прихода к власти быстро перевоплотились из революционеров в государственников. Актуальной проблемой для них стало создание государственных институтов и поиск способов управления обществом. При этом мотивация советского государственного строительства сочетала доктринальные установки партийно-советских лидеров и мобильные принципы их реализации, обусловленные тактикой борьбы за власть. Руководители Советского государства распространяли военно-мобилизационные мероприятия практически на все базовые сферы функционирования общества и преуспели в использовании целого арсенала ординарных и чрезвычайных способов и методов в государственном управлении. В.И. Ленин в марте 1918 г. писал: «выдвинулась задача завоевания власти и подавления сопротивления эксплуататоров», «вместо того, чтобы убеждать, на первое место стала задача завоевывать Россию»⁵⁵⁵. В основе этих перемен лежали глубокие социокультурные сдвиги, предопределившие поддержку советов населением, пополнение советских структур и, наоборот, вызывавшие периоды острого гражданского противостояния власти и общества.

В деятельности высшего партийно-советского руководства можно выделить два взаимосвязанных направления. Первое направление – это комплекс мер, связанных с разрушением прежнего государственного порядка. Накопленный обществом к осени 1917 г. революционный радикализм определил победу совет-

⁵⁵⁵ Цит. по: История России: в 20 т. / Ин-т российской истории РАН. Т. 12. Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 1. Военное и политико-дипломатическое противоборство. М.: Наука, 2024. С. 131.

ской власти и политику, направленную на демонтаж прежних властных структур и подавление представителей «свергнутых классов». Второе направление – государственная политика, нацеленная на легитимизацию и самосохранение советской власти и влияния РКП(б), которая, учитывая конфронтационный и бескомпромиссный характер ее преобразований, включала чрезвычайные меры.

Характерными принципами властвования и управления было неизменное сохранение лидерства РКП(б) вплоть до монополизации ею всего политического пространства, появление слоя функционеров, способных к обеспечению новых государственно-политических структур, и быстрое формирование парадигмы чрезвычайных структур со своим режимом функционирования, направлениями и методами деятельности. Чрезвычайные структуры государства «диктатуры пролетариата» участвовали в утверждении власти советов и проведении курса РКП(б). Они активно, систематически затрагивали широкие сферы государственного управления. Особое место занимали структуры ВЧК и ее подразделения – Чрезвычайные Комиссии. В советское время существовали представления о вынужденном появлении и временном характере ВЧК, не менявшей основы пролетарской государственности⁵⁵⁶. Такая проблематизация темы обедняла действительную деятельность ВЧК и ее историческую роль. ВЧК была включена в реализацию широкого круга направлений деятельности советской власти, использовала различные методы и активно влияла на конституирование новых органов власти и управления и проводимую ими государственную политику.

В истории 1917 г. и гражданской войны в Поволжье исследован общий ход событий, выявлена специфика организации и деятель-

⁵⁵⁶ Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.). М.: Госуд. изд-во политической литературы, 1960. С. 6; Хохлюк Г.С. Рождение революции и борьба против контрреволюции: Очерк теории. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1978; Титов Ю.П. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность. М.: БЮЗИ, 1981.

ности советов⁵⁵⁷. В работах, посвященных как революционным событиям в Самарском крае⁵⁵⁸, так и истории края в целом, воссоздана широкая панорама противостояния власти и общества в период становления советской государственности⁵⁵⁹. В советское время исследований по истории органов ВЧК в Поволжье и Урале

⁵⁵⁷ Захаров Н.С. Октябрьская революция и советское строительство в Среднем Поволжье (Октябрь 1917–март 1918 гг.). Казань: Изд-во Казанского университета, 1970; Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980; Семьянинов В.П. Советы в деревне в первый год пролетарской диктатуры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1988; Литвин А.Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань: Изд-во Казанского университета, 1972; Ионенко И.М. Солдатские массы в Октябрьской революции (По материалам Поволжья и Урала). Казань: Изд-во Казанского университета, 1976; Соколов С.А. Революция и хлеб. Из истории советской продовольственной политики в 1917–1918 гг. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1967.

⁵⁵⁸ Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974; он же. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1970; Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. В огне гражданской войны (Самарская губерния в 1917–1920 годах). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997; Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара: Самарский университет, 2002; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара: ООО ОФОРТ, ГОУВПО «Самарский госуниверситет», 2005.

⁵⁵⁹ Самарская летопись: В 3 кн. / Под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова; Акад. гуманитар. наук и др. Самара: Самар. ун-т, 1993. Кн. 3: Самарский край в XX веке (1918–1996 гг.) / [Н.Н. Кабытова, П.С. Кабытов, А.Э. Лившиц и др.]. Самара: Самар. ун-т, 1997; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998). М.: Наука, 2000; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 2. Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века. Самара: ООО «Слово», 2020.

было немного⁵⁶⁰. На современном этапе разрабатывается история ВЧК в Самарской губернии⁵⁶¹, а отдельные аспекты ее деятельности отражены в трудах по истории крестьянства и формирования советских властно-управленческих, правоохранительных и судебных органов в регионе⁵⁶². Следует обратить внимание на то, что представление о местных структурах ВЧК как об органах государ-

⁵⁶⁰ Романенко В.В. В борьбе с контрреволюцией: Из истории создания Чрезвычайных Комиссии Поволжья и Урала в 1918–1922 гг. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985; Он же. Роль чекистов и воинов внутренних войск в ликвидации кулацких банд и белогвардейщины в Среднем Поволжье и Приуралье в 1920–1922 гг. // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Под ред. С. Г. Басина. Том 160. Выпуск V. Куйбышев: КГПИ, 1975; он же. Деятельность ЧК и войск внутренней охраны в первые годы Советской власти // Крестьянство Поволжья в Октябрьской революции и Гражданской войне. Межвузовский сборник. Под ред. П.С. Кабытова. Куйбышев: КГУ, 1983.

⁵⁶¹ Мистрюгов П.А. Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны. Самара: изд-во Самарского научного центра РАН, 2018; он же. Репрессии органов ВЧК в Самарской губернии в 1918 г. // Вестник Самарского государственного университета. № 8/2 (109). 2013. С. 155 – 158; Он же. Судьбы «бывших» в российской провинции в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. № 4. 2017. С. 61–73; Он же. Государственная политика Временного правительства и советской власти по отношению к бывшим служащим общей и политической полиции России в марте 1917 – декабре 1921 г. (по материалам Самарской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 14–31. электрон. текстовые данные on-line. Электрон. версия печ. публикации. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26167; Он же. Антикрестьянские мероприятия органов ВЧК в Поволжье и Приуралье в годы Гражданской войны // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. 2020. Т. 26. № 2. С. 41–48.

⁵⁶² Кабытова Н.Н. Становление местных органов советской власти в 1918–1920 гг. // Вестник СамГУ. Самара, 2007. № 5/3; Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009; Карпов И.Е. Организационно-правовые основы становления и деятельности органов милиции Самарской губернии, 1917–1925 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998; он же. У истоков рождения органов внутренних дел Самарской области. Историко-правовой очерк. Изд-во «Самарский университет», 1999; Гизатулин Ш.Т. Преступность в российской провинции и борьба с ней в октябре 1917–1922 гг. (на материалах Самарской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008 и др.

ственной безопасности⁵⁶³ в новейшей историографии соседствует с представлением о них как о важнейшей части большевистской диктатуры⁵⁶⁴ и низведением данных структур к архаичным формам политического сыска⁵⁶⁵. Такие подходы также упрощают организационно-функциональные направления их деятельности и только подтверждают остроту противоречий во взаимоотношениях власти и общества в годы гражданской войны. Рассмотрим, как в Самарской губернии структуры ВЧК позволили большевикам удержать власть и провести социально-экономические и политические мероприятия в условиях жесткой конфронтации власти и общества.

Процесс формирования большинства подразделений ВЧК в стране – губернских и уездных ЧК – происходил в течение января–сентября 1918 г.⁵⁶⁶ В региональной историографии вопрос об образовании Самарской ГубЧК рассматривается неоднозначно. Первую точку зрения высказал В.В. Романенко, который отмечал, что в условиях «вызова, брошенного контрреволюцией» ВРК Самары 17 декабря 1917 г. создал Комиссию по борьбе с контрреволюцией. В конце мая 1918 г. она прекратила свое существование; начало «боевой» деятельности Самарской ЧК относится к 27 августа 1918 г., когда был утвержден состав ЧК⁵⁶⁷. Вторую точку зрения высказал И.Е. Карпов, который относит время создания и начала деятельности ГубЧК к началу 1918 г. Так, 1 января 1918 г. по решению Самарского губкома РСДПР(б) была создана Губернская ЧК по борьбе с контрреволюцией во главе с А.Н. Клейманом, но действовать она начала значительно позже: сначала ее образованию противился Самарский губисполком, а 8 июня 1918 г. губер-

⁵⁶³ Рыжиков А.В. Деятельность губернских чрезвычайных комиссий Верхней Волги в 1918– 1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2003. С. 164.

⁵⁶⁴ Капчинский О.И. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М.: Крафт+, 2017. С. 275.

⁵⁶⁵ Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007. С. 168, 169.

⁵⁶⁶ ВЧК (1917–1922): к столетию создания: сборник научных статей и документов. Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Институт российской истории РАН, Центральный архив ФСБ РФ, 2017. С. 522–531.

⁵⁶⁷ Романенко В.В. В борьбе с контрреволюцией: Из истории создания Чрезвычайных Комиссии Поволжья и Урала в 1918–1922 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 21–22.

ния была захвачена КОМУЧем⁵⁶⁸. Наиболее убедительная точка зрения представлена в очерках, посвященных 90-летию Управления ФСБ по Самарской области. Коллектив авторов полагает, что Самарский губком РКП(б) три раза принимал решения о создании ЧК (в январе, марте, августе 1918 г.), но только после освобождения Самары в октябре 1918 г. она приступила к работе, хотя приказ о ее создании был подписан 23 мая 1918 г.⁵⁶⁹ Эти подходы отражают попытки власти в нестабильных социально-политических условиях обеспечить приоритеты влияния РКП(б) в системе советов.

В создании и реорганизациях ВЧК в Самарской губернии можно выделить три этапа. На первом этапе, начавшемся в декабре 1917 г., анархо-максималистский мятеж в мае 1918 г. ускорил процесс принятия решения об образовании местной ЧК, однако захват Самары КОМУЧем стал препятствием для исполнения этого решения. В тылу противника были созданы военные резидентуры 4-й армии Восточного фронта, а при штабе 4-й армии Восточного фронта действовала фронтовая ЧК, что было вполне закономерно, поскольку КОМУЧ имел агентуру. После восстановления советской власти фронтовая ЧК продолжала функционировать, являясь основным следственно-оперативным чрезвычайным подразделением советской власти. Лишь к декабрю 1918 г., согласно принятой на II Всероссийской конференции обновленной структуре местных ЧК, были образованы ГубЧК и ДЧК. Второй этап организации местных органов ВЧК происходил с июня 1919 до февраля 1920 г., в ходе него была установлена новая штатная структура, происходило усовершенствование прежде всего оперативно-информационных методов деятельности ЧК. Третий этап формирования местных подразделений ВЧК – февраль 1920–1922 гг. – характеризовался тем, что центральные и губернские власти усиливали координацию подразделений местных органов ВЧК и правоохранных структур в области информационной политики, борьбы с уголовной преступностью и хищениями на железных дорогах, вплоть

⁵⁶⁸ Карпов И.Е. Организационно-правовые основы становления и деятельности органов милиции Самарской губернии, 1917–1925 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 80.

⁵⁶⁹ Громов А.В., Хорошавин В.А., Хумарьян С.Г. Самарский щит: очерки, посвященные 90-летию Управления ФСБ по Самарской области. Самара: Русское эхо, 2008. С. 48.

до наделения ГубЧК внесудебными полномочиями⁵⁷⁰. Данный этап завершился реорганизацией ВЧК в ГПУ.

На каждом этапе эволюции структур ВЧК в Самарской губернии, определявшейся директивами центра и влиянием конкретной ситуации, выстраивалась иерархия направлений их деятельности. Так, осенью 1918 – в начале 1919 г. местные структуры ВЧК наделались репрессивными полномочиями по борьбе со сторонниками власти КОМУЧа; в период борьбы с наступлением Колчака и в последующие годы сотрудники ЧК участвовали в укреплении боеспособности частей Красной армии; реализуя продразверстку, ЧК привлекались к обеспечению проведения фискально-реквизиционных повинностей и подавлению повстанческого крестьянства; занимались разведкой и контрразведкой. В каждом из выделенных направлений сложилась своя конфигурация принципов и методов деятельности.

Одним из опасных явлений, ослаблявшим боеспособность Красной армии, было массовое дезертирство. О масштабности этого явления в границах Среднего Поволжья пишет В.В. Кондрашин, утверждая, что в 1919 г. оно достигло таких размеров, что только половина мобилизованных крестьян защищала советскую власть, а остальные пополняли ряды дезертиров⁵⁷¹. В Самарской губернии как прифронтовой зоне Восточного фронта и арене ожесточенного противостояния власти с крестьянством борьба с дезертирством была в числе первостепенных задач. Принятие местными советами комплекса мер против дезертиров началось во время наступления Русской армии под руководством Ставки Верховного Главнокомандующего. Весной 1919 г. советские власти разрабатывали меры как по предупреждению, так и по преодолению последствий дезертирства из воинских частей. Местные руководители организовывали кампании по пресечению дезертирства. Ведущим подразделением выступали Комиссии по борьбе с дезертирством на губернском и уездном уровнях. Их работу дополняли революционные трибуналы и народные суды, с помощью судебных мер возвращавшие солдат в воинские части. Местные

⁵⁷⁰ Мистрюгов П.А. Местные чрезвычайные структуры. С. 141-143.

⁵⁷¹ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. С. 176-177, 190.

органы ВЧК обеспечивали боеспособность частей Красной Армии на организационном, военном и следственном уровнях. Рассмотрим основные вспышки дезертирства, а также установим формы и методы работы ГубЧК по укреплению армейской дисциплины. В апреле 1919 г. в воинских частях, базировавшихся на территории Самарской губернии, начался стремительный рост дезертирства. Самарский губком РКП(б) для разработки плана мероприятий по восстановлению дисциплины создал комиссию в составе членов Особого Отдела, ГубЧК, Городской милиции и представителей Губернской комиссии по борьбе с дезертирством⁵⁷². Впоследствии членство сотрудников ЧК в многочисленных временных комиссиях, занятых ликвидацией различного рода общественных протестов, стало распространенным способом чрезвычайного управления на региональном уровне.

В июне – октябре 1919 г. значительно поднялась волна дезертирства в Бузулукском, Бугурусланском, Пугачевском и Ставропольском уездах. Начались военные операции по выявлению и уничтожению дезертировавших солдат. В составе сводных сил, привлеченных к выполнению данных задач, были воинские образования губернской и уездных комиссий по дезертирству, губернской ЧК, войск охраны Республики, Красной армии, также в этом участвовали органы милиции. Вооруженные отряды получили права по ликвидации дезертиров и руководствовались оперативной установкой «быстро и решительно»⁵⁷³. В период подавления Сапожковского восстания представитель ГубЧК участвовал в следственной комиссии, образованной согласно приказу Приволжского Центрального комитета по дезертирам. Перед следственной комиссией была поставлена задача разбирать дезертирские дела. Кроме сотрудника местной ЧК, в комиссию входили члены Губернской комиссии по борьбе с дезертирами и РКП(б)⁵⁷⁴. Под руководством Губернской комиссии по борьбе с дезертирством все губернские органы власти и управления объединили свой потенциал для проведения «генерального боя». Предпринятые меры

⁵⁷² Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

⁵⁷³ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.

⁵⁷⁴ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258. Л. 4.

оказались эффективными. Солдаты, вернувшиеся в ряды Красной армии, направлялись на Южный фронт и «геройски» себя проявили в сражениях с врангелевцами⁵⁷⁵.

В течение 1918–1922 гг. происходила дифференциация усилий местных ЧК в сфере борьбы за власть. После подавления анархо-максималистского мятежа и разгрома КОМУЧа восстановление советской власти в Самарской губернии осенью 1918 г. было временем активности ВЧК. Так, перед ЧК 4-й армии Восточного фронта, а после ее реорганизации в декабре 1918 г. – ГубЧК стояла главная задача – выявление сторонников власти Комитета членов Учредительного собрания. В октябре 1918 – январе 1919 гг. происходила советская «зачистка» города и уездов. ЧК обладали исключительной властью над судьбами арестованных. В конце 1918 г. творимое ГубЧК беззаконие и расстрелы граждан, «непричастных к политике», получили осуждение в Самарском губкоме РКП(б), вплоть до требований отставки ее руководящего состава⁵⁷⁶. Структуры советской власти в городе и губернии восстанавливались под руководством комитетов РКП(б), что обеспечивало их подчинение узкопартийным коммунистическим интересам⁵⁷⁷. На протяжении последующих лет принцип организующей роли РКП(б) сохранится.

Сведения об общем объеме дел и числе арестованных, а также о принятых в отношении них мерах наказаний фрагментарны. Так, в течение октября 1918 – января 1919 гг. фронтовой, а после ее реорганизации – ГубЧК было заведено 1500 дел. К 25 января 1919 г. следствие было закончено по 1150 делам. 227 граждан были освобождены, дела 144 граждан (51 дело) переданы в ведение других учреждений, 24 гражданина приговорены к разным срокам заключения в тюрьму, 14 граждан расстреляны и 27 дел было прекращено. Использовалась и такая туманная фраза, как «общая убыль» арестованных ЧК за январь 1919 года, которая составляла 409 граждан⁵⁷⁸. Среди методов работы местных ЧК отдельное

⁵⁷⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 330. Л. 1 об.

⁵⁷⁶ Там же. Д. 18. Л. 19–20, 22.

⁵⁷⁷ Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. В огне гражданской войны (Самарская губерния в 1917–1920 годах). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. С. 45.

⁵⁷⁸ Центральный государственный архив социально-политической истории (далее – ЦГАСО). Ф. Р. – 81. Оп. 2. Д. 1. Л. 94–94 об.

место исследователи отводят репрессиям, широко распространенным в годы гражданской войны. В данный период репрессии местных структур ВЧК были внесудебными. О.Б. Мозохин описывает наделение ВЧК внесудебными полномочиями с осени 1918 и до апреля 1919 гг.⁵⁷⁹. Количественные параметры внесудебных наказаний, применявшихся органами ВЧК в Самарской губернии в 1918 г., были следующими: согласно опубликованным статистическим данным, сотрудниками ЧК было расстреляно 187 граждан, из них 17 по обвинениям в «шпионаже»; 49 в «восстаниях», 76 в «участии в контрреволюционных организациях»; 9 в «призывах к вооруженному восстанию»; 6 в «бандитизме»; 30 – «прочее»⁵⁸⁰. Опираясь на выявленные документы из местных архивов, отметим, что практика приговоров к высшей мере наказаний была распространена в октябре 1918 – январе 1919 гг. Фронтовой ЧК, а после ее реорганизации – губернской ЧК были исполнены приговоры к высшей мере наказания в отношении 78 граждан, среди которых были 20 горожан, 48 граждан (их социальная и профессиональная принадлежность не установлены), 10 царских военных. Лидировали приговоры, состоявшие из различных форм поддержки власти КОМУЧа. Незначительная доля решений ЧК о назначении высшей меры наказания арестованным включала обвинения в пьянстве, грабежах и расстрелах. На принятие расстрельных приговоров влияло социальное происхождение арестованных. Например, обвинения в службе в Народной армии были предъявлены «бывшим офицерским чинам» Русской императорской армии. Как отметили следователи ЧК, они принадлежали к «классу буржуазии» и по убеждению сотрудников ЧК остались в Самаре для того, чтобы «вредить пролетарской революции». Группа из 10 военных была расстреляна. По тому же делу под арестом находилась группа «пролетариев», которые, по мнению сотрудников ЧК, попали в Народную армию «или

⁵⁷⁹ Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). Москва – Жуковский: «Кучково поле», 2006. С. 27-28.

⁵⁸⁰ Он же. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918 – 1953 гг.). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. С. 20.

насиленно или по чисто случайным причинам», они были освобождены⁵⁸¹.

В конце 1918 – начале 1919 гг. внесудебные методы практиковались ЧК в Бузулукском, Бугурусланском и Бугульминском уездах. Распространенным мотивом утвержденных приговоров к расстрелу была «контрреволюционная деятельность» (под нее попадали различные способы противодействия советской власти) и поддержка гражданских и военных структур КОМУЧа. Данные обвинительные приговоры, вынесенные уездными ЧК, были слабо формализованными и содержали, наряду с перечислением идеологических штампов типа «эксплуататора чужого труда», указания на конкретные действия, считавшиеся властями преступными. Очевидно, что инициатива расстрелов принадлежала уездным ЧК и они проводились под контролем коллегии ГубЧК. Ими было расстреляно 66 граждан, из них – 25 крестьян, 21 «помещик» (главным образом из Бугульминского уезда), 12 «граждан» (3 рабочих, 2 спекулянта, 2 хлебопашца, 1 учитель, 1 ученик реального училища, 1 протоирей, 1 письмоводитель и 1 бывший тюремный надзиратель) и 8 мещан⁵⁸². Зимой – весной 1919 г. ГубЧК провела аресты нескольких граждан, предъявив им те же обвинения, и задержала «чешского шпиона»⁵⁸³. Итак, в октябре 1918 – январе 1919 г. 144 гражданина подверглись внесудебным репрессиям со стороны губернских и уездных органов ЧК в Самарской губернии. В январе 1919 г. в ходе восстановления Губернского ревтрибунала внесудебные репрессивные меры ЧК по отношению к участникам комучевских структур власти сменились заверениями о недопущении репрессий к рабочим и беднейшим крестьянам, «вовлеченным в чехословацко-эсеровскую авантюру»⁵⁸⁴. Впоследствии амнистии

⁵⁸¹ Подсчит. по: Приложение к «Краткой хронике революционных событий 1918 года в Самарской губернии» // Энциклопедия Самарской области. Т. 1: Приложение / М-во образования и науки Самар. обл.; ред. совет: Ю.Н. Горелов, С.А. Голубков, Ю.П. Аншаков Самара : СамЛюкс-принт, 2010. С. 127, 129; подсчит. по: ЦГАСО. Ф. Р. – 193. Оп. 2. Д. 17. Л. 28; ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 2. Д. 1. Л. 94-94 об.

⁵⁸² ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 2 с. Д. 1. Л. 98 об.-99, 100 об.-101, 102-103 об.

⁵⁸³ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 232. Л. 82-82 об.; Оп. 2. Д. 1. Л. 84.

⁵⁸⁴ Цит. по: Хумарьян С. Секреты без конца (Открытая тетрадь). Литерное дело. Очерки-эпизоды о времени и людях из биографии автора. Самара: Русское эхо, 2010. С. 23.

и смягчение мер наказаний к рабочим и крестьянам стали распространены в деятельности чрезвычайных структур.

Во время наступления Русской армии под командованием адмирала А.В. Колчака лидирующей задачей местной системы советского управления было укрепление власти РКП(б) и советов в тыловых и прифронтовых уездах. Социально-политическая активность низовых органов власти и управления находилась под надзором подразделений ГубЧК. Местные руководители были заняты организацией обороны Самарской губернии от продвигавшихся к ее границам войск Колчака. В прифронтовой зоне наиболее распространенным способом чрезвычайного управления стала замена гражданской власти советов временными ревкомками. В данный период местная ЧК привлекалась к подавлению протестов уездных и волостных советов, которые были одним из «непокорных» звеньев во властной иерархии. Они являлись органами власти, непосредственно связанными с интересами местного крестьянского населения. На низовые советы в годы гражданской войны оказывалось огромное репрессивное давление. Протестная линия поведения низовых советов проявилась в первой половине 1919 г. Самарский губисполком и Губком РКП(б) преимущественно чрезвычайными методами проводили отстранение беспартийных составов советов от власти и устанавливали власть ревкомов для проведения установок центральной власти. Благодаря этим приемам губернскому центру удавалось реализовывать непопулярные среди населения фискально-реквизиционные повинности и военно-мобилизационные мероприятия.

На губернском уровне в феврале 1919 г. между Губкомом РКП(б) и руководством ГубЧК разгорелась дискуссия о сохранении ЧК в уездных центрах. Материалы выступлений участников этого собрания отражают антидемократическую цель губернской власти – удержание власти под контролем РКП(б). Так, участники заседания полагали, что необходимо продолжать использовать потенциал уездных ЧК для проведения мобилизаций и перевыборов советов, в которые прошло «кулачество». Важными аргументами, выдвинутыми в пользу сохранения уездных ЧК, стали множество «неразобранных дел» и слабость народных судов, как отмечалось,

«не способных выполнять полномочия ЧК»; отсутствие в уездах ревтрибуналов⁵⁸⁵. Таким образом, в некоторые периоды гражданского противостояния ЧК в уездах были единственной опорой партийно-советской власти.

Превалирование внесудебных методов деятельности ЧК, имевшее место в конце 1918 г., сменилось усилением надзорных мер над гражданским населением в январе – феврале 1919 г. Надзор устанавливался над «контрреволюционерами и буржуями», возвращавшимися в Самару из уральских городов. Как показывают данные переписки между губернскими органами власти, подозрение в организации антисоветских акций основывалось на их партийно-политической принадлежности и прежнем месте службы⁵⁸⁶. В первой половине 1919 г. периодически раскрывались «контрреволюционные заговоры», например, «гимназической организации контрразведки»⁵⁸⁷. Поднадзорным элементом местной политической системы были политические партии. Советская власть и РКП(б) проводили политику по ограничению их влияния как в центре, так и в регионах. В первой половине 1919 г. ВЧК и ее местные структуры провели массовые аресты меньшевиков. В Москве были арестованы 6 членов ЦК, значительная часть московского комитета РСДРП. Во многих крупных городах были осуществлены повальные аресты⁵⁸⁸. Под надзор были поставлены социалисты в Самаре. Их положение стало неопределенным. В 1919 г. при участии ЧК началась чехарда арестов и освобождений левых эсеров, меньшевиков, анархистов и максималистов⁵⁸⁹. Сотрудники ГубЧК провели закрытие клуба анархистов и взяли часть из них в заложники⁵⁹⁰. Максималисты были лишены права создавать отдельные воинские отряды⁵⁹¹. В мае 1919 г. председатель ГубЧК М.Ф. Левитин докладывал, что крупным делом стала «ликвидация» 25 анар-

⁵⁸⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.

⁵⁸⁶ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 2. Д. 1. Л. 94 об.-95.

⁵⁸⁷ Там же. Оп. 1. Д. 232. Л. 82.

⁵⁸⁸ Борисова Л.В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 71.

⁵⁸⁹ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 232. Л. 82; Д. 10. Л. 69, 72; Д. 194 б. Л. 496, 502, 508.

⁵⁹⁰ Там же. Ф. Р. – 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

⁵⁹¹ Там же. Д. 4. Л. 132 об.

хистов и захват оружия с боеприпасами⁵⁹². В сентябре 1919 г. Губкомом РКП(б) и коллегией ГубЧК были разработаны и приняты ответные меры на «белый террор». В состав «контрреволюционных врагов» были включены все социалистические партии и «активисты всех оттенков»⁵⁹³. Курс на ограничение их влияния привел к тому, что в декабре 1920 г., как отмечалось в информационной сводке, «больших нелегальных антисоветских организаций» в Самарской губернии не было. Отдельные представители партий «эсеров, меньшевиков, сионистов, монархистов и других» были взяты на учет и, как подчеркивалось, «на каждого назначен агент»⁵⁹⁴. К концу 1922 г. на X Губернском съезде Советов из 167 делегатов 136 были членами РКП(б), 36 беспартийными и «никаких других партий не имелось»⁵⁹⁵. При выборах членов Самарского губисполкома в списке членов от фракции РКП(б) было 27 человек, 3 из которых были беспартийными⁵⁹⁶. Таким образом, альтернативные большевикам политические партии и группы были поставлены под надзор органов ВЧК. Их участие в политической жизни происходило с санкции Губисполкома и Губкома РКП(б). К началу 1920-х гг. они утратили свои социально-политические позиции. В 1921–1922 гг. реализация таких мер социально-политического контроля ВЧК, как регистрация, наблюдение, кадровая фильтрация, проводилась над офицерами и «военчиновниками», гражданским населением, вернувшимся «из стана белых», и контингентом военных частей. Контрольно-учетные меры стали использоваться для выявления также «неблагонадежного и контрреволюционно настроенного элемента»⁵⁹⁷. В начале 1922 г. списки народных заседателей народных судов перед их утверждением направлялись в ГубЧК для проверочных действий. Например, по результатам нескольких проверок две кандидатуры были отклонены. В первом

⁵⁹² ЦГАСО. Ф. Р. – 138. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁵⁹³ Из протокола № 4 заседания пленума Самарского губернского комитета РКП(б) // Самарское Поволжье в XX веке. Сборник документов и материалов / Под ред. П.С. Кабытова и др. Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. С. 198.

⁵⁹⁴ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 496. Л. 216.

⁵⁹⁵ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 45. Л. 88.

⁵⁹⁶ Там же. Л. 99.

⁵⁹⁷ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 497. Л. 197; ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 370. Л. 83 об

случае мотивы отклонения неизвестны, во втором ими стали взяточничество и пребывание кандидатов в «стане белых»⁵⁹⁸.

Военно–революционные процессы способствовали расцвету уголовщины. Местные органы ВЧК не только в 1917–1918 гг.⁵⁹⁹, но и в 1919–1922 гг. принимали активное участие в расследовании данной группы преступлений. В декабре 1918 – январе 1919 гг. доля должностных преступлений в работе уездных ЧК была самой низкой: 91 гражданин был арестован «по преступлениям против революции», 22 по обвинениям в «спекуляции», 7 «по должности»⁶⁰⁰. Постепенно количество уголовных и должностных дел в оперативном делопроизводстве ЧК возрастало. Зимой – весной 1919 г. ГубЧК продолжала расследования дел по должностным и уголовным преступлениям. Особую опасность для общественного порядка представляли преступные действия, совершенные поволжскими грабителями–гастролерами. На контроле Губисполкома находилось дело об ограблении Полиграфического банка. ГубЧК занималась расследованием должностного преступления, совершенного Уполномоченным Датского Красного креста⁶⁰¹. Меры наказания, принятые ГубЧК по делам об убийствах, грабежах и фальшивомонетчестве в январе – сентябре 1919 г., были следующие: 8 граждан были освобождены, 3 заключены в концентрационный лагерь, 3 освобождены с зачетом предварительного заключения, 19 расстреляны, 6 приговорены к условному расстрелу, дела 5 задержанных были переданы в Губревтрибунал⁶⁰². Применение расстрелов местными органами ВЧК по данному типу преступлений отличает достаточно высокий процент в общем объеме приговоров к высшей мере наказания.

В конце 1919–1922 гг. местные органы ВЧК особое наблюдение установили за безопасностью продовольственных перевозок

⁵⁹⁸ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 37. Л. 173, 229, 248, 283 об.

⁵⁹⁹ Карпов И.Е. У истоков рождения органов внутренних дел Самарской области. Историко-правовой очерк. Изд-во «Самарский университет», 1999. С. 120.

⁶⁰⁰ Подсчит. по: ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 2. Д. 1. Л. 74–74 об.

⁶⁰¹ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 2. Д. 1. Л. 84; Оп. 1. Д. 10. Л. 95 об, 120 об.; Д. 7. Л. 38–38 об.; Д. 232. Л. 74, 209 об.; Гизатулин Ш.Т. Преступность в российской провинции и борьба с ней в октябре 1917–1922 гг. (на материалах Самарской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 126.

⁶⁰² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144.

на железнодорожном транспорте. Сотрудники ЧК контролировали действия железнодорожной администрации и наблюдали за целостностью наиболее важных грузов в составе специально созданной Контрольно-разгрузочной комиссии⁶⁰³. В 1921 г. хищения грузов на водном и железнодорожном транспорте увеличились. В январе 1921 г. по решению Комитета обороны ГубЧК была наделена полномочиями по пересмотру личного состава милиции⁶⁰⁴, призванной бороться с уголовной преступностью. В июне 1921 г. были созданы четверки по борьбе с мешочничеством на железной дороге при отрядах войск ВЧК⁶⁰⁵. ДТЧК установила надзор за ходоками⁶⁰⁶ и проводила укрепление собственного штата необходимым числом работников⁶⁰⁷. По инициативе представительства ВЧК и при участии всех правоохранительных структур в сентябре 1921 г. начал свою работу боевой центр из пяти представителей от ж/д милиции, ДТЧК, РОВТЧК, Водной милиции и Губернской милиции. Его задачей стала регистрация сведений о хищениях и подготовка единых периодических сводок⁶⁰⁸. Предпринимаемые меры в условиях голода приносили временный результат. Как отмечает Ш.Т. Гизатулин, с июля до октября 1921 г. ГубЧК сыграла большую роль в безопасном продвижении грузов⁶⁰⁹. В конце 1921 – начале 1922 гг. число хищений на железнодорожном транспорте снова выросло⁶¹⁰. По решению Комитета обороны, принятому 16 января 1922 г., направления деятельности ГубЧК расширились. Особая охрана элеватора переходила в ее оперативное подчинение⁶¹¹, а в марте 1922 г. ГПУ становилось центром борьбы с уголовным бандитизмом⁶¹². Используя потенциал

⁶⁰³ ОСФ и Р (Отдел специальных фондов и реабилитации) Информационного центра ГУ МВД России по Самарской области. Ф. 5. Оп. а. Д. 45. Л. 14 об., 22.

⁶⁰⁴ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 370. Л. 115.

⁶⁰⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 497. Л. 187.

⁶⁰⁶ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 25. Л. 73.

⁶⁰⁷ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 497. Л. 159.

⁶⁰⁸ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 404 а. Л. 376-376 об.

⁶⁰⁹ Цит. по: Гизатулин Ш.Т. Преступность в российской провинции. С. 130-131.

⁶¹⁰ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 30. Л. 452.

⁶¹¹ Там же. Д. 370. Ч. 1. Л. 78 – 79.

⁶¹² Там же. Ф. Р. – 1868. Оп. 2. Д. 330. Л. 27.

чрезвычайных структур, разгул уголовщины удалось преодолеть к маю 1922 г. Местные власти отмечали, что в Бугуруслане, Мелекесе, Балакове, Ставрополе «бандитизма не наблюдалось»⁶¹³. В 1919–1922 гг. ГубЧК в борьбе с уголовной преступностью наделялась административно-контрольными и распорядительными полномочиями, внесудебными правами, конституировала работу всех правоохранительных структур на губернском уровне.

На территории Самарской губернии в исследуемый период происходили крестьянские протесты от волнений до крупномасштабных восстаний. Одной из причин протестной активности стала социально-экономическая политика большевиков. Как отмечает Л.И. Золотухина, в Среднем Поволжье с осени 1918 г. главными средствами решения продовольственной проблемы стала насильственная деятельность продотрядов и созданных ими комбедов⁶¹⁴. Кроме этих структур в реализации фискально-реквизиционных повинностей принимали участие ревтрибуналы и органы ВЧК. На местном уровне в оперативном производстве органов ВЧК доля дел по обвинению в спекуляции была различной. Например, как пишет А.В. Рыжиков, в 1918 г. верхневолжские ЧК вели активную работу по борьбе со спекуляцией, дел по этой категории правонарушений было большинство⁶¹⁵. В Самарской губернии осенью – зимой 1918 г. сотрудниками уездных ЧК разбирались единичные случаи «спекуляции». Так, в ноябре – декабре 1918 г. сотрудники Пугачевской ЧК возбудили 65 дел. 16 гражданам были предъявлены обвинения в «спекуляции», в январе 1919 г. из заведенных 115 дел всего 6 было по данной категории правонарушений⁶¹⁶.

Проанализируем участие местных ЧК в организации продовольственных изъятий. После восстановления советской власти в Самаре в числе первых мероприятий было создание комитетов бедноты для проведения продразверстки. Крестьяне ожесточались по отношению к военно-коммунистической политике, хотя были

⁶¹³ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 513. Л. 95–100.

⁶¹⁴ Золотухина Л.И. Деятельность чрезвычайных продовольственных органов по реализации продовольственно-распределительной политики советского государства в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011. С. 14.

⁶¹⁵ Рыжиков А.В. Деятельность губернских. С. 146.

⁶¹⁶ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 2. Д. 1. Л. 74–74 об.

случаи ее одобрения⁶¹⁷. Преимущественно население отреагировало на фискально-реквизиционные мероприятия, сопровождавшиеся многочисленными бесчинствами комбедовцев, отказами от их выполнения и убийствами советских и партийных работников⁶¹⁸. В конце 1918 г. протестные настроения крестьян, обострившиеся на почве бесчисленных поборов, стали предметом разбирательств в ЧК. Приговоры ГубЧК к высшей мере наказания были приняты по делам 11 крестьян-повстанцев, обвинявшихся в «самовольном сходе», «нападениях на советы» и «восстановлении кулацкой монархической власти». Среди расстрелянных по национальности все были русскими, по роду занятий 9 были земледельцами и 2 занимались плотничеством⁶¹⁹. Реализация фискально-реквизиционных повинностей, многочисленные местные поборы с населения приводили к его разорению. Вывоз из губернии хлеба и продовольствия в Москву и Петроград в 1919 г. по принципу, изложенному в одной из телеграмм – «грузите что возможно»⁶²⁰, – стал одной из причин голода, развития беспризорности и появления таких социальных девиаций как людоедство и трупоедство. Происходило массовое вымирание населения. К концу 1922 г. демографические потери населения Самарской губернии в период голода 1920-х гг. составили 140 тысяч граждан, умерших от истощения⁶²¹.

В 1919–1920 гг. поляризация взаимоотношений местной власти и крестьянства на фоне бесчисленного количества реквизиций только нарастала. При подавлении крестьянских выступлений 1919–1920 гг. власти проявили исключительный радикализм и достигли сверхмобилизации военно-административных ресурсов, что позволило разгромить повстанцев. Лидировали военные структуры и принципы, власть советов заменялась ревкомками, активно работали военно-революционные суды. Войска органов ВЧК привлекались к подавлению крестьян. При подавлении крестьян села Хрящевка

⁶¹⁷ Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Сборник документов Куйбышев : Куйбышевское изд-во, 1972. С. 272, 277, 280–281, 290 и др.

⁶¹⁸ Попов Ф.Г. 1918 год. Сб. док. С. 263, 254, 275, 269; Цит. по: Карпов И.Е. Организационно-правовые. С. 157.

⁶¹⁹ Подсчит. по: ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 2. Д. 1. Л. 98 об.-103 об.

⁶²⁰ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 194 б. Ч. 3. Л. 427.

⁶²¹ Там же. Д. 45. Л. 16.

Ставропольского уезда командир батальонного корпуса войск ВЧК предложил им мирно сложить оружие, в противном случае им угрожали расправой⁶²². Самарский губернский ревтрибунал по приказу ВЧК организовывал следственные комиссии для расследования дел повстанцев. Губернские и городские власти совместно с ГубЧК пристально отслеживали причины крестьянских протестов⁶²³. Главными функциями созданных ревкомов стали разведка передвижения крестьянских отрядов и их уничтожение⁶²⁴. Под руководством Губисполкома началось формирование координирующих военно-административных структур и воинских соединений. 7 марта 1919 г. был образован Революционно-полевой штаб в составе председателя штаба – члена Губисполкома, командующего всеми военными силами – помощника командира Самарского рабочего полка и члена Революционно-полевого штаба – члена ГубЧК⁶²⁵.

Военно-революционный комитет, в руках которого находилась вся полнота власти, приступил к созданию внесудебных органов подавления повстанцев. Так, 15 марта согласно его решению была создана тройка в составе заведующего юридическим и транспортным отделом ГубЧК, наделенная правом вынесения смертных приговоров по совершенным преступлениям⁶²⁶. В марте 1919 г. наряду со следственными комиссиями Губревтрибунала при штабе коммунистического батальона функционировала своя следственная комиссия⁶²⁷. Согласно решению Военно-революционного комитета от 18 марта 1919 г. формировались военно-полевые суды над активными участниками восстаний в Ставрополе и Кинель-Черкассах. Уездные власти должны были руководствоваться военно-революционным принципом беспощадного уничтожения повстанцев – «активные участники восстаний должны быть расстреляны на месте, участников косвенно отправить

⁶²² Сообщение по прямому проводу повстанцев села Хрящевки Ставропольского уезда коменданту г. Ставрополя Голосову о предъявлении ультиматума командованием батальона войск ВЧК 7 марта 1919 г. // Крестьянское движение в Поволжье 1919-1922. Документы и материалы / Под ред. В. Данилова. М. : РОССПЭН, 2002. С. 98.

⁶²³ ЦГАСО. Ф. Р. – 138. Оп. 1. Д. 4. Л. 34, 37, 44.

⁶²⁴ Там же. Д. 5. Л. 4 об.; Д. 4. Л. 34, 77, 92.

⁶²⁵ Из протокола № 33 заседания президиума Самарского губернского исполнительного комитета Советов // Самарское Поволжье. С. 169.

⁶²⁶ ЦГАСО. Ф. Р. – 138. Оп. 1. Д. 4. Л. 18 об.

⁶²⁷ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 16.

в Самару для предания ревтрибуналу». Для проведения следственных действий был направлен представитель ГубЧК⁶²⁸.

При подавлении Сапожковского восстания лидирующими были военные методы. ГубЧК поручили выявление «агентов контр-революции, шептунов и провокаторов» и предоставили права по применению высшей меры наказания и заключению всех «нерадивых, саботажников» в Концентрационный лагерь⁶²⁹. В сентябре 1920 г. одну часть сапожковцев окончательно разбили. Другая часть сохранила свое ядро, и стала в 1921 г. активным повстанческим отрядом⁶³⁰. В сентябре участники восстаний в составе 18 человек были заключены в концентрационный лагерь⁶³¹.

С осени 1920 г. в Поволжье ширилось мощное повстанческое движение крестьянства⁶³². В Самарской губернии наиболее распространенными центрами крестьянских протестов были южные уезды (Балаковский, Пугачевский, южная часть Самарского), а также Хвалынский и Вольский уезды Саратовской губернии. Не прекращая выполнение фискально-реквизиционных задач, власти сформировали превосходящую по силе крестьянских выступлений систему взаимосвязанных административных, агитационных, военных и судебных мер их блокирования. Для централизации и координации управления чрезвычайными и правоохранительными структурами в работе Губисполкома вводились принципы единоначалия. Согласно решению его президиума, принятому 8 марта 1921 г., направления деятельности были выделены в отдельные секторы, и каждый из них объединялся под началом одного руководителя. На И.Г. Бирна возлагалось руководство административным сектором, в ведение которого входили отдел управления Губисполкома, ГубЧК, Губернский комиссариат юстиции, Военкомат, Рабоче-крестьянская инспекция, Народная связь⁶³³ – ключевые структуры. С лета 1921 г. усиливалось объединение всех правоохранительных, военных и чрезвычайных учреждений для борьбы с крестьянами. Для этого были созданы коллективные времен-

⁶²⁸ ЦГАСО. Ф. Р. – 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

⁶²⁹ Там же. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 111. Л. 83.

⁶³⁰ Кондрашин В.В. Крестьянство. С. 205-206.

⁶³¹ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 2. Д. 10. Л. 4 а.

⁶³² Кондрашин В.В. Крестьянство. С. 206.

⁶³³ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 25. Л. 49 об.

ные структуры для координации совместных действий. В августе 1921 г. поводом, усилившим это объединение, стало поражение отряда ГубЧК в Бузулукском уезде. По постановлению Губисполкома от 12 августа 1921 г., принятого под давлением И.Г. Бирна, была укреплена роль командования Заволжского военного округа в операциях по разгрому крестьянских отрядов⁶³⁴. Обвинения военных властей в слабой организации борьбы с крестьянами были распространены во всем Поволжском регионе⁶³⁵. Как показал дальнейший ход событий, эта попытка привлечения военных принесла лишь незначительный эффект. Разработка новых мер по борьбе с крестьянами продолжилась осенью 1921 г. Так, 23 сентября 1921 г. на совместном совещании «карательных органов» г. Самары был принят комплекс мер по «продуктивному проведению месячника борьбы с бандитизмом»⁶³⁶. 1 ноября 1921 г. была подтверждена организация Комитета обороны в составе председателя Губисполкома, председателя ГубЧК, командующего округом, других представителей руководящих органов власти и управления⁶³⁷. Усиление нападений крестьянских отрядов на г. Пугачев повлияло на возрастание координации соответствующих структур. Властями было решено создать Особую тройку по борьбе с бандитизмом. Это решение было принято 14 ноября 1921 г. на экстренном заседании Комитета Обороны. В состав Особой тройки входили представители военного командования, укома и политбюро. Принимались меры к организации единого разведывательного аппарата. Однако эффективность объединения усилий данных чрезвычайных и военных структур была незначительной. По решению Комитета обороны от 14 ноября 1921 г. из-за отсутствия вооруженных сил округа Самарской губернии задачи борьбы с «бандитизмом» снова возлагались на ГубЧК, войска ВЧК и Коммунистические части⁶³⁸. При этом, согласно решению принятому 31 января 1922 г. Губкомом РКП(б), «борьба с бандитизмом» и «всякие мелкие дела» должны были быть исключены из ведения ГубЧК⁶³⁹. В декабре 1921 г. были

⁶³⁴ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 109. Л. 43.

⁶³⁵ Кондрашин В.В. Крестьянство. С. 207.

⁶³⁶ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 370. Л. 126.

⁶³⁷ Там же. Д. 404 а. Л. 495-495 об.

⁶³⁸ Там же. Д. 370. Л. 81-81 об.

⁶³⁹ Там же. Д. 110. Л. 29 об.

убиты «главарей» Горин и Иванаев, а их отряды влились в крестьянское формирование Серова⁶⁴⁰. В августе 1922 г. 6 Покровский кавалерийский взвод ЧОН принимал активное участие в ликвидации «банды» Серова и ее групп, в результате она была разбита, масса «главарей» была захвачена и добровольно сдалась, в их числе был сам Серов⁶⁴¹. Сопротивление крестьянства было сломлено.

Органы ВЧК в Самарской губернии были неотъемлемой частью региональной системы государственного управления. Формы и уровни, направления и методы участия в советских преобразованиях были разнообразными. В борьбе с дезертирством из Красной армии, важнейшей проблемой для советской власти, ЧК выполняли вспомогательную роль на организационном, военном и следственном уровнях, используя контрольно-административные, оперативные методы и применяя репрессивные средства. Удержание большевиками советской власти на местном уровне осуществлялось всевозможными способами. ЧК совместно с другими чрезвычайными подразделениями смогли обеспечить политическую власть в руках большевиков в условиях роста народной стихии. В иерархии чрезвычайных подразделений место ЧК варьировалось в зависимости от конкретных условий. В ситуации открытого военно-политического противостояния с КОМУЧем и после его свержения положение местных ЧК было определяющим. Методы воздействия ЧК на население в период восстановления советской власти осенью 1918 г. были террористическими. Для многих регионов, охваченных гражданской войной, жестокие репрессии в периоды смены властей стали закономерностью. Поднадзорными элементами региональной политической системы стали партии и низовые советы. Методы влияния ЧК на партийно-политические структуры включали аресты, практику заложничества, установление надзорных мер и физическое уничтожение их членов. Для высшего центрального руководства приоритеты формирования однопартийной системы имели в том числе хозяйственно-экономическую целесообразность. Население обширной Самарской губернии рассматривалось в качестве хлебного донора и, вследствие этого, оказалось

⁶⁴⁰ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 58. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.

⁶⁴¹ РГВА. Ф. 58. Оп. 1. Д. 20. Л. 66.

заложником исполнения бесконечных фискально-реквизиционных повинностей. Хлебные и продовольственные ресурсы, сельскохозяйственный инвентарь и даже домашняя утварь реквизировались на нужды Красной армии и Москвы с Петроградом. Демократическая активность низовых (уездных и волостных) советов блокировалась системой ревкомов.

Местные органы ВЧК также были нацелены на бесперебойную реализацию разнообразных мобилизаций населения и подавление сопротивления неугодного состава советов. В сфере властно-политических отношений, установившихся в местном сообществе, наиболее ярко проявились авторитарные и мобилизационные методы управления советской власти, обусловленные жестокими принципами гражданского противоборства. Местные органы ВЧК в Самарской губернии являлись важнейшей частью системы чрезвычайного управления советской власти и смогли обеспечить проведение ее социально-экономических мероприятий, а значит внесли свой вклад в победу советов и РКП(б) в Гражданской войне. Социально-политическим последствием практики чрезвычайного управления стало разрушение революционно-демократического потенциала общества. Катастрофическим результатом стало разорение и массовое вымирание жителей Самарской губернии.

В течение 1918–1922 гг. подавление крестьянских протестов осуществлялось различными методами. В период восстановления советской власти в конце 1918 г. господствовали внесудебные репрессии органов ВЧК. В 1919–1922 гг. во время крупнейших крестьянских восстаний в Поволжском регионе сформировался административный механизм, который представлял собой совокупность действий правоохранительных, судебных, военных, чрезвычайных структур. Наиболее типичной схемой подавления крестьянских отрядов стало проведение следующих оперативных действий: объявление местности на военном положении и замена гражданской власти временными ревкомами; вооруженное подавление, тактика которого изменялась в зависимости от оперативной обстановки. Органы ВЧК были наделены внесудебными полномочиями. Их представители входили во временные чрезвычайные структуры в качестве как исполнителей, так и координирующего центра. Заметную роль местные подразделения ВЧК сыграли в борьбе с уголовными преступлениями. Органы милиции, находившиеся в

процессе формирования, не могли самостоятельно справиться с возложенными на них полномочиями. ЧК участвовали в пресечении преступлений, представлявших серьезную угрозу для общественной безопасности, вместе с Уголовным розыском Самарской милиции. Повышенное внимание уделялось предотвращению хищений продовольственных грузов на транспортных магистралях. К 1922 г. органы ГубЧК – ГПУ, координируя эту работу, а иногда и возглавляя ее, положили конец разгулу уголовников.

Большое влияние чрезвычайных структур со свойственными им радикальными средствами деятельности в системе государственного управления обуславливалось общероссийской практикой распространения методов «чрезвычайщины». Сыграла свою роль местная специфика гражданского противоборства. В Самарской губернии военно-политическое противостояние Советов с КОМУЧем, масштабные крестьянские восстания, проведение фискально-реквизиционных кампаний, борьба с дезертирством определяли принципы формирования и постоянных реорганизаций, направления и методы деятельности органов ВЧК. Фактически опора на чрезвычайные принципы регулирования общественных отношений позволила большевикам одержать победу над своими противниками. Всевозрастающее значение чрезвычайных структур практически во всех областях общественной жизни можно оценивать двояко: с одной стороны, как проявление антидемократических тенденций, когда ведущими признавались цели и задачи центра над местными приоритетами, и, с другой стороны, как слабость конституционных органов власти, неспособных противостоять народной стихии и решать управленческие задачи. Кроме этого, действовал фактор бескомпромиссной позиции большевиков по отношению к политическим оппонентам и любой оппозиции. В связи с этим усиление чрезвычайных методов в государственном управлении разворачивалось на фоне обострения социально-экономической ситуации. Органы ВЧК непосредственным образом воздействовали на создание и деятельность местных институтов советской государственности.

Заключение

Уважаемый читатель!

Как известно, историография истории Самарского края обширна. Напомним, что значительный вклад в изучение этой актуальной проблемы внесли дореволюционные краеведы П.В. Алабин и К.П. Головкин. Отметим также и научные труды преподавателей Самарского университета В.В. Гольмстен и М.Н. Тихомирова. Нельзя не отметить изыскания сотрудников Самарского и Средневолжского Истпарта Н.Н. Сперанского, И.И. Блюменталь, В.В. Троцкого и др. Значительный интерес представляют исследования К.Я. Наякшина, Е.И. Медведева, Г.Н. Рутберга, С.Г. Басина, Н.Л. Клейн. Историю Самарского края изучает внушительная армия самарских краеведов, а потому крайне необходимо учитывать их исследовательские практики.

И все же научная разработка истории Самарского Поволжья активизировалась в связи с открытием в 1969 г. Самарского (Куйбышевского) университета. Учеными исторического факультета были изданы «История Самарского края», «Земля Самарская», трехтомная «Самарская летопись», шеститомная «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», двухтомная «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», а также шеститомная «Классика самарского краеведения».

При подготовке к изданию настоящей монографии мы уделили внимание как теоретическим, так и конкретно-историческим аспектам истории Самарского Поволжья. При этом мы пытались восполнить те пробелы, которые возникли при публикации нашей коллективной двухтомной монографии «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» (Самара, 2020).

Образование Самарской губернии в 1851 г. придало мощный импульс развитию экономической и социокультурной сфер нового региона Российской империи, который в течение кратчайшего времени стал крупнейшим производителем товарного зерна, а губернский центр Самара в связи с трансформацией транспортной и финансовой инфраструктуры выступал в качестве важного транзитного центра в системе всероссийского рынка. В монографии представлена не только панорама эволюции Самарского Поволжья, но и уделено внимание, прежде всего, людям, всем тем, кто занимался созидательной деятельностью, обустройством жизни на вновь осваиваемых территориях лесостепного и степного Заволжья. Мы убеждены в том, что наша монография будет способствовать дальнейшей научной разработке истории Самарского Поволжья.

Научное издание

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Коллективная монография

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор,
титульное редактирование *Л. В. Крылова*
Компьютерная верстка,
подготовка оригинал-макета, фото на обложке *Т. А. Мурзиновой*

Подписано в печать 20.01.2025. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 15,5; уч.-изд. 16,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1011.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)
443086, Самара, Московское шоссе, 34
Центр периодических изданий

ООО «САМАРАМА», 443087, Самара, ул. Стара-Загора, 167
Тел. 8 960 931 74 78. E-mail: oraborodina@yandex.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в цифровой типографии ООО «Прайм»
443544, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49